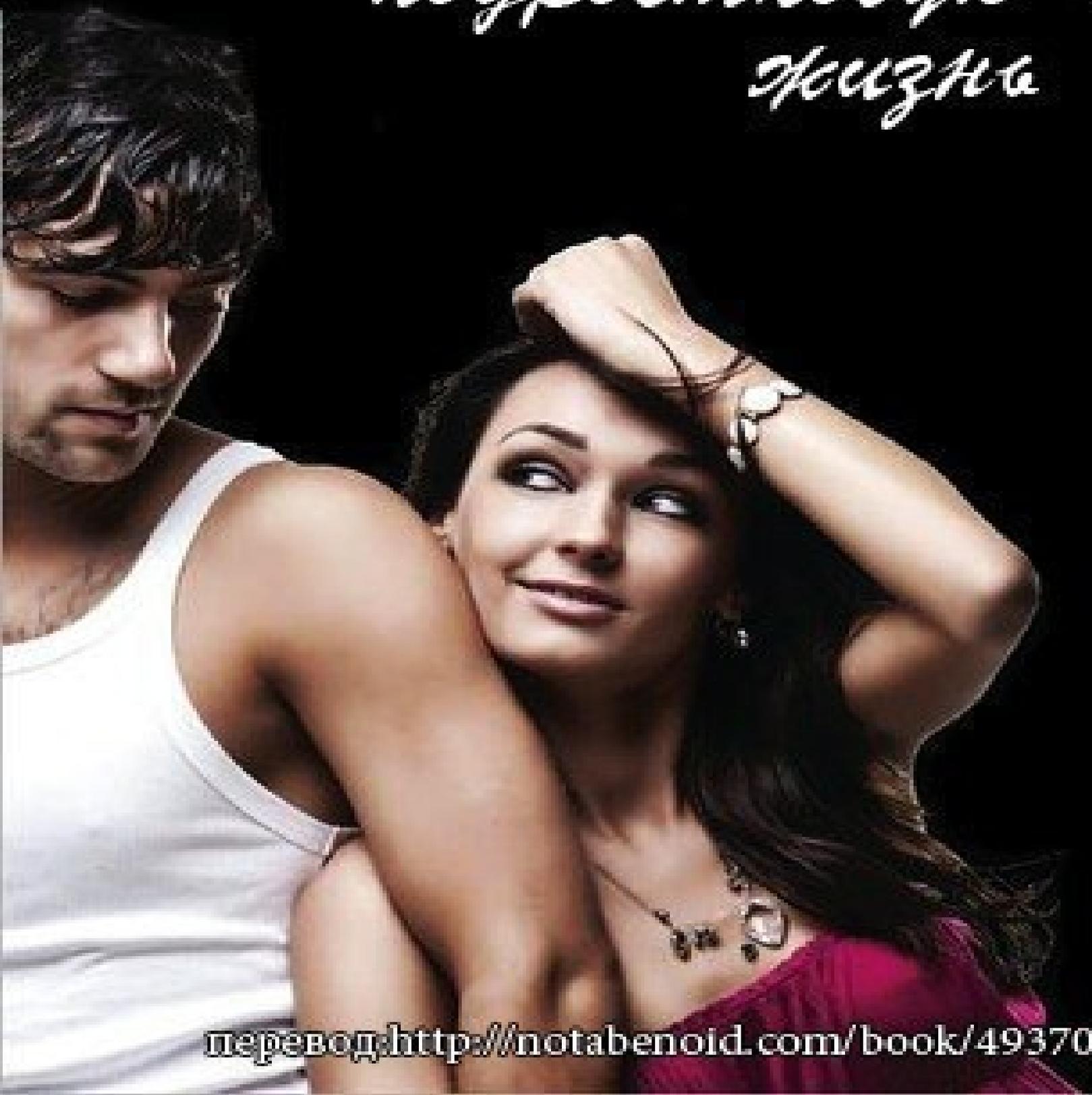

СИМОНА ЭЛЬКЕЛЕС

*Как разлучить мою
подростковую
жизнь*

перевод: <http://notabenoid.com/book/49370>

Во второй части «Как разрушить...» всё в жизни шестнадцатилетней Эми Нельсон идет не так! Ее мама вышла замуж и переехала в пригород, а сейчас она ждет ребенка. Эми, вернувшись с отцом в Чикаго, зарегистрировала его в службе online-знакомств. Его первые четыре свидания состоятся этой ночью... Что еще? От её собаки Мутта забеременел драгоценный пудель ее сварливого соседа, и теперь Эми нужно найти время, чтобы устроиться на неполный рабочий день и оплатить часть ветеринарных услуг. И к дополнению всему, этот ужасно раздражающий парень, Нельсон Рубин, переехал в ее дом. К счастью, у Эми есть идеальный парень Эйви. Хотя, кажется, у нее сейчас нет парня, ведь Эйви ушел на службу в армию Израиля на три года. Что может сделать девушка, когда весь мир сплотился, чтобы разрушить ее жизнь? Переводчики: Ирина Переседова Anti Heroine Вилли Шумски Редактор-корректор Ирина Белова Вычитка: Татьяна Шкробнева Полина Литвинова Переведено для группы Симона Элькелес — Идеальная химия Simone Elkels

На религиозных занятиях рабби Глассман сказал, что каждое слово в Торе наполнено смыслом.

Нет напрасных слов.

Это заставило меня задуматься обо всех сказанных мною словах в жизни.

Меня зовут Эми Нельсон-Барак. Моя мама Нельсон, а папа Барак. Нет, они никогда не были женаты. Меня пугало то, что я внебрачная дочь, но думаю, после того, как прошлым летом мой отец отвез меня на свою Родину, все изменилось.

Мама месяц назад вышла замуж за Марка «с одной к». Он, конечно, хороший, если тебе по вкусу ультраконсерваторы. После свадьбы они переехали в пригород, можно подумать, что как только ты вступаешь в брак, тебе нужно переехать в место, где доехать на машине до Starbucks ближе всего.

Я живу вместе со своим отцом в Чикаго. Я называю его Аба, что на иврите означает «папа». В Чикаго у него есть огромнейшая квартира на сороковом этаже. Его достаточно долго не было в моей жизни, но несколько месяцев назад все изменилось. Чтобы коротко рассказать мою длинную историю, скажу, что этим летом я и мой отец познакомились друг с другом и решили все наши проблемы. Он познает, что значит быть отцом подростка, а я узнаю, как бороться с чрезмерным покровительством отца. Я решила пожить с ним до тех пор, пока я не окончу среднюю школу, поэтому мне не придется менять мою школу. Но самое лучшее, что я живу поблизости с кафе Perk Me Up! Это кафе похоже на Starbucks, но только лучше.

Ладно, я не пью натуральный кофе. В декабре мне исполнилось семнадцать, и я все еще не распробовала его. Но это не все. Я городская девчонка. И кофейня в нескольких шагах от твоего дома все компенсирует.

В этот морозный январский день я сидела в кафе Perk Me Up! и делала домашнюю работу по алгебре. И, несмотря на то, что зимние каникулы закончились неделю назад, я все еще пытаюсь подстроиться под школьный ритм. Я бы могла подняться наверх и позаниматься в более спокойном месте, но так как мой папа вернется домой только поздним вечером, я решила расслабиться здесь. А еще хозяйка Perk Me Up! Мария, очень веселая. Она всегда делает мне горячий шоколад с огромной порцией взбитых сливок.

Вы знали, что во взбитых сливках совсем немного углеводов, а может, их даже и вовсе нет? Это правда. Ты можешь съесть в один присест целую банку взбитых сливок, и даже тогда ты употребишь меньше углеводов, чем в сочном яблоке. Ничто не сравнится с дополнительной порцией взбитых сливок, конечно же, если это не острые роллы с тунцом из моего любимого суши — бара Nanabi. Ладно, признаю, суши с рисом не скудны углеводами. Суши — это моя одержимость и зависимость, поэтому, когда дело доходит до подсчета углеводов, я делаю им большую поблажку.

— Твой отец снова работает допоздна? — спросила Мария, протирая столик рядом со мной.

Я закрыла свой учебник по алгебре.

— Да. Клянусь, у меня такое впечатление, что мир рухнет, если он не выйдет на работу хотя бы один день.

— Он преданный человек, — ответила Мария, держа в руке забытую на столике газету. — Это замечательно.

— Наверное.

В кафе зашли новые посетители. Мария положила газету на мой столик и направилась к стойке. Я заметила, что она была открыта на страничке объявлений знакомств. Парень ищет девушку. Девушка ищет парня.

Боже, насколько эти люди отчаялись? Кто на самом деле публикует объявления, чтобы пойти на свидание?

— Что ты делаешь? — спросил знакомый голос.

Я посмотрела на мою лучшую подругу Джессику. У нее, как и у ее родителей, темные волосы и карие глаза. Как у ее братьев и сестер. И ее родственников. Такое впечатление, будто они клонировали друг у друга темные волосы и карие глаза. Клянусь, в ее еврейской родословной нет ни одного рецессивного гена.

— Я? Я ничего не делаю, — сказала я, запихивая газету в рюкзак.

— Эми, я видела, как ты просматривала анкеты знакомств.

— Ладно, ты меня подловила — я показала ей бумагу, — Джесс, посмотри внимательно на эти анкеты. Они настолько... личные, — у меня такое чувство, будто я вторгаюсь в жизнь этих людей.

Джессика наклонилась, и мы вместе прочитали:

Телец с большим сердцем.

ОБ^[11] 38 лет, 5'10, ленива, но любит слушать музыку, танцевать, казино и рестораны.

Ищет ОБ^[21], которому нравятся ленивые девушки и настроенного на ДО^[31].

— Это не серьезно.

Джессика засмеялась.

— Кому нужен ленивый картежник?

Наклонившись, мы продолжили читать:

Профессиональная модель.

Сексуальный ОБ 28 лет, 54'110 футов. Блондин с голубыми глазами. Любит пробовать все новое и развлекаться. Ищет ОБ возрастом от 25 до 65 лет, ДО.

Если серьезно, то я немного озадачена.

— Ты можешь мне объяснить, что означает ДО?

— Длительные отношения.

Ох. Думаю, мне не понять их жаргон.

— Почему тощая белокурая модель ищет кого — то семидесятилетнего? — Я могла понять ленивую дамочку, но модель?!

Я подозвала Марию к нашему столику.

— Дорогая, тебе добавить еще взбитых сливок?

— Нет, спасибо. Почему модель опубликовала объявление о ДО в газете?

— Прости?

Джесс покачала головой.

— Длительные отношения, — она протянула газету Марии.

— Не судите их. Я знакома со многими людьми, нашедшими свою родственную душу в Интернете или на странице знакомств.

Джесс сделала глоток моего горячего шоколада.

— Эми, я не могу понять, Эйви же идеальный парень, верно?

При упоминании моего не-парня, служащего в израильской армии, я улыбнулась. Мы не можем на самом деле встречаться, когда нас разделяют миллионы километров. И он не совершенен. Идеальный парень не жил бы в другой стране.

— А как насчет Митча? — спросила я Джесс. — На прошлой неделе ты мне сказала, что Бог создал вас друг для друга.

Она скривила лицо от отвращения.

— Не упоминай о нем при мне.

Не обнадеживает.

— Хорошо, что случилось?

Джесс вздохнула.

— Он не звонил мне уже два дня, а бал в честь дня Святого Валентина не за горами. Если бы он хотел пригласить меня, он бы уже спросил. Моя мама хочет купить мне платье для вечера, но он не пригласил меня на свидание, — еще чуть-чуть и Джесс разрыдается. — А еще, когда сегодня утром я улыбалась перед зеркалом, я поняла, что у меня кривое лицо.

— Это не так.

— Это слишком. Смотри, — она улыбнулась так, словно ей больно. — Правая сторона моего рта наклоняется вниз.

— Пойдем в парк для собак, — сказала я, впадая в гигантское неистово по поводу того, насколько плох Митч и его угрюмое выражение лица. Неужели она действительно думает, что Бог создал всех симметричными? Большому Парню наверху нужен отдых. К тому же Джесс ипохондрична и чрезмерно самокритична с тех пор, как в третьем классе она подумала, что у нее вши, а на самом деле это были всего лишь чешуйки плохого лака для волос. Ей нужно расслабиться, и направить свою энергию в позитивное русло. — Мне нужно погулять с Муттом.

Мутт — это моя собака. И да, он метис. Эйви подарил мне его перед тем, как я уехала из Израиля. В его крови нет ни единой капли от чистокровной породы. Раньше он был маленьким пушистым шариком, но за последние два месяца он в три раза увеличился в размерах.

Вернувшись в нашу квартиру, я взяла моего пса и пакетики для фекалий. Когда я вышла на улицу, меня ждала Джесс с отвращением на лице.

— Ох, Боже мой, с тех пор, как я видела его в последний раз, он стал еще больше, — сказала она. Каждый ее выдох сопровождал клуб дыма от январского холода.

— Я знаю. Если он еще вырастет, мне придется купить огромную двуспальную кровать, чтобы мы вместе могли уместиться, — сказала я, закутываясь в куртку от North Face. Туристы спрашивают, почему чикагцы утепляются в холод, тогда когда если бы в это время они жили в Аризоне, они бы носили шорты. Хочу заметить, что если тебе не нравится холодный климат, ты возненавидишь январь в Чикаго. Я люблю холод, Чикаго и смену времен года. Мне нужно жить в том месте, где осенью с деревьев действительно опадают листья.

Джессика закусилла нижнюю губу.

— Ты не думаешь, что Митч будет гулять с Зевсом в парке для собак, верно?

Да.

— Нет, Джесс. Почему ты сама не пригласишь его на бал?

— Чтобы потом я прославилась на всю школу как «просящая девушка»?

Она немного преувеличивает, вам так не кажется? Я не согласна с ней. Иногда я спорю с Джесс, а иногда нет. Это будет в другой раз.

К тому же, возможно, Митч даже не задумывался о бале в честь дня Святого Валентина. На дворе январь, а бал будет не раньше, чем через месяц. Уверяю вас, парни — это совершенно другая порода. Я посмотрела на Джессику. На ее лице застыло трогательно-грустное выражение лица.

Мы идем по улице вместе с моим белым и пушистым чудовищем, который бежит так сильно, что, кажется, вот-вот вывернет мою руку. Мутт был взволнован предстоящей прогулкой, но когда он понял, что мы идем в парк для собак, утихомирился. Он сходит с ума в парке для собак.

— Ты не хочешь отправить его в лагерь дрессировки собак или куда-нибудь еще? — сказала Джесс, стараясь идти рядом со мной, подстраиваясь под наш шаг.

— Он приехал в нашу страну пять месяцев назад, — возразила я. — Он был на карантине. Я отказываюсь подвергать его новой стрессовой ситуации, бедняжке нужно прийти в себя.

Джесс покачала головой.

— Эми, это всего лишь собака, ты слишком его избаловала.

Я не избаловала его.

Ладно, избаловала.

Но Мутт мой товарищ. Мой защитник. Он заставляет меня смеяться. Он для меня все.

Мы подошли к парку, и Мутт не смог сдержаться. Когда я закрыла ворота и сняла поводок, он с легкостью вырвался и побежал к своим друзьям, чтобы вместе с ними поиграть.

Мистер Обермейер, старый ворчун с четырнадцатого этажа нашего дома, презрительно сказал:

— Держи свою собаку подальше от моей Принцессы.

Принцесса — это пудель-чемпион мистера Обермейера. Он ненавидит Мутта и это очень хорошо, потому что я ненавижу пуделя по кличке Принцесса.

— Не волнуйтесь, мистер Обермейер.

Я не понимаю, почему старик гуляет в парке. Он ни с кем не разговаривает, лишь за исключением тех случаев, когда он говорит людям, чтобы те держали своих собак подальше от его лелеемой псины.

— Смотри, там Митч! — прошептала Джесс, спрятавшись за мной.

Посмотрев в другой конец парка, я увидела его.

— Пойдем, поговорим с ним.

— Нет! Эми, признайся, ты знала, что он будет здесь.

Проблематично, когда человек кричит на тебя в своей пассивно — агрессивной манере.

— Джесс, он твой парень, — ладно, раньше Митч был моим парнем, но это совершенно другая история. Я не совсем была с ним. Да и к тому же, я довольна своим не-парнем. Ладно, более или менее. Я ненавижу частичку «не» в этом словосочетании. Я бы хотела, чтобы Эйви не просил меня пообещать не давать никаких формальных обязательств относительно друг друга.

Джессика выглянула из-за моего плеча.

— Ты не видишь, с кем он?

Я вытянула шею. Мой взгляд обратился к длинноногой рыжеволосой девушке.

Роксана Джеффрис.

Я ненавижу Роксану Джеффрис почти так же сильно, как и собак по кличке Принцесса.

Она улыбалась Митчу. Шлюха.

— Джесс, тащи туда свою задницу, — приказала я, отходя в сторону.

— Он ей улыбается! У Роксаны нет изящных линий, она сплошное недоразумение!

Думаешь, он пригласил ее на бал в честь дня Святого Валентина?

— Нет. Он *твой* парень. Почему ты чувствуешь себя так неуверенно? У тебя шикарные волосы, я бы за них умерла; идеальные изгибы тела и шикарная грудь. А теперь иди туда и предъяви права на своего парня.

Нет ни единого места, где бы мы могли остаться незамеченными. Мутт очень большой, толстый и самый дружелюбный пес во всем мире. К тому же, все в районе знакомы с Муттом. И все в районе знают, что Мутт мой пес. Митч — парень, считающий себя слишком крутым, чтобы носить в минус двадцать пять градусов куртку — увидев мою бестию, он кивнул мне.

— Он меня увидел, — сказала я Джесс.

— Черт, — пробормотала она за моей спиной.

Ладно, с меня хватит.

— Он не сможет тебя пригласить, если ты не будешь с ним разговаривать, — я направилась к Митчу, уверенная в том, что Джессика следует за мной. — Привет, — сказала я ему и Роксане. И только сейчас, когда я обернулась, я поняла, что Джессика не последовала за мной.

Митч кивнул мне.

— Здорова, Эми.

Роксана, укутавшись в шарф, кожаные перчатки и новое зимнее пальто, которое, как я слышала, она купила в Barney's по цене, превышающей пятисот долларов, не поприветствовала меня словами «Эй, привет» или просто «Привет». Вместо этого она сказала:

— Твой пес флиртует с Зевсом.

Я посмотрела на Мутта. Она не шутила, мой пес действительно заигрывал с черным лабрадором Митча так, будто завтра не наступит.

— Он показывает Зевсу кто здесь альфа-самец, — как ни в чем не бывало сказала я.

Роксана с отвращением посмотрела на меня, а Митч засмеялся.

Мутт присел перед Зевсом, производя на свет огромную дымящуюся кучку. Серьезно, до того как у меня появилась собака, я бы никогда не подумала, что буду спокойно поднимать отвратительные дымящиеся кучки при помощи полиэтиленового пакета, который является единственной преградой между моей рукой и экскрементами.

— Куда пошла Джесс? — спросил Митч.

Быстро просмотрев территорию парка для собак, я поймала взглядом удаляющуюся Джессику. Она уходит.

— Мутт, пошли, — приказала я, побежав к воротам. Мутт озабочено нюхал попу мопса. Черт побери. Я открыла ворота. — Мутт, угощение! — и он побежал быстрее, чем любая лошадь на Кентуккийских скачках.

В одной руке я держу пакет с теплыми какашками Мутта, а в другой его поводок. Вся проблема в том, что вместо того, чтобы остановиться и дать мне выбросить пакет в урну, Мутт пролетел мимо меня к открытым воротам, выбегая прямо на людную улицу Чикаго.

— Мутт, вернись! — крикнула я изо всех сил. Клянусь, когда я поймаю эту бестию, у него будут большие неприятности.

Можно подумать, что мой дорогой песик меня послушается. Но нет. Он бежит так быстро, что я представила его поющим «Born Free»^[4] на одном из звериных спектаклей.

Я пробежала около двух кварталов и хочу заметить, что они намного больше любого пригородного квартала. Моя грудь подпрыгивает, представляя собой не очень приятное зрелище. Я задыхаюсь, такое чувство, будто весь воздух покинул мои легкие, и они никнут. Я все еще вижу белый пушистый комок, виляющий хвостом, но с каждым шагом он убегает все дальше и дальше от меня.

Я выругалась на снег, который, растаяв, покрыл льдом тротуар. Пытаясь обежать баррикады около зданий, я постоянно скольжу из-за своих сапог, которые я выбрала благодаря моде, а не удобству. Если вы живете или работаете в Чикаго, то знаете, что зимой опасно ходить по улицам, ведь с крыш зданий может упасть сосулька.

Снег падает на улицу и люди, поскользываясь, падают навзничь. Однажды на меня с крыши здания упала сосулька. К счастью, я нагнулась так, что от сильного ушиба пострадала лишь голова. Если бы я посмотрела вверх... я бы была мертва, или мой нос был бы сломан. Я смотрю вперед, стараясь игнорировать предупреждающие таблички об падающих сосульках.

— Мутт, — прокричала я, но из-за того, что я запыхалась, мой крик был похож больше на писк.

Я собиралась сдасться, когда увидела как кто-то остановил Мутта. Спасибо, Господи. Скользя, я подбежала к человеку, остановившему моего пса.

Подросток, одетый в клетчатую рубашку, застегнутую на все пуговицы, и в вельветовых штанах, встал на колени, держа Мутта за ошейник.

— Он твой? — спросил парень, поправляя очки на носу, когда я остановилась.

Я задыхалась, пытаясь отдышаться, но все же смогла вымолвить «да».

Прежде чем я успела перевести дыхание и поблагодарить парня, он встал и сказал:

— Ты знаешь, что по закону он должен быть на поводке?

— Спасибо за совет, — на выдохе сказала я, а потом протянула руку и застегнула поводок.

— Я серьезно. Его могла сбить машина.

— Серьезно, я знаю.

Парень подошел ко мне.

— Ты хоть представляешь, сколько собак попадают под машину или в приют по вине своих безалаберных хозяев? — он что шутит? Последнее, в чем я нуждаюсь — так это в лекции о безопасности собак. Я потрясла перед его носом пакетом с какашками, который все еще держала в руке.

— Послушай, я не безалаберный хозяин. Неряшливые хозяева не носят контейнеры для какашек. И как ты видишь, мой пес цел и невредим.

Он поднял руки в знак фальшивой капитуляции.

— Не сердись на меня, я всего лишь беспокойный гражданин.

— Спасибо, что поймал мою собаку, — сказав это, я направилась домой, все еще держа в руках пакет с экскрементами.

— Арг! — пролаял Мутт по дороге.

Я посмотрела на пса со своей знаменитой усмешкой.

— От тебя так много проблем.

В ответ мой пес пукнул. К тому же, он еще и вонючка. Фу.
Пассивно-агрессивный разговор.

Бог говорил с Моисеем (Исход 3:4).

До сих пор ли Бог разговаривает с людьми?

И почему, когда я с ним разговариваю, мне кажется, будто он никогда не ответит?

Было действительно приятно пообщаться с вами, ребята, и мы вскоре вновь увидимся, но вам нужно уходить

В воскресенье я с Муттом приехала к маме в новый дом в Дирфилде. С тех пор, как я начала жить с папой, я приезжаю к ней на выходные. Мутт забежал в дом прежде, чем я полностью открыла дверь.

— Арг! Арг!

Мне не нужно гадать, где мама. Ее крик оповестил меня о том, что она на кухне.

— Эми!

А вот и она.

— Что? — спросила я равнодушно.

— Ты притащила с собой пса?

— Мутт, мама. Его зовут Мутт.

Ладно, теоретически, это одно и то же.

— Арг! — пролаял Мутт.

— Почему он так лает?

— Я уже тебе говорила тебе, что у него дефект речи.

Это семейное. Мой папа не выговаривает звук «з», потому что в израильском языке нет звука «з». Я привыкла к этому. Хотя, я даже не слышу его акцента.

То же самое с Муттом.

— Может быть, с ним что-то не так, — сказала она, повторив свой вопрос. — Ему сделали все прививки?

Я закатила глаза.

— И ты называешь меня Королевой Драм? Он совершенно здоров.

— Просто... Пусть он побудет на улице. У Марка аллергия.

Я плохо чувствую себя из-за того, что мне придется оставить его на улице, особенно потому, что я привезла его из Израиля, и он привык к теплу. Но у него есть теплая шерстка, и поэтому я не должна волноваться, верно?

— Мутт, выходи, — приказала я, открывая заднюю дверь. Он вприпрыжку побежал к двери. Кажется, он не против побыть на улице.

Честно говоря, я думаю, что у Марка появилась аллергия лишь от одной мысли, чтобы завести собаку.

Он помешан на чистоте, а Мутт — это брезжившее слюнями животное.

Обернувшись, я заметила, как мама смотрит на мою грудь.

— В последнее время она выглядит немного обвисшей. Думаю, настало время купить новые бюстгалтеры.

— Мама, — в ужасе сказала я, — с моими лифчиками все в порядке.

— Когда в последний раз они должным образом держали твои формы?

О нет, только не это. Опять. Однажды моя мама заставила меня пойти в бутик к

специалисту по бюстгальтерам. И вот представьте, я стою в примерочной, а девушка-консультант, измерив меня, помогает мне засунуть мою грудь в лифчик. Это был самый неловкий момент в моей жизни (ладно, в моей жизни их было миллион, но этот возглавляет список).

— Не могли бы мы не говорить о моей груди, пожалуйста?

Здорово, Святой Аллергик зашел на кухню. Надеюсь, он не слышал разговор об обвисших сиськах.

— Привет, Эми, — сказал он.

— Привет, — пробормотала я.

Наклонившись к маме, он поцеловал ее. Фууу! Seriously, если он начнет к ней приставать, я уйду.

— Апчи!

— О, милый, — сказала мама (нет, она обращается не ко мне). — Собака Эми была в доме.

— Все нормально, — ответил он. Подлиза.

Терпеть не могу все эти «телячьи нежности».

— Пойду, прогуляюсь с Муттом.

— Подожди. Мы хотим у тебя кое-что спросить.

— Что? — я повернулась к маме.

— Просто... Сядь.

Я плюхнулась в кухонное кресло. Мама садится рядом со мной, а Марк рядом с мамой. Она протянула руку, чтобы взять меня за руку.

Ладно, это намного важнее, чем разговор о моей груди. Я могу сказать это потому, как сильно она сжимает мою руку.

— Ты бы хотела стать старшей сестрой?

Я пожала плечами.

— Нет, не хотела бы.

Мне нравится моя жизнь такая, как сейчас. У меня есть мои мама и папа, Джессика, мой не-парень, у меня есть Мутт. Моя жизнь прекрасна, так почему же я должна хотеть, чтобы маленький паршивец все испортил?

Возбуждение моей мамы растаяло на глазах.

— Почему ты задумалась об усыновлении? Mam, послушай, я сомневаюсь, что людям в твоём возрасте позволяют усыновлять детей.

— Прошу прощения! Мне всего лишь тридцать семь.

— Ха! Тебе почти сорок.

— Кроме того, — продолжила мама, не обращая на меня внимания, — мы не думали об усыновлении. Я беременна!

Пауза.

Тишина.

Перемотка. Я не ослышалась?

— Ты беременна? У Вас будет ребенок?

Марк широко улыбнулся.

— Да-а.

Я встала.

— И вы не посоветовались со мной?

Я имею в виду, что они хотя бы могли сказать мне. Они хотят найти мне замену, потому что я живу с папой? Как будто я не приезжаю в пригород. Я приехала. А моя мама просто взяла и продала нашу квартиру в городе. Я не могу перейти в другую школу в одиннадцатом классе. Ведь тогда мне придется знакомиться с новыми друзьями. О, Боже. Они так рады этому. Как будто новый малыш будет лучше, чем старая, использованная модель.

Ребенок.

Факт остается фактом: меня заменят, и от этого никуда не деться.

— Я не буду менять подгузники, — ляпнула я. Да, я знаю, что нужно быть незрелой и инфантильной, чтобы ляпнуть такое, но это просто слетело с языка. Подайте на меня в суд за то, что я подросток.

Мама смотрит на меня с полными слез глазами.

— Тебе не нужно менять подгузники.

Простите, но я не могу спокойно тут стоять. В моей голове крутится множество вопросов.

— Вы это планировали?

Мама и Марк переглянулись.

— Ну, да, — ответил он.

— А вы не думали, что мое мнение тоже важно?

— Эми, Марк и я хотим общих детей. Я думала, что ты будешь рада, как и мы.

Я сглотнула, что не очень просто, ведь у меня такое впечатление, будто в горле застрял комок размером с баскетбольный мяч.

— Мне нужно идти, — я взяла Мутта. — Пойдем, мальчик, — проговорила я, ведя его к передней части двора. Мне нужно выйти из дома и выяснить, как мне вписаться в мою, так называемую, семью.

Мама выбежала вслед за мной.

— Эми, я не хочу, чтобы ты сердилась.

Я вздохнула.

— Мам, я не сержусь, мне просто нужно все обдумать. В машине.

Разблокировав телефон, я написала смс Джессике.

Я: Угадай, кто беременна?

Джесс: Ты?

Я: Не смешно.

Джесс: Твоя мама?

Я: Ага!

Джесс: Mazel tov!

Я: Без поздравлений, пожалуйста.

Джесс: Могло быть еще хуже.

Я: Насколько?

Джесс: Это могла быть ты.

Я: Я девственница.

Джесс: Никто не идеален.

Я: Хватит шутить!

Джесс: Лучше шутить, чем рыдать, согласна?

Оставьте это моей лучшей подруге — предлагать вам перспективу.

Но Джессика не знает истории мамы и папы. Истории, все еще живой для одного из них. И это не шутка. Когда я вернулась в город, я была готова поклясться, что температура понизилась на двадцать градусов. Я начала разогревать руки, чтобы изобразить, что замерзла.

Плакать — это не мое, но глаза сами по себе наполняются слезами. Черт.

Мне жаль папу, особенно теперь, когда я точно знаю, что у мамы и Марка будет настоящая семья. Мой бедный папа одинок. Он никогда не сможет вернуть маму обратно. Узнав новость о ребенке, он впадет в депрессию. Но рано или поздно я обязательно что-нибудь придумаю.

Моя идеальная жизнь рушится прямо на моих глазах.

Должна ли твоя собственная семья сводить тебя с ума? Мне нужно с кем-то поговорить об этом. Я бы хотела поговорить с моим не-парнем, но он где-то в Израиле на обучении. Никаких звонков во время обучения в лагере для новобранцев.

Я взглянула на фотографию Эйви на моем ночном столике. Он одет в армейский камуфляж, с пулеметом, перевешенным через плечо. И он улыбается. Улыбается. Как будто застрял посреди пустыни Негев во время военных учений — не такое уж и большое дело. Сейчас я скучаю по нему больше, чем по кому-либо еще. Он такой сильный — как внутри, так и снаружи. Я хочу быть похожей на него.

В своем последнем письме он писал о звездах. Ночью в пустыне Негев, когда он посмотрел вверх, небо было таким ясным, и он мог бы поклясться, что видел миллиард звезд. Эйви писал, что думал обо мне, размышляя о том, что я сейчас делаю под этими же звездами. Мое сердце просто растаяло в чесночно-масляном соусе (в который я обычно макаю пиццу), когда я прочитала его письмо. Иногда мне кажется, что у него правильный взгляд на жизнь.

А я? Я, наверное, видела миллиарды звезд, но не придавала этому большого значения.

Сев на кровать, я расстегнула рюкзак. Из него прямо на меня смотрит объявление из рубрики «Знакомства». Должно быть, я положила его туда случайно. Вытерев глаза, я сосредоточилась на газете.

Маленькая идея, словно крошечная и далекая звезда, начала зарождаться в глубине моего сознания.

Если мама и Марк могут создать свою маленькую пригородную семью, то я тоже создам свою собственную для моего папы-холостяка... прямо здесь, в городе.

В конце концов, что плохого в том, что я размещу несколько объявлений от лица папы. Может быть, как сказала Мария, он встретит свою вторую половинку.

Глава 3

Вопрос этичности № 1: В Левите (11:1) Бог перечисляет, что этично, а что нет. Нигде в целой Библии не упоминается о пикантных тунцовых суши — роллах с маленькими хрустящими кусочками тэмпуры внутри.

Привлекательный и угрюмый одинокий отец-еврей с чудесной дочерью-подростком ищет женщину для совместного ужина, танцев и прогулок по парку. Кандидатка должна любить собак и быть уравновешенной.

— Эми, я дома. Я купил тебе суши.

Я запихнула черновик в рюкзак и кинулась к двери. Окей-окей, я знаю, что объявление еще нужно доработать. Но с этим я разберусь попозже. Суши не ждут.

— И острые роллы с тунцом?

— Да.

Я чмокнула его в щеку и сказала:

— Ты лучший. Ты не забыл попросить положить внутрь тэмпура?

— Извини, я забыл, но надеюсь, это нам не помешает.

Он шутит, потому что хорошо знает, что я уминаю острые роллы с тунцом независимо от того, есть ли в них начинка из тэмпуры или нет.

Отец проверил почтовый ящик на входной двери. Он живет ради нее.

По воскресеньям он сходит с ума, если ему ничего не прислали, а к наступлению понедельника он становится похож на ястреба.

Я схватила белый пакет, в который упаковывают еду на вынос, со столика перед дверью. У меня уже слюнки текут в предвкушении свежеприготовленных суши.

— Как работа?

— Сумбурная, как и обычно. Как школа?

— Сумбурная, как и обычно.

Он косо смотрит на меня.

— Ну, у меня было три теста, один из которых я, скорее всего, провалила; два часа я потратила на домашнюю работу и размышления об отсутствующих приглашениях на танцы в честь дня Святого Валентина. Просто замечательно.

Мы зашли на кухню.

— Эйви в Израиле, — сказал он, как будто я изнываю по отношениям, обреченным на провал. И это говорит в пользу синдрома «каков отец, такая и дочь».

— Я знаю.

Он одарил меня слабой улыбкой и пожал плечами.

— Я просто не хочу, чтобы ты скучала.

Мутт, забежав на кухню, начал прыгать вокруг меня.

— Арг!

— Нам придется кастрировать его.

Сев на пол рядом с Муттом, я начала поглаживать его густую шерсть.

— Мы не сделаем этого, — сказала я псу, — только подлые люди способны так поступить со своей собакой.

В ответ Мутт облизал мне лицо. Я ни за что не позволю отрезать «шарики» моей собаке.

Отец взял из холодильника еще еды, потому что он по ошибке считает суши закуской. Он говорит, что не наедается ими.

— Эми...

Я одарила его «я-не-отступлю» взглядом.

— Что?

— Ветеринар сказал...

— Да, а еще ветеринар думает, что Мутт-голдендудель. Ты в это веришь? Ветеринар дурак, не иначе. Я не доверяю этому парню.

Дайте мне перевести дух. Моя собака чистокровная дворняга.

Отец взял кусок лаваша и непонятное вещество под названием хумус. Это его любимая еда. Израильтяне относятся к хумусу так же, как парни из братства к пиву. (Мы изучали аналоги на английском. Можете ли вы похвастаться тем же?)

— Только не макай кусок дважды, — предупредила я.

— Я даже и не мечтаю об этом, — сказал он, запихивая хлебную лепешку в рот.

— Может быть, с тобой никто не ходит на свидания, потому что когда ты ешь, ты запихиваешь еду в рот?

— Может быть, я не ходил на свидания, потому что был занят? — сказал он в ответ.

Да, точно.

— Так какой тип женщин тебе нравится?

— Зачем тебе это?

— Возможно, я смогу помочь.

— Эми, мы не будем говорить об этом.

— Но...

— Никаких «но». Сосредоточься на учебе и перестань думать о том, как бы отправить меня на свидание.

Уверяю вас, учеба намного скучней.

— Знаешь в чем твоя проблема?

— Да, моя дочь думает, что все знает.

— Аба, это не твоя проблема, это твое счастье.

Засмеявшись, отец поставил наш ужин на стол.

Взяв палочки из упаковки, я прихватила острый тунцовый ролл из блюда и окунула его в маленькую емкость с соевым соусом. Я так рада, что он купил суши в моем любимом месте. У них всегда есть тунец без белых прожилок. Я не ем суши с белыми прожилками. Положив роллы в рот, я улыбнулась.

— Я забыл спросить, что вчера тебе сказала мама?

Произнося последующие слова, я мысленно начала оценивать его реакцию:

— Она беременна.

Бедняга положил вилку на стол и впился в меня взглядом.

— Правда?

Я кивнула. Даже если я захочу, я не смогу произнести ни слова. Я отказываюсь дать волю своим эмоциям.

— Ничего себе.

После своего «ничего себе» он вернулся к ужину. Я хочу извиниться, даже несмотря на то, что это не моя вина. Он, наверное, опустошен тем, что мама на смену ему выбрала какого-то мужлана. Она не только вышла замуж за незнакомого парня, так еще и занималась

с ним сексом, чтобы забеременеть. Фе. Мысль о моей маме, занимающейся сексом в ее возрасте, была просто противна, а тот факт, что мама делала это с отчимом, еще отвратительней.

Единственный способ поправить ситуацию — это найти моему отцу новую жену. Не для продолжения рода, а только для того, чтобы он не чувствовал себя таким одиноким без партнерши. Он наверняка скрывает свои настоящие чувства, скрывает свое отношение к потере моей матери, чтобы я чувствовала себя лучше.

После того, как мы поели, он направился в тренажерный зал, который находится в здании, а я помчалась к компьютеру.

Кликаю мышкой. Не беспокойтесь, я знаю, что в чатах не следует рассказывать какую-то личную информацию. Мой отец — консультант Министерства Национальной Безопасности — замучил меня до смерти лекциями об угрозах, поджидающих меня на просторах интернета, до тех пор, пока мне не началось казаться, что из моих ушей льется кровь. Я не заинтересована в чатах, ни в коем случае. Я сосредоточена исключительно на поиске жены для отца. Теперь... где я могу найти идеальную жену?

Я шарила в сети до тех пор, пока в итоге не наткнулась на нужный сайт. О, да!

Единая Специализированная Еврейская Сеть.

Они гарантируют: Вы найдете вторую еврейскую половинку, и даже сваха Вам позавидует!

Я смотрела «Скрипача на крыше». И, возможно, это самая лучшая новость.

Мое сердце колотилось, когда я читала главную страницу и требования к регистрации в ЕСЕС. Нужно быть в активном поиске. Хах! Возраст — от двадцати одного до семидесяти пяти. Окей. Моему отцу целых тридцать семь. Нужно высшее образование. Окей. У отца степень Иллинойского университета.

Нужна кредитная карта, чтобы внести абонентскую плату \$59.99.

Окей, для кредитной карточки потребуются несколько маленьких манипуляций.

Я стрельнула взглядом в сторону парадной двери. Его бумажник лежит на столе, куда мы обычно складываем почту. Я знаю, что кредитка там.

Я подошла к бумажнику. До этого я уже пользовалась кредитной картой матери. И, конечно же, у меня было разрешение на это.

Не мешало бы просто вытащить карточку. Просто посмотреть на нее. Я медленно открыла бумажник. Да, с одного из верхних отделений на меня смотрит блестящая золотая кредитка. Достав ее, я нервно смотрю на переднюю дверь.

У меня есть как минимум тридцать минут до его возвращения. Положив бумажник обратно на стол, я поспешила обратно к компьютеру с кредитной картой в руке. Не думаю, что использовать чужую карту, чтобы помочь отцу — это незаконно.

В моей голове крутятся слова: *«родственные души, родственные души, родственные души»*. Мой отец не может прожить весь остаток жизни, страдая от одиночества.

Я нажала на кнопку «Зарегистрироваться». Компьютер предложил мне ответить на ряд вопросов. Мои пальцы автоматически вбивают информацию:

Имя: Рон Барак

Возраст: 37

Цвет волос: шоколадный

Цвет глаз: карий

Дети: одна прелестная семнадцатилетняя дочь

Род занятий: консультант по безопасности

Место жительства: Иллинойс

Хобби: чтение, пеший туризм, теннис, баскетбол.

Ладно, у меня были затруднения с вопросом о хобби. И если быть честной, то я соврала насчет некоторых хобби. Мой отец ничего не знает о баскетболе. Этот спорт не особо популярен в Израиле, но если ты живешь в Чикаго, ты должен играть в бейсбол, баскетбол, хоккей или футбол. Этот город — спорт-центр. Я не собираюсь встречать в Кубс/Сокс Север/Юг соперничество.

Следующий вопрос: *опишите себя в двух словах.*

Хмм... и что же за два слова смогут привлечь женщин? Напечатав «*израильтянин и работяга*», я быстро нажала «Ввод». Мне предложили загрузить изображение для профиля, и я выбрала фото из нашей поездки в Израиль.

В завершении у меня спросили номер кредитной карты. Я ввела цифры и прежде, чем вы скажите «украденной кредитной карты», я отвечу, что у моего отца уже есть профиль в ЕСЕС и e-mail, и он готов встретить свою родственную душу. О Боже, о Боже, я так рада. Мой отец зарегистрирован в Единой Специализированной Еврейской Сети и готов ступить на арену свиданий.

О, черт. Послышался звук открывающейся двери, а кредитка отца все еще в моих маленьких горячих ручонках. «*Быстро сделай что-нибудь*» — приказал разум.

Я спрятала кредитную карту под клавиатуру и свернула все окна на рабочем столе. Позже я верну Visa в его бумажник. К тому моменту, когда он поймет, что я воспользовалась ею, он будет слишком взволнован предстоящей встречей с невестой и не сможет как следует разозлиться. Более того, он будет благодарить меня все дорогу до раввина, который поженит их.

— Эми?

Он подходит ко мне. Он знает, что я взяла его кредитку без разрешения. О, нет. Я с трудом сглотнула.

— Да?

— Тебе не кажется, что Мутту нужно на свежий воздух?

Я выдохнула.

— Эм, думаю нужно.

— Тогда...

Поднявшись, я пристегнула к ошейнику Мутта поводок и помчалась к лифту. Как только двери лифта открылись, меня оттолкнули огромной картонной коробкой и едва не свалили с ног. Мою грудь сплющило, скажу вам. Я, вероятно, только что перешла от обвисшей С-формы к А-форме.

— Эй! — закричала я.

— Извини, — прошептал мужской голос, а затем парень опустил коробку.

Но он не мужчина, по крайней мере, он довольно молод. Это парень, который вчера поймал Мутта и прочитал мне лекцию неравнодушного гражданина.

Сегодня на нем зеленая клетчатая рубашка и джинсы с чересчур завышенной талией.

Клянусь, у мистера Обермейера точно такие же кеды.

— Аргг! — залаял Мутт, а затем он попытался обнюхать его промежность так, словно там спрятано какое-то угощение.

Озабоченный Гражданин прикрыл интимное место руками подобно футболисту во

время штрафного. Затем он поправил на носу очки, обрамляющие зеленые глаза.

— О, это ты.

Я оттащила Мутта от его штанов.

— Просто в следующий раз смотри, куда идешь. Как беспокоящийся об окружающих гражданин, — добавила я, — ты должен быть более осмотрительным и не задевать людей своими коробками.

Из-за своей тирады я упустила лифт. Черт. Я снова нажала на стрелку.

Сделав шаг вперед, он споткнулся о коробку.

— Ты всегда такая дружелюбная?

Я даже не ответила. Когда он перестанет бесить меня?

К счастью, звякнуло оповещение о приходе лифта, и двери открылись. Мы с Муттом поспешно вошли внутрь.

Я точно не буду скучать по своему второму шансу на свободу.

— Арг!

Когда двери лифта начали закрываться, он наклонился, чтобы поднять коробку с пола. Интересно, что этот парень делает в моем доме, на моем этаже и в моей жизни?

Эйви говорит, что ничего не случается без причины. Я ненавижу противоречить, но он неправ.

Я смотрела «Скрипач на крыше». Там была леди Ента, местная сваха. А сейчас я сваха. Возможно, я нашла свое призвание...

— Здравствуй, девочка, — сказала мне на следующий день Мария, когда я вошла в кафе Perk Me Up! после школы. — Джессика в компьютерном уголке.

Мария рассказала, что она сделала компьютерный уголок потому, что люди хотят иметь доступ к интернету и проверять свою почту, независимо от того, где они находятся. Намного приятней пить кофе и пользоваться бесплатным и быстрым Интернетом.

Я встала позади Джессики.

— Что делаешь?

Она была занята, кликая по письмам.

— Проверяю электронную почту Митча.

— Джесс, ты подлая. Откуда у тебя его пароль?

— У меня свои источники. Смотри, эта сучка Роксана отправила ему письмо, — сказала Джесс, указывая на дисплей.

Ооох, сплетни. Я знаю, что это плохо, но сплетни очень притягательны и недооценены.

— Что она пишет?

— Лишь то, что ей нужна помощь в биологии и бла-бла-бла.

— Тебе нужно лучше следить за ней, а сейчас оставь компьютер, мне тоже нужно кое-что проверить.

— Знаешь, я все еще рассержена на тебя

На меня? На такую маленькую и невинную девушку, как я?

— Давай забудем об этом. К тому же все, что я сделала, возможно, было для твоего же блага.

— Ты повела меня в парк для собак зная, что Митч будет там. Прекрати вмешиваться в мою жизнь.

Я разозлилась.

— Я еврейка, чего ты ожидала? Я рождена для того, чтобы вмешиваться.

Джессика покачала головой. Ладно, в ее жилах течет больше еврейской крови, потому что оба ее родителя евреи, а мне достались еврейские гены лишь от отца. От моей мамы мне достались гены «чувства стиля».

В то время как Джессика отошла в уборную, я быстренько зашла на сайт ЕСЕС на страничку моего папы.

О. Боже. Мой.

Мне пришло тридцать семь ответов от женщин, желающих встретиться со мной ... то есть, я хочу сказать, с моим отцом. Проверив личную страничку, я подметила, что в его профиль за последние двадцать четыре часа заглянуло больше всего посетителей сайта ЕСЕС.

Определенно, он достиг нового уровня популярности.

У меня почти закружилась голова (интересно, кто-нибудь еще так говорит?), когда я просмотрела ответы женщин.

Трое намекали на сексуальные отношения. Они отпадают.

Десять живут в пригороде. Несомненно, они не подходят.

У пятерых не было фотографий в личном профиле. Сомнительно. Что делать, если женщина окажется мужчиной?

Семерым уже за пятьдесят. У десятерых более двух детей. Пролетают. И снова не то. Мой папа с трудом справляется со мной, откуда у него найдутся силы, чтобы совладать с целым племенем?

Остаются только двое.

Одна из них менеджер, а вторая адвокат. Я отправила им e-mail, в котором спросила, не хотят ли они встретиться и выпить по чашечке кофе. Ладно, немного жутковато спрашивать у женщин, не хотят ли они сходить на свидание, но еще трудней манипулировать моим отцом и заставить его пойти на свидание. Я знаю, встреча в кафе — это не самое оригинальное место для свиданий, но с другой стороны, это не обед и не ужин, где вам придется поддерживать беседу, а в минуты неловкого молчания желать побыстрее распрощаться.

— Твой отец знает об этом?

Я закричала на Джессику, ругаясь.

— Твоя мама не говорила тебе, что не хорошо подкрадываться к людям?

— Нет.

Моя лучшая подруга, прикрыв глаза рукой, покачала головой.

— Пожалуйста, скажи, что ты не зарегистрировала своего отца на сайте знакомств.

— Я не зарегистрировала папу на сайте знакомств.

— Эми, ты врешь.

— Конечно, вру.

— Эми, в один прекрасный день твои планы рухнут как снег на голову и преподнесут тебе неприятные последствия.

— Ох, это маловероятно! До Пасхи у моего отца появится девушка.

— Боже, у тебя сумасшедшие идеи. С каждым разом твоя голова становится больше, чем твои сиськи.

— Помолчи. Разве у тебя никогда не было того, чего ты не хотела?

— Да, прививка от гриппа, и мне было намного больней, чем моей маме, которая заставила меня её сделать.

Джессика не понимает.

— Ты же не думаешь, что я буду сидеть, сложа в руки, в то время как у моей мамы и Марка будет ребенок, а папа останется один одинешенек до конца своих дней, не правда ли? — мне грустно думать о том, что он тоскует по моей маме.

— Кажется, твоего отца это не волнует.

Я развернулась и посмотрела на нее. Признаю, мой папа не выказывает своего несчастья, но в глубине души это не так. И он уже в возрасте.

— У него уже есть седые волосы.

— Эми, твои родители намного моложе моих. Мой папа лысый, а моя мама в свои почти пятьдесят уже седая... ладно, ее покрашенные волосы белы, как снег.

— Великолепно. Через несколько лет моя мама поседеет, и люди будут думать, что моя сестра или брат — это мой собственный ребенок, а моя мама их бабушка.

— Не волнуйся, многие рожают после тридцати.

Я положила руки на сердце.

— Я переживаю? Я никогда ни о чем не переживаю.

Джесс приподняла брови и засмеялась. Мы обе знаем, что это неправда.

Мой смартфон зазвонил, и я нажала на зеленую кнопку. Это папа.

— Привет, Аба.

— Эми, я ужинаю со своими клиентами. Я собираюсь оплатить.

— И?

— И, — сказал он тревожным голосом, — ты случайно не знаешь, где моя кредитка?

О, нет! После встречи со странным парнем я забыла положить ее обратно в его бумажник.

— Эм... Аба... ты не поверишь...

Чтобы искупить грех перед Богом нужно:

а) принести Господу в жертву повинности животное (Левит, 6:18), или

б) дожидаться Иом-Киппур^[5] и целый день поститься (Левит, 16:29).

Хорошо известно, что свои грехи можно искупить. (Искупление вины изложено в Левите в пятой главе. Если Бог может простить, то и людям следует прощать).

Я под домашним арестом на всю оставшуюся жизнь. Мой папа установил этот закон несколько минут назад, а сейчас я слышу его маленькие вспышки гнева, доносящиеся с кухни.

Зазвонил телефон. Скорее всего, это Джессика.

— Не смей брать трубку! — прокричал отец из другой комнаты. С каждой минутой его еврейский акцент становится все более выразительным. Готова поклясться, если он не успокоится, соседи вызовут полицию.

Я слышу, как отец топает к моей комнате. Он открыл дверь, и я нахмурилась, в то время как он провел рукой по волосам, а на его лице застыло выражение: "Я обманут, и я не знаю, что мне делать с поведением моей дочери-подростка".

— Эми, разве ты не понимаешь, то, что ты сделала, было неправильно? Ты украла мою кредитку...

— Одолжила, — поправила я.

— Ты выставила меня полным идиотом перед моими клиентами. Сегодня ты зарегистрировала меня на сайте знакомств... что будет дальше?

Прежде чем я успела открыть рот и сказать пару слов в свою защиту, он перебил меня:

— Во сколько мне это обошлось?

— Сайт знакомств?

Он кивнул.

— Хм... Меньше шестидесяти долларов в месяц.

— Насколько меньше?

— На одно пенни.

— Ты сейчас же сядешь за компьютер и все отменишь, пока мне не пришлось заплатить за два месяца.

— Хм... Аба?

— Что?

— У тебя подписка на шесть месяцев. Намного дешевле оплатить все сразу. У меня есть сделка: думай обо мне как о Енте из "Скрипача на крыше". Я твоя личная сваха.

На этот раз он засмеялся, и я думаю, его гневный барьер разрушился, а папа стремительно скользит в пучину бреда. Сбривший израильский экс-командир — это не очень хорошая новость.

— Что ты имеешь против сайта знакомств? Он для евреев, — добавила я в надежде смягчить удар. — Ты должен любить еврейских женщин, ведь ты же израильтянин.

— Не в этом дело. Ты воспользовалась моей кредиткой без разрешения.

— Да, но только потому, что у меня нет своей.

Клянусь вам, я слышу, как он шепотом восхваляет этот факт себе под нос.

Кто-то позвонил в дверь. Мутт словно сумасшедший начал лаять без остановки.

— Арг! Арг! Арг! — шум привлек внимание отца. Он боится, что ему придется заплатить штраф, если на нас поступит слишком много жалоб от соседей из-за того, что Мутт постоянно лает. Я спасена от нотаций отца. Спасибо, Мутт!

— Оставайся здесь! — приказал папа, выходя из комнаты.

И вот я снова одна-одинешенька сижу на своей кровати. И я наказана. Интересно, сколько мне придется здесь проторчать, ожидая, пока он остынет?

— Эми, иди сюда! — крикнул он.

— Да? — невинно спросила я, направляясь в коридор. Папа держал Мутта за ошейник, не давая ему подпрыгнуть и понюхать промежность гостя. Я разговаривала на эту тему с Муттом, но он не послушался. Даже не знаю, что такого важного в промежности. Полагаю, однажды понюхав одну, ты понюхал все. Не то чтобы я проверяла. Я не горю желанием подойти к кому-то и проверить на практике свою теорию.

— Ты ведь знакома с миссис Кинер?

Оценив брючный костюм женщины, я пришла к выводу, что она не улыбалась как минимум год. Интересно, может ли она затянуть свой пучок из семидесятых еще туже? Я перевела взгляд на человека, стоявшего рядом с ней. О нет! Это же Беспокойный Гражданин во плоти и крови.

Миссис Кинер подтолкнула его ближе к нам и переключила все свое внимание на моего отца.

— Это мой племянник Нейтан. Некоторое время он поживет с нами, — она сопровождала каждое слово кивком. — Это длинная история. Я знаю, твоя дочь примерно его ровесница, и мне интересно, не сможет ли она провести ему экскурсию по городу?

Нейтан выглядит таким же счастливым, как и я в сложившейся ситуации. Полагаю, сидеть под арестом в собственной комнате хуже, нежели застрять вместе с Нейтаном Кинером. Нейтан Кинер.

Нейтан Кинер.

Лишь за одно имя парень может получить неплохую взбучку.

— Эми под домашним арестом, — ответил папа.

Большое спасибо, папочка, что рассказываешь всем о моем унижении.

— Ох, — ответила миссис Кинер, явно смутившись из-за неудобной ситуации.

— Полагаю, если она пойдет на прогулку с Муттом, она могла бы ненадолго...

Не нуждаясь в дальнейшем давлении, я схватила поводок Мутта с нашей напольной вешалки и пристегнула его к ошейнику.

— Пошли, Нейтан, — кинула я через плечо, спеша к лифту вместе с моим очень взволнованным и очень большим псом.

Похоже, Нейтан тоже не нуждался в принуждении. Он последовал вслед за мной, и как только я и Мутт оказались в лифте, он, не теряя времени, зашел за нами.

В нашем доме в лифте не играет музыка, поэтому нас окружает повисшая в воздухе тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием моей милой собачки.

— Знаешь ли, тебе не придется нянчиться со мной, — сказал он, скрестив руки на груди, пытаясь казаться крутым парнем. Что ж, у него это не получается.

— Очевидно, твоя тетя считает иначе.

Двери лифта открылись. Когда я выходила из здания, Нейтан Кинер следовал строго за мной, не отставая ни на шаг, но когда я повернула к парку для собак, я осознала, что не

слышу его шагов. Обернувшись, я увидела Нейтана, направляющегося в противоположную сторону. Его длинные, обтянутые в вельветовые брюки ноги уже пересекли половину квартала.

Мутт неуклонно тянет меня в сторону парка.

— Эй, Нейтан! — крикнула я, но парень не обернулся. Прекрасно, и что мне делать?

Куриный суп помогает выздороветь. Есть ли рецепт, способный исцелить отношения?

Вы не поверите, но этим утром я узнала, что Нейтан Кинер перевелся в мою школу. В частную Чикагскую Академию. Да, да, это правда. Я удостоена чести сидеть позади него на уроках английского и даже вместе с ним посещаю спортзал. Все было бы не так плохо, если бы о нем не говорила вся школа.

Кто этот новый ученик, очаровавший всех в одно мгновение? Если я еще раз от кого-нибудь услышу: «Эми, а ты видела новенького?», клянусь, я накричу на него. Шел пятый урок. Я была в читальном зале и сидела рядом с Кайлом Сандерсоном, капитаном школьной баскетбольной команды Чикагской Академии и очень популярным парнем. Единственный недостаток Кайла — каждый день он выливает на себя не менее полфлакона одеколona. Когда Кайл выходит из класса, вы еще долгое время с точностью можете определить был он там или нет. Он как медведь, оставляет после себя запах для самочек.

— Что случилось, Нельсон? — спросил он, обращаясь ко мне по фамилии и плавно пододвигаясь ко мне. Думаете, он репетировал это движение?

Я не собираюсь рассказывать ему, что с начала нового учебного года произошли большие перемены, и теперь я ношу двойную фамилию. Сейчас я Нельсон-Барак. Я не сказала Кайлу потому что: 1) его это не волнует и 2) даже если я и скажу ему, он все равно не запомнит.

— Ничего особенного, — ответила я.

— А я слышал другое.

Эм...?

— И что же ты слышал? Обо мне ходят слухи?

— Что ты зарегистрировалась на сайте знакомств.

— Кто тебе сказал?

Это неправда... почти. Кайл откинулся назад, раскачиваясь на стуле.

— Новенький. Ну, знаешь, тот очкарик в отстойной одежде.

— Нейтан?

Кайл пожал широкими плечами.

— Ага. Этот чувак — мой напарник по биологии на этой неделе.

Я убью этого долговязого придурка, который даже не знает, в чем различие Dana Buchman и Armani. Как он посмел распространять обо мне сплетни?

— Нельсон... в чем проблема? Ты милая и у тебя огромные сиськи.

Повернувшись, я смерила его свирепым взглядом.

— Огромные сиськи? Боже, Кайл, ты сам придумал эту фразочку?

Он пожал плечами.

— Ты предпочтешь, чтобы я сказал «грудь»?

— Заткнись, — сказала я, прежде чем открыла учебник по тригонометрии и погрузилась в него с головой. Клянусь, если он и дальше будет пялиться на мою грудь, я лично позабочусь о том, чтобы на следующей игре он не смог забросить ни одного мяча.

— Сеньорита Барак, не желаете ли поведать всем нам, о чем вы так увлеченно разговариваете? — громко спросил мистер Хенесей из передней части комнаты. Мистер

Хенесей учитель физкультуры, а также смотритель библиотеки, которая больше напоминает полицейский участок.

Если Кайл при всех упомянет о моей груди, я убью его... и Нейтана Кинера.

— Неа.

— Тогда я предлагаю вам перестать разговаривать, а иначе мне придется вас рассадить. О, как бы я этого хотела.

Спустя десять минут мистер Хенесей вышел из аудитории. Как известно, уход учителя из класса — это приглашение к продолжению разговоров. Только я в данный момент не горю желанием болтать.

— Ты ищешь парня на бал в честь дня Святого Валентина? — громко спросил Кайл.

Я склонила голову на бок и сладким голосом спросила:

— А что? Ты меня приглашаешь? — ха, отмотаем события немного назад: ни одна скромница не осмелится пригласить самого популярного парня.

Уверена на все сто, весь класс подслушивает наш разговор. Смешки и косые взгляды в нашу сторону тому доказательство. Думаю, фраза «Бал в честь дня Святого Валентина» может вскружить голову. С тех пор, как неделю назад в школе вывесили плакат, все только и говорят об этом.

— Если ты согласна на трио, то приглашаю. Я уже позвал Каролин Коннорс, но я настоящий мужчина и могу позвать сразу двух девчонок.

Кайлу хватило наглости подмигнуть мне. Фуу! Этому парню с завышенной самооценкой нужно спуститься с небес на землю.

Мистер Хенесей вернулся в класс, поэтому я не могу ответить. Что ж, сейчас я в плохом настроении из-за мачо свиньи Кайла и сплетника Нейтана.

После занятия, направляясь к кабинету обществознания, я мысленно прокручивала план конфронтации феномена, который поселился в этом здании. Насколько нужно быть недоумком и опуститься до распространения слухов обо мне, чтобы привлечь к себе внимание?

— Ты видела новенького?

Я смотрю на мою подругу Рейн, которая не подозревает, что мой пульс учащается, а кровь начинает бурлить в венах каждый раз, когда мне напоминают о нем. Я с презрением смотрю на нее.

— Я что-то не то сказала? — спросила Рейн, широко раскрыв глаза.

— Ничего. Просто, пожалуйста, не говори о Нейтане Кинере.

Позади меня послышался мужской голос:

— К твоему сведению, Нейтан Грейсон.

Застыв как вкопанная, я с открытым ртом смотрю на моего соседа в круглых очках в черепаховой оправе, соскользнувших на кончик носа.

— Милые штанишки, — сказала Рейн и, заливаясь смехом, ушла.

— Ты и твои друзья действительно знаете, как расстелить дорожку с надписью «Добро пожаловать», — сказал Нейтан с наигранной улыбкой на губах. — Частные школы — рассадник фальшивых, искусственных людей, и эта школа не исключение.

Я не понимаю этого парня. Его точка зрения никак не вяжется с его придурковатой внешностью.

— А ты кто?

— Ах, если бы я только знал, — ответил он и, не проронив больше ни слова, ушел.

Он ушел, оставив меня гадать, не вампир ли он или инопланетянин в человеческом обличье. Я зашла в класс обществознания, и последнее, о чем я думаю — так это о происходящих событиях, но миссис Мур одержима жаркими дискуссиями о президенте и его политике, таким образом она убеждается, что мы знаем обо всех происходящих событиях в нашей великой стране. Думаю, как только она видит флаг Соединенных Штатов, на ее глазах наворачиваются слезы.

Когда прозвенел долгожданный звонок, оповещающий о конце учебного дня, я сложила домашнее задание в рюкзак и вместе с Джессикой, Кэми и Рейн направилась по слякоти к остановке школьного автобуса. Митч уже ждал около нее, и когда Джессика прошла мимо него, он невзначай положил руку на ее плечи. Могу сказать, что Джесс все еще злится на него, ведь он до сих пор не пригласил ее на бал. Она холодна, как сосульки, свисающие со знака автобусной остановки.

— Эми, ты действительно зарегистрировалась на сайте знакомств, чтобы найти парня к балу в честь дня Святого Валентина? — спросила Роксана, при этом она смеялась как гиена, рожающая двойню.

Я действительно терпеть ее не могу. Она это знает, и наши чувства взаимны. В прошлом году мы чуть не подрались на теннисном корте, когда я выпроводила ее из сборной. Проигрывая матч, она решила в самом разгаре игры притвориться, будто задыхается, из-за чего получила право на передышку и возможность перегруппироваться. Хорошая попытка, Рокси. Я все еще могу надрать тебе задницу.

— У нее есть парень, — сказала Джессика, закатив глаза. — Оставь ее в покое, Роксана.

Мне хочется подбодрить подругу криками «Вперед, Джессика, вперед!», но я так не сделаю. Джессика не раскроет тайны, что я зарегистрировала папу на сайте ЕСЕС, потому что знает, я стыжусь этого. В один из таких прекрасных дней Роксана близко познакомится с автобусной остановкой, если из ее рта продолжит литься словесный понос.

К несчастью, еще целых десять минут нам пришлось прождать автобус. Мы все живем на Золотом Побережье, и чтобы добраться до школы, нам приходится ездить на городском транспорте. Нет смысла иметь собственную машину, когда ты живешь и учишься в городе, поэтому мы отданы на милость городскому чикагскому транспорту. В Чикаго весной и летом прохладно, но когда наступает зима, иногда нам бывает тяжело. Мы ждем в здании школы до последней минуты, а потом с трудом добегаем, и к тому времени, как автобус откроет перед нами двери, наши попы околевают.

Нейтан незаметно подошел к остановке и остановился рядом с нами. Как будто стоять рядом с Роксаной было недостаточным наказанием. В ушах у него наушники от iPod, подчеркивающие, что он не собирается разговаривать с поддельными, пластиковыми людьми. Кайл кивнул ему в знак приветствия, и Нейтан кивнул ему в ответ, а затем поправил очки. Кто-то должен рассказать ему об очках с нескользящей оправой.

Из-за угла показался автобус. Время вздохнуть с облегчением! Обрадовавшись, я обошла Роксану и Нейтана, и не важно, что счастье продлится только десять секунд. Я прошла к задним сидениям автобуса, где нам предстоит прокатиться с ветерком до нашей остановки. «Парочка» Джесс и Митч сели напротив меня, Ками и Рейн, как и Кайл с Роксаной, сели вместе. В итоге остались только мы с Нейтаном.

Нейтан, совершенно не замечая нас, сел рядом со мной. Его наушники ударились о переднее сидение и упали на пол. Он изо всех сил пытается показать, что не считает себя одним из нас.

Понятия не имею, почему меня это бесит.

Может потому что он оскорбил мою школу, моих друзей и меня?

Как бы там не было, меня не волнует, что Нейтан Киннер Грейсон думает обо мне. У меня есть друзья и парень, и не важно, что он живет за тридевять земель.

Уф. Я скучаю по Эйви, особенно в такие моменты, как этот, когда мне нужен кто-то, с кем бы я могла прогуляться. В последнее время Джесс подавлена, и, к сожалению, я не знаю, это из-за Митча, или ее беспокоит что-то еще. Она не откроется мне.

Ками старательно делает домашнюю работу, чтобы на дом осталось поменьше. А Рейн наоборот, подкрашивает губы, чтобы придать им блеску. Ей наплевать на домашнюю работу. На самом деле я уверена, ее мама делает домашние задания за нее.

Роксана всюду флиртует с Кайлом. Возможно, она вскоре переседет к кому-то, у кого нет подружки. Интересно, знает ли она, что он идет на танцы в честь дня Валентина с Каролин Коннорс? Вероятно, еще нет. Она близко склонилась и прикасается к нему так, словно он ее собственность. Клянусь, Кайлу просто льстит такое внимание. Но, слава Богу, теперь он сосредоточился на ее сиськах, а не на моих.

Автобус остановился на углу Диаборн и Сайперии, где я выхожу. Конечно же, Нейтан вышел из автобуса следом за мной, и мы вместе зашли в дом. Лифт — это странное место: скрипучие звуки и грохот дверей могут вывести из себя кого угодно, но когда ты едешь в лифте с кем-то, кто тебе не особо нравится, это место может превратиться в настоящую гробницу, даже если ты не страдаешь клаустрофобией.

Я стою в одном углу лифта, а Нейтан в другом. Он по-прежнему в наушниках от iPod, но я понятия не имею, играет ли в них музыка. Мне хочется что-нибудь сказать, чтобы вывести его на чистую воду. Некоторые делают вид, будто слушают музыку, а на самом деле подслушивают разговоры других людей, которые думают, что их никто не слышит.

— Я не искусственная. И не фальшивая.

Никакой реакции, за исключением того, что его челюсть слегка дрогнула, и на долю секунды он затаил дыхание.

Это правда. Я настоящая, как меня видят, без прикрас. Папа говорит, что иногда это хорошо, а порой ужасно.

Наконец мы приехали на сороковой этаж.

— Увидимся позже, Барби, — пробормотал Нейтан.

Мне это послышалось?

Барби? Эмм... это не может относиться ко мне. Ни за что.

Оцепенев, я обернулась.

— Как ты меня назвал?

Мне следовало бы знать, что этот парень меня игнорирует. Игнор — это его конек.

Дома меня встречал Мутт, весело подпрыгивая и облизывая меня, тем самым даря мне своих микробов. Многие говорят, что рот собаки намного чище, чем у некоторых людей, но многие не видели рта моей собаки. Мутт слишком часто вылизывает свои интимные места, поэтому его нельзя назвать чистюлей.

Когда Мутт побежал к своему поводку, я подняла взгляд и к своему удивлению увидела папу за кухонным столом.

— Тебя уволили?

Мой отец поднял взгляд.

— Нет. Просто хотел быть здесь, когда ты вернешься.

Такое случилось впервые.

— Почему?

Мой папа переключил все свое внимание на Мутта, который держал во рту поводок и вилял хвостом, словно копьем.

Звучит не очень хорошо.

— Скажи мне прямо сейчас.

— Он напрудит на пол, если ты не возьмешь его на прогулку.

— Я сойду с ума, если ты прямо сейчас не скажешь, что случилось. Как думаешь, что хуже?

Мой папа глубоко вздохнул.

— Я новичок в отцовстве, но я стараюсь изо всех сил. Ты без разрешения воспользовалась моей кредиткой и зарегистрировала меня на сайте знакомств, и теперь мне придется заплатить триста долларов за полгода.

Ну, вот и все.

— Я сказала, что мне жаль.

— На этот раз, Эми, одних извинений недостаточно.

Вот теперь я начинаю паниковать. Он хочет бросить меня и отправить жить к маме и ее гипераллергенному мужу? Они ни за что не позволят мне взять Мутта в их новый загородный дом с новорожденным малышом. Мне придется перейти в новую школу к незнакомым людям? Для новичка средняя школа — это жесткое место, и сейчас я не думаю о Нейтане, потому что он не достоин моего сочувствия.

— Я сделаю все что угодно, Аба, только, пожалуйста, не выгоняй меня.

Папа встал. Я знаю, он собирается сообщить плохие новости. Я вздрогнула.

— Дорогая, я не думал тебя выгонять.

— Нет?

— Нет. Я нашел тебе работу.

Моисей обладал невероятным талантом ведения переговоров. Он заставил Бога, Человека Нон-Гранд, изменить мнение об уничтожении евреев (Исход 23:13).

Если это не доказывает, что любой из нас в силах изменить ход своей жизни, тогда ничто не может. Когда дело касается моего отца, я хочу обладать талантом ведения переговоров, как Моисей.

— Эми, почему ты так рано? Урок начнется не раньше, чем через десять минут.

Я стою в дверях кабинета раввин Глассмана в Храме Beit Chaverin. Раввин читает какие-то бумаги, а его темно-серая борода задевает листы.

— Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

Отложив бумаги в сторону, Учитель Глассман выдвинул для меня стул напротив его стола

— Я всегда здесь, чтобы выслушать всех, кто в этом нуждается. Это моя работа.

— Выслушивать жалобы?

— И это в том числе, — сказал он с улыбкой на губах, а затем откинулся на спинку огромного мягкого кресла.

— Что тебя тревожит?

Очень много всего, но я веберу то, что волнует меня больше всего.

— У меня проблемы.

— С законом? — подсказал он.

— С моим папой. Я без разрешения, взяла его кредитку, и теперь он хочет, чтобы я вернула потраченные деньги.

Я смотрю на раввина, чтобы убедиться, что я не повергла его в шок и не засмутила.

— Для чего ты ее взяла, если не секрет?

Я вскинула руки.

— Я знаю, прозвучит странно, но у меня была уважительная причина. Я зарегистрировала его на сайте знакомств ЕСЕС. Я сделала это для моего отца.

Брови раввина изогнулись.

— Ты зарегистрировала своего отца на сайте знакомств без его ведома?

Я кивнула.

— Ему нужна жена.

Учитель Глассман вздохнул, а потом тихим голосом произнес:

— Эми, иногда нужно позволить людям самостоятельно выбирать свою жизненную дорогу.

— Да, но что если он выбрал неправильную дорогу?

— Каждый из нас совершает ошибки. Даже раввины. Все мы люди.

— Вы хотите сказать, что я должна позволить моему папе прожить в печали и одиночестве.

Кажется, я допустила ошибок больше, чем все человечество.

— Чепуха. У него есть ты, не так ли? Некоторые вещи измеряются по их значимости, а не размеру.

— Слишком много философии, раввин, — улыбаясь, сказала я.

— Ты застала меня в хороший день.

Я закусила щеку.

— В последнее время, у меня не так часто выпадали хорошие деньки.

— Ах, нельзя по-настоящему оценить хорошие дни, когда у тебя нет плохих.

— Как Иоан, когда Бог создавал кита, который потом съел его?

— Вижу, на уроках ты кое-чему научилась.

Подавшись вперед, я прошептала:

— Да, хотя кое-что я не понимаю. Учитель, для меня это все слишком надуманно, конечно же, если Вы понимаете, о чем я. Могу ли я быть еврейкой, если не понимаю библейских историй?

Я могу совершенно откровенно разговаривать с раввином Глассманом, потому что он никогда не осуждал и не смеялся над моим мнением и высказываниями на уроке. Благодаря ему, я всегда чувствую, что все мои высказывания важны и умны, даже тогда, когда я с ним не согласна.

Раввин Глассман наклонился вперед и прошептал в ответ:

— Эми, я тоже думаю, что все слишком надуманно.

Я широко улыбнулась.

— Вы тоже? Не волнуйтесь, Учитель. Со мной Ваш секрет в безопасности.

Улыбнувшись, Глассман произнес:

— Думаю, все сводится к вере и доверию.

— В людей?

Он пожал плечами, показывая, будто у него нет ответов на все вопросы.

— В людей... В Бога... В себя. Думаешь, в тебе есть вера и доверие?

— Мне нужно ответить сейчас?

Учитель покачал головой.

— Я не знаю, готова ли ты ответить. Наверное, еще нет. Почему бы тебе не подумать над этим вопросом какое-то время и вернуться ко мне, когда тебе будет... скажем... двадцать лет.

Приняв во внимание все, что мне сказал раввин Глассман, я встала.

— Раввин, увидимся на уроке, — через плечо сказала я. — Спасибо за беседу.

— В любое время.

Через пять минут я сидела в классе, в котором уже было пять человек. Мой отец еврей, а мама нет. Большую часть своей жизни я прожила с матерью, а она вырастила меня без веры в какую-либо религию. Это лето я провела в Израиле и там поняла, чего мне не хватало в жизни: принятие иудаизма. Поэтому сейчас я изучаю о своей вере так много, сколько могу.

Раз в неделю мы встречаемся на уроке преобразования. Учитель Глассман обучает нас иудаистским законам, рассказывает о праздниках или зачитывает нам истории из Библии, и мы обсуждаем их: высказываем наши мнения, вдумываемся в их значение. Раввин говорит, что множество традиций пришли из иудаизма. Так как раньше я не придерживалась еврейских традициях, мне нужно восполнить этот пробел.

По возвращению домой, я погуляла с Мутгом, а потом пошла в кафе Perk Me Up! Да благодаря папе и Марии теперь я работник Perk Me Up! Мое наказание — это работа в моем любимом кафе, и я далеко не в восторге.

Мария встретила меня с огромной улыбкой.

— Приятно видеть, что этим вечером все мы в хорошем настроении.

— У меня был долгий день.

— Ох, тогда, быть может, я попрошу тебя помыть пол и вытереть столы, чтобы тебе не пришлось обслуживать клиентов.

Я выдавила фальшивую улыбку.

— Молодец. Именно такими нас хотят видеть мои клиенты.

Мария отправила меня за прилавок, но сначала я подписала бланки и получила желтый фартук.

— Встань здесь. Ты будешь моей тенью, пока твоя смена не закончится.

Желтый — это не мой цвет, но я без протеста надела солнечную вещицу и завязала верёвочки на талии. Несмотря на то, что уже семь часов, некоторые клиенты заказывают сладости, и даже есть те, кто пьет вечером кофе, наверное, именно поэтому они похожи на лунатиков.

Большинство лунатиков, которых я видела — адвокаты: они готовятся к утренним заседаниям или, как они говорят, «показаниям». Думаете, заработанные ими деньги стоят всех часов сна, которые они теряют? Нет ни единой возможности, что когда-нибудь я стану адвокатом. Я слишком люблю спать.

Спустя пятнадцать минут, Мария дала мне белую тряпочку с чистящим средством для того, чтобы я протерла столы.

По правде говоря, я надеялась, что смогу спрятаться за барной стойкой до конца смены, но с Марией нельзя на это надеяться. Я рада, что она не попросила меня помыть туалеты, поэтому я направилась к столикам и начала их протирать.

Я решила убрать приватный уголок, где стоит диван и два кресла, но дойдя до него, я застыла как вкопанная. В кресле сидел и читал никто иной, как Нейтан *Киннер-не-моя-фамилия*-Грейсон. Он поднял на меня свой взгляд, и я с уверенностью могу тебе сказать, что он был рад меня видеть точно так же, как и я его.

Преодолея желание устроить ему взбучку за то, что он распустил слух обо мне и сайте знакомств, я начала торопливо вытирать стол прежде, чем он успел поставить на стол свою кружку.

— Ты пропустила один столик, — пробормотал Нейтан.

Я разозлилась. Я не пропустила столик.

— Все столики чистые, — говорю я Марии, стоящей за стойкой администратора.

Осматривая кафе, она кажется довольной. В течение следующих тридцати минут Мария объясняла мне, как сделать эспрессо, прохладительные напитки и коктейли, а еще она кратко рассказала мне важные сведения о некоторых клиентах. Она пояснила, как пользоваться кассой. От объема полученной информации, у меня голова кругом пошла, но, думаю, я справлюсь. Ну, по крайней мере, я сделала вид, будто все усвоила.

— Как думаешь, ты сможешь удержать наши позиции в течение пяти минут, пока я буду мыть чашки? — спросила Мария. — И не забывай улыбаться. Помни, кафе называется Perk Me Up!

Просто зовите меня Улыбающийся Бармен. Ладно, на самом деле это не я. Я не знаю, как «украсить» (как сказала Мария) напиток мускатом, корицей, орехом и другими пряностями, но я хожу в Perk Me Up! с тех самых пор, как я переехала к папе, поэтому я знаю основную рутинную работу.

Пока я считала, сколько осталось чашек, дверь кафе открылась.

Мой первый настоящий клиент. Улыбнувшись, я подняла взгляд, и когда я увидела

своего первого клиента, я выдохнула с облегчением.

Мой папа.

— Добро пожаловать в Perk Me Up! — официально сказала я. — Чем могу Вам помочь?

— Ты хорошо выглядишь. Как настоящая бизнес-леди.

— Давай ближе к делу. Что ты хочешь?

Рядом со мной послышался вздох. Упс, это Мария. Она не видит, что я разговариваю с папой, а не с клиентом.

— Эми! — проворчала она.

Подойдя ко мне, она выдохнула с облегчением.

— У тебя проблемный служащий — подмигнув, сказал папа Марии. — Хорошо, Эми, сделай мне большой черный эспрессо с собой

— Тогда ты не уснешь.

— У меня много работы, которую нужно сделать за ночь.

Чудо, что мой папа не адвокат. Он никогда не говорит мне о специфике своей работы. Думаю, это великолепно, что у него такая сверхсекретная работа, именно поэтому я не злюсь из-за того, что он работает допоздна.

Я выливали кофе в чашку, в то время как Мария внимательно наблюдала за мной. Когда я закончила, она улыбнулась мне, и я передала кружку папе. Он, не дожидаясь, пока кофе остынет, сделал глоток.

— Это самый лучший кофе, который я когда-либо пробовал в своей жизни, — сказал он Марии. Его преувеличенная реакция слишком очевидна.

Я закатила глаза.

— Аба, садись уже.

— Почему бы тебе не присоединиться к отцу? Твоя смена окончена.

— Я здесь всего час, почему она так быстро закончилась?

— Это наша сделка, — вмешался папа. — По часу в будние дни и по три часа в воскресенье. Я не хочу, чтобы работа мешала твоей учебе.

Восемь часов в неделю это не так уж плохо, особенно, если субботние вечера будут свободны.

Я отдала желтый фартук Марии, но она сказала, что я могу его вернуть завтра, когда приду на работу. Я взяла рюкзак из служебной комнаты, а потом вместе с папой села за один из столиков.

Мой папа достал из портфеля почту и начал в ней копошиться. Я вытянула шею, чтобы посмотреть, нет ли там письма от Эйви. Прошло уже две недели с тех пор, как я получила от него последнее. Для него это странно.

— Ну? — спросила я.

На лице моего папы засияла озорная улыбка. Я протянула руку.

— Дай.

Он протянул мне письмо, и я выхватила его из рук. Мое сердце замерло, а в животе запорхали бабочки, пока я проводила пальцам по обратному адресу.

Я сомневаюсь в отношениях на расстоянии между мной и Эйви. Каждую ночь, укладываясь в постель, я думаю о том, как сильно скучаю по нему. Я спрашиваю себя, вспоминает ли он меня? Познакомился ли он с кем-то более милым, симпатичным или просто... менее раздражающим, нежели я?

Вскрывая конверт, я почувствовала себя лучше, но потом я заметила, как папа смотрит

на меня... изучает мою реакцию.

— Почему бы тебе не прочитать его вслух? — предложил он.

— Да, конечно, — с сарказмом ответила я. Я убрала письмо в рюкзак. Я прочитаю его позже, когда буду в кровати... одна.

— Подождите! — крикнула Мария, когда мы почти собрались уходить. В руках она держала рюкзак. — Ты знаешь парня, который здесь сидел? Он оставил это.

— Это Нейтона. Я уверена, он заметит и вернется, чтобы забрать его.

— Не глупи, Эми, — вмешался папа. — Ты можешь вернуть ему рюкзак по дороге домой.

Глава 8

Дебора была великим пророком Израиля, а однажды она вела Израиль (Judges 4:4). Она поручила мужчине по имени Барак (есть связь со мной, как думаешь?) набрать десять тысяч человек для сражения. Барак ответил ей, что он сделает это только если она пойдет с ним.

Это чем-то похоже на мою жизнь, разве нет? Так же мужчине нужна помощь женщины, чтобы прикрыть его тыл.

Я хочу запротестовать, но рюкзак уже пихнули мне в руки.

— Папа, я уверена, как только он поймет, что забыл рюкзак здесь, он вернется.

— Эми, не глупи.

Шокированная, я широко открыла рот. Моя собственная плоть и кровь назвала меня глупой. Я вышла из кафе и направилась к входу в наш кондоминиум. Я помахала швейцарцу, который вызвал нам лифт.

— Эми, вернись.

Я сложила руки на бедра.

— Не могу поверить, что из всех людей именно ты назвал меня глупой.

Мой отец никогда не отступает. Думаю, бывшая должность спецназовца заставляет его действовать в жизнь так же жестко, как и в армии. Профессиональные привычки.

— Лишь потому, что он не похож на ребят, с кем ты обычно общаешься не означает, что вы не можете быть друзьями.

— Папа, он сказал Кейли Сандерс, что я зарегистрировалась на сайте знакомств, чтобы найти пару к Балу Святого Валентина. И кто сейчас глупый?

Мой папа кажется взволнованным, его брови нахмурились, пока он созерцал новую часть информации. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Что ж, тебе все равно нужно встретиться лицом к лицу с ним.

Он говорит как настоящий израильтянин.

Мы стоим в лифте, который только что приехал на наш этаж.

Выйдя, я обернулась к папе и, держа в руках рюкзак Нейтана (к слову, его рюкзак весит целую тонну), сказала:

— Ты отдаешь ему рюкзак и отчитаешь за то, что он распространяет слухи о твоей дочери.

— Пойдем вместе.

Оох, криминальные сообщники.

— Идет.

— Хорошо

Я проследовала за ним к квартире дяди и тети Нейтана, которая находилась рядом с нашей. Мой папа слишком сильно ударил в дверь, как будто он не может рассчитать собственную силу. Это мой папа.

Мистер Кинер открыл дверь, но не пригласил нас войти.

— Нейтан оставил свой портфель в кафе, — сказал папа. — Эми хочет ему вернуть его.

Мистер Кинер улыбнулся и открыл дверь.

— Можешь отдать ему. Он в гостиной, это вторая дверь справа.

Мой папа положил руку мне на поясницу и подтолкнул меня. Ранее я никогда не была в их квартире. Мистер и миссис Кинер держат слишком много вещей для одинокой семейной пары. Я шагнула в прихожую. Я чувствую себя неловко, так что я рада, что папа меня сопровождает.

Зазвонил мобильный телефон- мелодия моего папы. Национальный гимн Израиля. Глупо, но он полностью его. Он был еще в коридоре, когда ответил на звонок.

— Прости, motek. Мне нужно ответить, — сказал он, махнув рукой, а после оставил меня в квартире Кинеров.

Ох, просто великолепно.

И так, мне нужно противостоять Нейтану в его комнате. Одной. Без поддержки.

Мистер Кинер указал мне на комнату Нейтана. Хорошо, я сделаю это. Я не боюсь этого парня. Дело в том, что когда я впихну ему в руки его рюкзак, я собираюсь кое-что высказать ему.

Потому что никто не может сделать дуру из Эми Нельсон-Барак.

Я целенаправленно направилась ко второй двери справа. Дверь закрыта, поэтому мне придется постучать. Я посмотрела назад, чтобы убедиться, что мистер Кинер не последовал за мной. Сначала я легонько постучала свободной рукой в дверь. Ответа не последовало. Я ударила чуть сильнее.

Когда никто не ответил, я подумала, что он не дома. Думаю, это даже хорошо. Я хочу устроить ему очную ставку, но я не уверена, что хочу сделать это прямо на его территории. Преимущество в сражении за тем, кто хозяин поля.

Я нагнулась, чтобы посмотреть, закрыта ли дверь на замок. Нет. Я повернула ручку, и дверь со скрипом открылась, позволяя мне заглянуть внутрь.

Нейтан в комнате, но он слушает свой iPod, постукивая в такт карандашом по тетрадке, поэтому он даже не заметил меня.

Но по иронии судьбы, как только я перевела взгляд на его лицо, я встретила с его зелеными глазами, следящими за мной.

— Я тебя вижу.

Черт. Распахнув дверь настежь, я вошла, наблюдая, как Нейтан вытаскивал наушники из ушей.

— Ты оставил свой рюкзак в Perk Me Up! Я принесла тебе его в качестве жеста доброй воли.

Нейтан лишь пожал плечами. Хотелось бы услышать слова благодарности. Ему срочно нужно посетить несколько уроков этикета.

Положив его рюкзак, я остановилась, чтобы осмотреться. Очевидно, это гостиная: по одной стороне стены расположились полки со старыми книгами, а раскладная кровать заняла большую часть комнаты. Нейтан, лежа на кровати и облокотившись об изголовье, молча наблюдал за мной.

— Кто эта девушка? — спросила я, взяв в руки фотографию милой блондинки в бикини с короткими волосами и потрясающим прессом. — Твоя сестра?

Нейтан поправил очки на носу.

— Это моя девушка.

Ага, как же. Она не может быть его девушкой. Готова поспорить на свою собаку, что он блефует.

— Как ее зовут? — с притворным интересом спросила я.

— Бики.

Стоп, стоп, стоп. Как ее зовут? Должно быть, я ослышалась.

— Бекки? — другие варианты просто абсурдны.

— Бики! — повторил он. — Бики! Ты опять ведешь себя как Барби.

— Ей дали это имя при рождении или это ее прозвище? — спросила я, пропустив мимо ушей его оскорбление.

Нейтан, спрыгнув с кровати, выхватил фото из моих рук.

— Её зовут Бики и это не прозвище. Она просто Бики, — он начал запихивать фотографию в полу — расстегнутый чемодан.

— Ты называешь меня Барби, а сам распространяешь заведомо ложные сплетни обо мне лишь для того, чтобы показаться крутым парнем.

— Ничего подобного. И я не собираюсь виться вокруг твоих друзей.

— Ты сказал Кайлу, что я зарегистрировалась на сайте знакомств. Конечно, это тебя не касается, но к твоему сведению, я зарегистрировала там своего отца.

Нейтан пожал плечами словно ложь, бросившая тень на мою репутацию, ничего не значит.

— Почему ты так сильно меня ненавидишь?

Он, провел рукой по взлохмаченным темно — русым волосам, похожие на кленовый сироп и вздохнул.

— Я не ненавижу тебя, Эми. Просто я ненавижу таких людей как ты.

— Это одно и то же, — сказав это, я пулей вылетела из комнаты.

Когда я вернулась в свою квартиру, папа сидел за обеденным столом с телефоном, перебирая какие — то бумаги.

Мужчины.

Я чувствую вкус мести. Зайдя в комнату, где был компьютер, я зашла на сайт www.rjjs.com, где меня попросили ввести свой логин и пароль.

Мне пришло пятьдесят пять писем от незнакомок и еще два от женщин, которых я от лица папы пригласила на свидание.

Вау. Менеджер Келли предложила в своем письме сходить в кафе на следующей неделе. А адвокат Венди ответила, что ищет исключительно американца, поэтому ее кандидатура отпадает.

Отлично. В любом случае, я не очень хочу, чтобы моя мачеха была адвокатом. Адвокаты, наверное, строго следуют всем правилам и предписаниям, а это совсем не для меня. Мне нравится жить в серой зоне.

Отвечая на письмо Келли, я спросила, не хочет ли она встретиться со мной (с моим отцом) в кафе Perk Me Up! завтра в семь часов вечера.

Плюхнувшись в кресло, я услышала шуршание в моем кармане. О, мой Бог! Не могу поверить, что с этим недоразумением с Нейтаном и папой, забыла о письме Эйви. Моя забывчивость — предательство наших отношений?

Отбросив эти мысли, я удобно устроилась на своей кровати и раскрыла письмо.

— Извини, Эйви — знаю, он не может меня услышать, но, может быть, услышит моя совесть.

Когда я раскрыла письмо, мой пульс участился.

Эми, ты знаешь, я не умею писать письма, но я обещал, поэтому пишу.

Меня перевели на новую базу. Я не могу сказать, где она находится, потому что это

сверхсекретная информация. Сегодня я стрелял из нового пистолета. Знаю, ты ненавидишь оружие, но это было круто. Выстрелы раздаются со всех сторон. Каждый день мы преодолеваем большие дистанции, и мне всегда кажется, что еще чуть — чуть и мои ноги отваливаются.

Завтра ночью мою часть высадят в Негеве, чтобы посмотреть, как мы будем ориентироваться на местности, когда вокруг нас нет ничего, чтобы помогло нам выбраться из пустыни за исключением звезд. Думаю, я справлюсь. Если я выживу, я снова тебе напишу.

Ты же знаешь, я по тебе скучаю, не так ли?!

Эйви.

Я прижала письмо к груди, впитывая последние слова. «Ты знаешь, я скучаю по тебе, не так ли?!»

Эйви не сентиментален. Он замкнутый, потому что потерял брата в бомбежке, и не позволяет себе открыться, стать уязвимым и огорчаться.

И я знаю, он не хочет, чтобы я ждала его из армии целых три года, поэтому не пишет романтических и сентиментальных писем.

В любом случае, я не хочу романтического и сентиментального парня. Я хочу Эйви. О, я знаю, что даже не увижу его до лета, когда вернусь в Израиль. И у меня ни перехватывает дыхание от мысли, что он будет ждать меня. Ладно, вру. Но я ни за что не признаюсь в этом вслух.

Склонившись над ночным столиком, я открыла ящик и достала серебряный браслет — цепочку Эйви, который он подарил после того, как мы начали встречаться тем летом. Вместе с браслетом, я вытащила его фотографию.

Это было наше первое официальное свидание. Он устроил мне великолепный вечер: угостил суши и подарил Мугта. Я исхитрилась сфотографировать его на камеру отца прямо перед нашим расставанием.

С фотографии на меня смотрит юноша с карими глазами и густыми темными волосами под стать. Я уже и не говорю о его улыбке, которая может заставить мое сердце остановиться. Израильтянки не дадут ему прохода, в этом нет сомнений. Это пугает меня, обнажает все мои недостатки. Я недостаточна красива, моя грудь слишком большая, а талия объемна.

Ух, ненавижу, когда начинаю разбирать себя по кирпичикам и сосредотачиваться на негативном. Я нравлюсь Эйви за то, что я есть. Я это знаю.

Целовать фотографию глупо. Я никогда не сделаю подобного. Но я прижимаю его фото к щеке и крепко обнимаю. Это все еще глупо, но в меньшей мере, чем целовать бумагу.

— Эми, я извиняюсь, но это очень важный звонок.

Замечательно, теперь мой папа, не только вторгся в мое личное пространство, но и застал меня, обнимающейся с фотографией. Единственной причиной, удерживающей меня от того, чтобы рассказать ему, как важно стучать при входе в комнату подростка является отмщение в виде свидания, которое я ему назначила.

— Знаешь в чем твоя проблема?

— В чем?

— Ты думаешь, что работа важнее твоей личной жизни.

Он через чур серьезно смотрит на мир, но я пытаюсь помочь ему стать более разговорчивым и менее занудным. Его работа беспокоит меня. Клянусь, если он не пойдет

на работу, у него случится сердечный приступ.

Он подошел ближе к моей кровати, и я быстро спрятала фотографию и письмо Эйви под подушку.

— У меня есть обязанности, Эми, которые я принял на себя давным — давно.

— Да — да, — выпрямившись, сказала я. — Я уже слышала эти разглагольствования. Что теперь? Ты нужен Президенту Соединённых Штатов в качестве телохранителя?

— Этим занимается личная охрана президента.

— Тогда что же там такого важного?

— Я должен уехать из города. Из — за этого звонили. И это не терпит отлагательств, не в этот раз.

Круто. Квартира в полном моем распоряжении. Сколько возможностей.

— Когда? — спросила я, с излишним рвением.

— В пятницу. Вернусь в воскресенье.

Целых две ночи без родительского присмотра! Впереди меня определенно ждут светлые времена.

— Могу я взять твою машину?

— Только чтобы доехать до дома матери. Там ты останешься на это время. Я только что поговорил с ней. Ты можешь взять мою машину, чтобы добраться до нее.

Ну уж нет! Так не пойдет.

— Я не останусь с мамой и Марком. Что я буду делать с Муттом? К тому же, я думаю, что у Марка аллергия на нас обоих.

— Мы отправим его в питомник.

Я бы хотела, чтобы это относилось к Марку, но я не настолько везучая. Я поднялась, готовая к борьбе.

— Прежде всего, Мутт и я идем в комплекте. Он не останется в питомнике. С этим покончено.

У меня ушло целых пятьдесят шесть минут на то, чтобы убедить отца, что я достаточно взрослая и могу остаться одна в квартире.

Впереди меня определенно ждут светлые времена.

Кашрут. Закон № 2

Нельзя смешивать молоко и мясо, потому что Бог сказал: «Не вари козленка в молоке матери его» (Исход 23:19). Тогда почему я не могу смешать цыпленка с молоком? Ведь курицу нельзя подоить.

— Почему ты смотришь на дверь каждые две секунды? — спросила Мария на следующий рабочий день.

Эмм... возможно потому, что с минуты на минуту придет девушка, а папа даже не догадывается, что у него свидание. Он думает, что Мария хочет поговорить о моем рабочем графике. Я придумала забавную историю, чтобы завлечь его в кафе в семь часов.

— Жду папу, — сказала я своей начальнице, чувствуя себя виноватой.

Дверь кафе открылась, и вошла женщина, которую я не видела прежде. Это Келли, девушка для моего отца? Или это просто новый посетитель? В своем письме Келли написала, что она блондинка с медовым отливом. У этой женщины тоже волосы с медовым отливом, но они слишком вьются и, нет сомнений, чтобы красиво уложить такую гриву, нужен действительно дорогой уход. На фотографии в ее профиле у нее были прямые волосы, но, видимо, сегодня она забыла их выпрямить.

Она подошла к барной стойке, и в этот момент я вдруг почувствовала себя слишком застенчивой, но, мне нужно постараться и произвести на нее впечатление.

— Вы Келли?

Женщина покачала головой.

— Нет.

— Ох, извините.

Когда она нахмурилась, я постаралась побороть свои эмоции.

— Хотите что-нибудь заказать?

Женщина не спеша изучает наше меню. Мне хочется притвориться, что я заснула и храплю (а между прочим, я очень хороша в этом), но думаю, Мария не оценит мою шутку. Поэтому, улыбнувшись, я жду. И жду.

И жду.

Клянусь, еще немного ожидания, и я нахмурюсь. Мой рот больше не может выдержать натянутой улыбки. Я начала напевать себе под нос, но даже не осознавала этого, пока не заметила, как сурово эта женщина смотрит на меня. Господи, благодарю тебя за то, что это девушка не суженая для моего отца.

Зазвенел дверной колокольчик. Еще один клиент.

— Вы готовы? — спросила я женщину, которая все еще не решила, что заказать. Я уже вижу ее в роли моей мачехи, которая навсегда забирает меня из школы и отнимает мои пикантные роллы с тунцом из Nanabi.

Осмотревшись, я увидела еще одну женщину, которая могла бы сойти за блондинку с медовым отливом, подходящую к стойке. Я задержала дыхание. Эта женщина действительно большая и, как мне кажется, дружелюбная.

Возможно, фотография была загружена до того, как она потолстела. Папа немного повернут на тренировках и здоровье, а эта женщина, кажется, ест слишком много

бутербродов Kit — Kats, если вы понимаете, о чем я. Конечно, у нее дружелюбное выражение лица. Возможно, папа мог бы подобрать ей диету, и она за кратчайшие сроки сбросила бы лишний вес.

Проигнорировав Мисс-Клушу, я обратилась к Пампушке:

— Вы Келли?

— Нет, но мне бы хотелось большой карамельный латте с взбитыми сливками.

Я улыбнулась, хоть у меня так и чесались руки сделать латте с обезжиренным молоком, а не карамельным. Пока я готовилась ее обслужить, Мисс — Клуша знаком показала, что готова. Она что не видит, что я обслуживаю другого клиента?

Мария в кабинете, и я не хочу, чтобы она подумала, что без ее надзора я не могу обслужить посетителей. Я переключила внимание на Мисс — Клушу.

— Вы решили, что хотите заказать?

— Какова калорийность среднего ванильного кофе? Такая же, как и у стандартного?

Она шутит? Я заглянула под стойку, чтобы посмотреть, есть ли там таблица калорийности напитков, но ее там не было. Я даже не знаю, что делать. Мне нужно обслужить другую женщину или позвонить Марии?

Я взглянула на часы. Ровно семь. Келли придет в любую секунду. Мой папа придет в любую секунду.

А Мисс — Клушу волнует калорийность напитка.

Позвонив Марии, я попросила подойти ее.

Я впопыхах приготовила большую порцию карамельного латте, в то время как Мария обслуживала капризную Кудряшку. Звякнул дверной колокольчик, и в кафе зашла еще одна девушка, очень похожая на Келли с ЕСЕС. Осмотрев кафе, она села за свободный столик, ожидая моего ничего неподозревающего папу.

По иронии судьбы, папа зашел следом за ней. В этот момент, мое сердцебиение увеличилось в сто раз. Папа, помахав мне, направился к барной стойке. Келли, должно быть, узнала его по фотографии из профиля на ЕСЕС. Она подошла к нему, собираясь коснуться его плеча.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — выпалила я, в тот самый момент, когда Келли, дотронувшись до него, сказала:

— Рон?

Он повернулся к ней.

— Могу я Вам чем-нибудь помочь?

— Папа, это важно.

Он соединил пальцы «щепкой», поднял их верх и опустил вниз, что на уникальном еврейском языке жестов означает «подожди секундочку». Проблема в том, что я не могу ждать.

Мне нужно сказать ему, что, хоть он и не знает, но у него сейчас первое свидание с девушкой с сайта знакомств.

— Я — Келли, а Вы — Рон?

— Да.

— С Единой Специализированной Еврейской Сети?

Пауза...

— Эм... Не могли Вы попридержать эту мысль еще секунду, — сказал папа Келли, а потом повернулся ко мне. — Эми, объясни, что все это значит. Прямо сейчас. Полагаю,

Мария не хотела обсудить со мной твой рабочий график?

— Аба, ты будешь смеяться, когда я расскажу тебе правду.

— Сомневаюсь.

Келли выглядит смущенной и расстроенной.

— Я что-то пропустила?

Ладно, пора признаться. Честно говоря, я думала, что будет легче, но оказалось иначе.

Прямо сейчас мне хочется забиться в темный угол.

— Это я назначила свидание. Я его дочь.

Осознав это, Келли отступила на несколько шагов.

— Ох, — она поправила кожаную сумку на плече, — я выгляжу полной идиоткой.

— Нет, на самом деле это я выставила себя полной идиоткой.

— И меня заодно, — вмешался папа. — Келли, почему бы нам не присесть, пока моя дочь готовит нам самые дорогие напитки, которые есть в этом кафе? Это наказание доставит ей удовольствие.

Келли, пожав плечами, кивнула в знак согласия.

— Звучит неплохо.

Но только не для меня!

— На самом деле, я голоден. Как насчет булочек? — спросил папа. Я мысленно пометила у себя в голове, что мне придется отработать как минимум еще два часа, чтобы заплатить за ужин.

— Булочки — это великолепно, — улыбаясь, сказала Келли. — Эми, а нет ли чизкейка?

Милая, можешь принести мне кусочек?

Мне не нравится блондинка Келли с медовым отливом, хотя, кажется, моему папе она понравилась. Организовывая это свидание, я вовсе не рассчитывала на нотации. Папа и Келли сели за столик, пока я готовила им двойной голландский кофе Delicia (в качестве бонуса я немного увеличила содержание кофеина... надеюсь, они всю ночь будут бодрствовать и не смогут заснуть). Особые напитки по четыре доллара и двадцать пять центов за каждый, два доллара и пятьдесят пять центов за чизкейк и булочки по два доллара и тридцать пять центов.

Вскоре ко мне подошла Мария и попросила подмести пол, а потом я увидела Нейтана, сидящего в своем привычном уголке. Можно подумать, мой день был недостаточно катастрофичен.

— Барби, тебя подловили на лжи? У меня для тебя маленький совет — в следующий раз, когда решишь устроить свидание для отца, вероятно, тебе лучше предупредить его заранее.

Я с неприязнью посмотрела на него.

— У меня хотя бы есть родители, — как только эти слова слетели с языка, мне сразу захотелось забрать их обратно. Краска сошла с лица Нейтана, и он быстро начал собирать свои вещи.

Может быть, его родители погибли или лежат в больнице. Я идиотка.

— Мне жаль, — быстро добавила я.

Запихивая последнюю книгу в рюкзак, он смотрел мне прямо в глаза.

— Нет, тебе не жаль, — сказав это, он выбежал из кафе, оставив меня наедине с недопитой чашкой чая. Сейчас я чувствую себя еще хуже.

Взглянув на отца, я увидела, как он пожал руку Келли, и она вышла из кафе, оставив его

одного за столиком до тех пор, пока я не подошла к нему.

— И?

Папа посмотрел на меня.

— Что?

— Как прошло свидание?

— Хорошо.

Хорошо — это, вероятно, самое уклончивое и относительное слово в английском языке. Ненавижу его. Оно ничего не значит. Меня не устраивает всего лишь «хорошо», я хочу подробней обо всем узнать.

— Вы еще встретитесь?

— Возможно.

Великолепно, еще одно относительное слово.

— Ты попросил ее номер телефона?

Мой папа встал, что не очень хорошо, потому что он намного выше меня.

— Послушай, Эми, но только слушай внимательно, я не буду повторять дважды. Не назначай больше свиданий без моего ведома, а иначе останешься без мобильного. Ты меня поняла?

— Да.

Рош Ха — Шана^[6]: две ночи обильная праздничная трапеза. Ханука^[7]: вкушать праздничные блюда на масле. Песах^[8]: в «Пасхальной Агаде»^[9] говорится, что нужно есть праздничную пищу. Суккот^[10]: построить сукку^[11] и позвать друзей, чтобы поест в нем. Йом — Киппур^[12]: перед праздником съесть «разделяющую трапезу», чтобы подготовиться к посту.

Вижу здесь закономерность. Почему так много еврейских праздников сосредоточены на еде?

Ввиду того, что папа уехал сегодня утром, Джессика пригласила меня на ужин в честь Шаббат, поэтому после школы я сразу отправилась домой, погуляла с Муттом, а потом на такси доехала до Джесс. Также следует заметить, что Нейтан игнорировал меня весь день. И даже когда я в очередной раз пыталась попросить у него прощения, он развернулся и нагло проигнорировал меня.

— Эми, проходи, — сказала мама Джессики, открывая мне дверь своей квартиры на шестом этаже. — Джессика в своей комнате.

Поднявшись по знакомым белым лесенкам, я нашла Джессику за компьютерным столом, сверлящую взглядом клавиатуру своего компьютера.

— Ты же не смотрела опять почту Митча?

Не посмотрев на меня, она ответила:

— Конечно же, я так и поступила. Он даже не догадывается. Я читаю все его письма, а потом помечаю как непрочитанные.

— Джесс, если ты не доверишь ему, тогда порви с ним.

Она развернулась на стуле, чтобы видеть меня.

— Эми, в канун Нового года он признался, что любит меня. Никто после Того-Самого-Парня не говорил мне, что любит.

Тот-Самый-Парень — это Майкл Гринберг. В прошлом году Джессика лишилась с ним девственности. Сразу после этой грандиозной ночи для Джесс он исчез, сломив ее веру в отношении всех парней. До сих пор она не рассказала мне — лучшей подруге в мире — о произошедшей ситуации с Майклом. И как только я произношу его имя вслух, она пулей вылетает из комнаты.

— Он сказал это в порыве страсти?

— Его руки были под моей кофтой.

Ладно, не буду констатировать очевидное. Типичное «я люблю тебя, давай перейдем на новый уровень». Внимательно посмотрев на Джессику, я поняла, что она больше не хочет об этом говорить.

Я взглянула на её гардероб, чтобы посмотреть, нет ли там новой одежды, которую я могла бы одолжить. Я сразу заметила серую футболку с розовой надписью.

— Где ты раздобыла ее?

— Не знаю, мама купила.

— Она великолепна, — как и всегда, я чувствую себя как дома. Лучшие подруги делятся одеждой, секретами и советами красоты. Полагаю, еще и парнями. Я встречалась некоторое

время с Митчем прежде, чем он начал гулять с Джессикой. Я сняла свою кофту и переделалась в серую футболку. Она мне нравилась до тех пор, пока я не посмотрелась в большое зеркало на двери шкафа. Футболка слишком маленькая и ужасно обтягивает мою грудь.

Разочарованная, я сняла футболку и начала изучать свой бюстгальтер, приподнимающий грудь, в отражении зеркала.

— Что ты делаешь?

Уперев руки в бока, я посмотрела на розовое кружево.

— В этом лифчике моя грудь кажется обвисшей? — я приподняла грудь, чтобы посмотреть, как бы она выглядела, если была бы зафиксирована лучше.

— Сейчас она практически прижата к твоему подбородку, — Джессика разочарованно вздохнула. — Я бы хотела иметь грудь как у тебя. Парни любят твою грудь.

— Она обвисает, — сказала я, убрав руки от груди. — Что бы я не делала, они выглядят, словно... весят больше двух килограмм каждая.

Стоит уточнить, что я никогда не взвешивала свою грудь. Уверена, она не весит более двух килограмм. Я повернулась к лучшей подруге.

— Джесс, у тебя великолепная грудь, а главное, она не обвисает.

— Ага, а еще она почти что миф. Моя грудь выглядит потрясающе лишь потому, что на прошлой неделе я купила лифчик Fantasy, — она приподняла футболку, чтобы продемонстрировать мне пуш-ап, в котором ваты больше, чем в зимнем пальто моей мамы. — Мне приходится носить его для того, чтобы создать видимость, что у меня хоть что-то есть.

Дверь спальни Джесс открылась, и вошел надоедливый, чрезмерно энергичный двенадцатилетний брат Бен. Его глаза широко распахнулись, когда он увидел нас в одних лифчиках. Закричав, я прикрыла грудь руками.

— Пошел вон, мелкий нахал, — закричала Джесс, отдергивая футболку.

— Вы сравниваете свои сиськи? — смеясь, спросил Бен. — Эми, а они настоящие?

Мы с Джессикой одновременно схватили подушки с кровати и кинули в дверь, но Бен успел пинком захлопнуть ее.

— Кстати, ужин готов, — заливаясь смехом, крикнул он.

Когда несколькими минутами позже мы спустились на кухню, Джесс, прежде чем сесть на свое место, ударила своего брата по затылку.

— Ой!

— Если в следующий раз ты не постучишь прежде, чем войти, я сфотографирую тебя в душе и разошлю фото по почте всей школе.

— Перестаньте, — сказал мистер Кац, надевая кипу ^[13] и жестом призывая Бена сделать то же самое.

На кухне Джесс и я расставляли чашки, наполненные яблочным супами маца, на стол.

Миссис Кац, поставив два подсвечника Шаббат со свечами, начала искать спичечный коробок в буфете.

— Эми, не хочешь ли ты воздать почести?

Я? Обычно я смотрю, как Джессика или ее мать зажигает свечи, и молюсь на иврите.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Комнату наполнила тишина. Прочистив горло, я чиркнула спичкой по коробку и зажгла

— Хорошо. Раввин Глассман очень славный.

Миссис Кац положила ладонь поверх ладони мужа.

— Знаешь, а ведь он поженил нас. Двадцать два года назад.

Интересно, смог бы раввин в один прекрасный день провести мою свадебную церемонию?! Невзирая на то, что это не правомерно, он не будет проводить церемонию между евреем и не-евреем.

Он человек самых строгих правил, и даже когда его сестра выходила замуж, он не пришел на свадьбу, потому что она выходила за христианина. Я хочу выйти замуж за еврея и у меня есть множество доводов: во-первых, для меня очень важно, чтобы мои дети были евреями; во-вторых, для меня не менее важно, чтобы моя семья не ела свинину, креветки и... не смешивала мясные и молочные продукты.

— Пойдешь завтра на концерт молодежной группы? — спросила миссис Кац.

Джессика, кивнув головой, повторила вопрос:

— Эми, ты пойдешь?

— Вообще-то я не планировала.

— Ты должна пойти. Будет весело.

После ужина мы с Джесс уговорили ее родителей отпустить ко мне домой на ночевку. Остаток вечера — вечера без Бена — мы провели в разговорах о парнях, бюстгальтерах и книгах до тех пор, пока не наболтались вдоволь.

После мы достали мороженое, включили фильм, и пока мы его смотрели, я старалась убедить Джессику позвонить Митчу. Он не отвечал на звонки, поэтому она попыталась позвонить ему домой. К сожалению, она наткнулась на рассвирепевшего отца Митча, который был далеко не в восторге от звонка после одиннадцати. Он даже не сказал ей, дома Митч или нет.

Чем заняться двум подросткам без родителей в одиннадцать часов вечера? Вдруг мне в голову пришла великолепная идея.

— Давай позвоним моей двоюродной сестре в Израиль. Там сейчас только восемь, а может чуть больше.

Не успела Джесс сказать, что это ужасная идея, как я уже набирала невероятное количество цифр, чтобы позвонить в Израиль.

— Алло? — ответила моя Дода Юки.

— Дода Юки, это Эми! — прокричала я в трубку.

— Ах, Amy'leh. Mah nishmah? — женщина думает, будто я свободно говорю на иврите, но на самом деле папа сказал мне, что «Mah nishmah» значит «Как дела?». Это одна из самых важных фраз у израильтян.

— Превосходно, а О'Снат дома?

— Она рядом. Передай Абе, что я люблю его, tov?

— Тов.

— Эми? — спросила О'Снат.

— Она самая, твоя американская племянница. Помнишь меня?

— Тебя забудешь! Наши овцы до сих пор имеют Mohawk от твоей стрижки.

Ха-ха. Очень остроумно. Ладно, мне еще не хватает мастерства стрижки овец, но, тем не менее, я приложила титанические усилия.

— Mah nishmah?

— Ah, evreet shelach mitzuyan.

— Ладно, заканчивай с ивритом. Ты же знаешь, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Как Эйви?

— Выглядит горячим.

— Ты видела его?

— Ага. Разве он не позвонил тебе после базовой подготовки?

Нет.

— Уверена, он был занят, — он писал, что вернется к базовому обучению через неделю.

Интересно, что он делает дома? Более того, мне интересно, почему он не позвонил мне. Знаете, говорят: «Если ты ему нужна — из-под земли достанет, нет — ему и не нужна твоя инициатива».

На душе появилось неприятное ощущение, но я все равно продолжила разговор с О'Снат, а после и с Софией, моей бабушкой, которая сказала мне, что врачи думают, что после последнего сеанса химиотерапии опухоль уменьшилась. Она утверждает, что все в порядке, но ее голос ослаб по сравнению с последним нашим разговором. Я пообещала, что позвоню на следующей неделе, а она пообещала, что останется сильной и здоровой до моего приезда в Израиль следующим летом.

Джесс, пролистывая мой CD — лист, выглядела еще более подавленной, нежели я. Вдруг меня озарила идея.

— Попробуй написать Митчу.

— Я уже пыталась. Он не ответил.

Взяв ее телефон, я начала набирать сообщение.

Джесс села на кровать рядом со мной.

— Что ты делаешь?

— Привлекаю внимание твоего парня.

Митч одержим своим телефоном. Наверняка он взял его с собой. Если он специально игнорирует Джесс, я убью его.

Я: Митч, это Эми. Джесс целуется и обнимается с другим парнем.

Митч: Что?

Я: Расслабься, я просто шучу. Где ты?

Митч: В кино с друзьями. Не могу говорить.

Я: Позвони своей девушке завтра. Или пригласи куда-нибудь.

Митч: Не пугай меня, Эми.

Я: Я пугаю тебя?

Митч: Ты больше лаешь, нежели кусаешься.

Я: Я не кусаюсь.

Митч: Я знаю тебя, ты кусаешься.

Вернув телефон, я посмотрела на Джесс.

— Он сказал, что завтра позвонит.

— Правда? — спросила она, с глазами полными надеждой. — Где он?

— В кино с друзьями.

— Я недавно говорила с ним. Он ничего не говорил о кино. С каких это пор я не могу пойти с ним и его друзьями в кино?

Я пожалала плечами. Я не могу понять своего собственного парня. Откуда же мне знать, что Митч думает о ней?

Лежа поздно ночью в кровати, я думала об обещаниях, которые забыла взять с Эйви. Может быть, я заблуждаюсь, и он вовсе не ждет моего возвращения в Израиль? Если он не думает обо мне, то почему я так одержима им?

«Если женщина зачнет и родит младенца мужского пола, то она нечиста будет семь дней... Если же она родит младенца женского пола, то она будет нечиста две недели» (Левит, 12:2–5)

Ммм... Значит ли это, что мальчики считаются чистоплотней девочек? Видимо, Бог давно не видел мужские уборные Чикагской Академии.

— Ты уже знаешь, это будет мальчик или девочка?

Сегодня воскресенье и я в пригороде с мамой. Мы едем в магазин для беременных. Кажется, она была очень сильно взволнована предстоящей небольшой экскурсией, и я просто не смогла отказать ей. Мама погладила выпирающий живот, как одна из беременных героинь фильмов.

— Мы хотим, чтобы это был сюрприз.

— А что, если родятся близнецы?

Когда она улыбнулась мне, в уголках ее светло-голубых глаз появились морщинки. Не слишком ли она стара, чтобы рожать?

— Было лишь одно сердцебиение. Я точно не рожу близнецов.

Ребенок родится только через шесть месяцев, а мамин живот уже напоминает маленький шар для боулинга. Не могу поверить, что не заметила раньше. Возможно, она пыталась скрыть его с помощью пончо, которые в последнее время так часто носила.

Когда мы подъехали к месту под названием «Модное Материнство», я чувствовала себя ужасно глупо. Мне семнадцать лет. Господи, да я уже могла быть матерью.

— Марк и я хотим, чтобы и ты приняла участие в беременности. Для нас это очень важно.

Моя мама не еврейка, но она придерживается еврейских взглядов на грехи и вину.

Я широко улыбнулась ей, сверкнув белоснежными зубами. Может быть, моя улыбка слишком натянута, но я очень хочу, чтобы мама была счастлива.

— Я очень рада за тебя, и я тоже хочу быть частью вашей новой семьи.

— Эми, я твоя мать, я вижу тебя насквозь.

Мы все еще сидели в машине. Веселое настроение мамы за считанные секунды сменилось грустью. О, нет. Мне срочно нужно что-нибудь сказать, пока она не расплакалась.

— Мама, я рада за тебя и Марка. Просто все это ново для меня: сначала свадьба, а сейчас ребенок. Мне нужно время, чтобы привыкнуть к нему, хорошо?

Я помню день, когда мама впервые отвела меня на урок балета. Я умоляла записать меня, а когда настал долгожданный день, я практически потащила ее к мисс Герети, где Джессика брала уроки.

Мама заплатила большие деньги, чтобы меня записали, купила мне танцевальные балетки и милый леотард^[14], и мы пошли на первый урок. Но только была одна большая проблема: я отказывалась войти в студию. По неизвестной причине (даже для меня самой) я начала навзрыд плакать до тех пор, пока мама не разозлилась и не заставила меня войти в класс.

Она заставила меня войти.

В отместку я забилась в угол студии и отказывалась танцевать. Эта выходка повторялась

снова и снова, пока нам не показали костюмы для выступления. Моя группа танцевала под песню «The Buzy Bees». Мы были маленькими пчелками в блестящих желто-черных леотардах и с черными усиками. Что тут сказать? Блестящие наряды любую застенчивую малышку превратят в балерину, мечтающую взойти на подмостки. В тот день, когда доставили наши костюмы, я встала на обычное место и танцевала, жужжала, кружилась вокруг себя как будто наверстывала упущенное время.

Уроки танцев заставили меня осознать очень важную вещь — моя мама очень терпеливая и понимающая, и она всегда будет ждать до тех пор, пока я не освоюсь.

— Эми, я знаю, это непросто для тебя. Много изменилось за столь короткое время, — мама взглянула на вывеску «Модное Материнство». — Хочешь, мы вернемся домой или пойдем купим тебе новые лифчики? Я могу заехать сюда и в другой день.

— Нет, мы же уже здесь. Ты должна купить одежду, которая бы не душила ребенка.

Да и к тому же я не хочу покупать лифчики вместе с мамой. Не исключено, что она выберет огромные белые бюстгалтеры, похожие на скатерть с ремнями.

Маму не нужно больше убеждать. Она выскочила из машины, словно кто-то дал ей пинка. Клянусь, у мамы было такое роскошное тело, что все инструкторы по фитнесу лопались от зависти. Ну а сейчас... ладно, просто скажем, что она *сильно* изменилась.

Я последовала за ней в магазин, молча молясь, чтобы консультант не принял меня за клиента.

— Я могу Вам помочь? — спросила маленькая и жизнерадостная продавщица, смотря то на маму, то на меня.

Мама вновь дотронулась до своего живота.

— Я уже примерно на третьем месяце, и моя одежда мне мала.

Женщина радостно хлопнула в ладоши.

— Мы ищем что-нибудь повседневное или деловой костюм? А может Вам нужно что-нибудь на конкретный случай?

Мне бы хотелось искоренить «Мы» из словарного запаса этой дамочки.

— Повседневное. И для работы.

Пока консультант показывала маме различные варианты, я молча следовала за ними. И, если быть честной, многое из одежды было не таким уж и плохим. Вскоре мама направилась примерять одежду, заставив меня пойти в примерочную вместе с ней.

На скамейке я увидела кое-что странное, похожее на кремовый чехол с завязками

— Думаю, кто-то это забыл, — сказала я продавцу, указывая на странный предмет.

— Нет, он есть в каждой примерочной. Этот ремень поддерживает Ваш живот, чтобы примерно показать, как Вы будете выглядеть на пятом-шестом месяце беременности.

Я не смогла подавить смешок, соскользнувший с губ. Мама строго посмотрела на меня, а потом закрыла дверь.

— Могу ли я это примерить?

Прежде чем мама успела меня остановить, я приподняла рубашку, закрепила ремень на талии и опустила рубашку.

— Не так бы я хотела видеть свою семнадцатилетнюю дочь, — сказала мама, смотря на мой животик, который теперь похож на её.

Интересно, каково быть беременной? Каково это ощущать, что внутри тебя будет расти малыш до тех пор, пока не сможет жить самостоятельно? Повернувшись боком, я посмотрела в зеркало. Хочу ли я детей? Мне жаль, что моим родителям приходится иметь

дело со мной. Иногда я думаю, что я ненормальная и мне уже давно пора записаться к психотерапевту, который бы помог мне, но в другие дни мне кажется, что весь мир — это сумасшедшее картофельное пюре, и только я здраво мыслю.

— Может моя мама так сильно печется об этом ребенке, чтобы почувствовать себя нормальной? Чтобы почувствовать хоть какую-то постоянность?

Я смотрю на мамин живот, пока она примеряет черно-белый костюм с эластичными вставками по бокам. Теперь я осознала, как много это для нее значит. Она не просто беременна, она будет растить нового человечка, помогать ему стать личностью.

— Если хочешь, можешь потрогать мой живот.

Вместо этого я приложила ухо к ее животу и, смеясь, слушала забавные булькающие звуки, доносящиеся из него. Сейчас внутри моей мамы растет и развивается новая жизнь.

Возможно, она почувствовала мои колебания, поэтому взяла мою руку и положила на выпирающий животик.

— Ты чувствуешь, как он шевелится?

— Еще рано.

Я посмотрела на свою руку на ее животе, лежащую совсем рядом с моим маленьким сводным братиком или сестричкой. Странно, но сейчас, когда я поняла, что у моей мамы будет еще один ребенок, я почувствовала в себе необычные защитные чувства. Я убрала руку. Это немного странно для меня.

Мама надела большую белую кофту со стрелкой, указывающей на надпись «Будущий врач».

— Как тебе? — она опустила руки по швам, чтобы я могла лучше разглядеть.

— Думаю, что соус слабенький.

— Слабенький соус? — мама растерянно на меня посмотрела. — Новое жаргонное слово, которое я не знаю?

— Знаешь... это как неудавшийся соус. Все дело в соусе. Если плохой соус, то кто его полюбит?

— Это неудавшийся соус?

Я не стала ее поправлять и говорить, что это слабенький соус, а не неудавшийся.

Она уперла руки в бока, словно говоря «Я почти готова».

— Конечно, ты можешь ее купить, но тогда я не выйду с тобой на люди. Нет ли у них кофт с надписью «Я глупая мать»?

— К сожалению, ни одной не нашла на стеллажах, — передразнивая, сказала мама.

В конце концов, она выбрала брючный костюм для работы, платье, две пары джинс и три кофты без надписей. Клянусь вам, до того, как мама вышла замуж, у нее была настоящая работа, и она одевалась как модель с обложки Vogue. Она многое знала о моде и немало научила меня.

После того, как мама вышла замуж, она уволилась с работы, и теперь я совершенно не понимаю, что с ней происходит. Надеюсь, когда она родит, она вновь станет прежней.

— Ты останешься на ужин? — спросила она по дороге домой.

— Мне очень жаль, но я не могу. Я пойду на еврейский концерт вместе с Джессикой.

— Эми, ты уверена, что хочешь вступить на путь евреев? Мы с Марком обсуждали эту тему на днях и, честно говоря, мы не понимаем твой внезапно проснувшийся интерес к смене веры.

Мама не понимает, что за прошедшее лето я изменилась. Я словно нашла недостающую

частичку себя. И хоть это маленькая частичка, я чувствую, что как только соберу все частички воедино, я приближусь к тому, чтобы, наконец, обрести целостность.

— Мам, это не «внезапный» интерес.

— А что говорит твой отец? Насколько я знаю, он не очень верующий человек.

Я смотрю в окно, борясь с желанием возразить. Принятие иудаизма — это то, к чему я чувствую сильную тягу. Это не имеет отношения к моему отцу или матери. Это нужно мне. Спорить с ней и пытаться заставить принять мою сторону не имеет смысла. У мамы собственное мнение о религии, которое я не разделяю.

Когда София дала мне Звезду Давида, я почувствовала что-то, чего не чувствовала ранее — связь с людьми, которых я раньше не признавала. И, когда я поднялась на Масаду^[15], осознание действительно ранило меня. Мой отец еврей, значит, отчасти во мне течет еврейская кровь. Не обратить внимания на это внезапно пробудившееся чувство равносильно оскорблению части того, кем я являюсь. Признаюсь, познавать иудаизм и читать Танах^[16] не так уж и легко. Честно говоря, я не совсем понимаю Танах.

Раввин Глассмен поощряет дискуссии, даже когда мнения расходятся. Это замечательно, потому что я сварливая от природы. Я подвергаю сомнению все, даже то, почему на самом деле Абраам хотел убить своего сына. Очевидно, люди, написавшие Библию, ориентировались в основном на мужчин. Случилась ли эта история на самом деле, или же это просто выдумка?

— Папа поддерживает меня.

— Но разве они не считают тебя еврейкой, ведь твой отец еврей? Глупо заставлять тебя месяцами заниматься...

— Они не заставляли меня, мам, — она не слышит меня или, быть может, не хочет слышать. — Я не обязана менять веру. Я сама хочу принять иудаизм. Просто... забудем об этом, ладно?

Мама пожала плечами.

— Ладно, ладно. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Тогда перестань изводить меня насчет религии, изводи меня по поводу чего-нибудь другого.

Мама, искоса посмотрев на меня, улыбнулась. Упс, не следовало этого говорить. Никогда. Потому что... как вы уже догадались, она хочет отвезти меня в «Уютный бутик Салли», расположенный в другом конце города, чтобы я подобрала себе лифчик.

После того, как мы купили лифчик, мама отвезла меня в кондоминиум папы. Поцеловав ее на прощанье, я вылезла из машины и засунула под подмышку девчачий розовый пакет, чтобы его никто не увидел. На улице похолодало, поэтому я поплотней укуталась в пальто, а когда подняла взгляд, то заметила Нейтана, стоящего на тротуаре с букетом желтых тюльпанов.

Мама отъехала, а я до сих пор стояла и смотрела на Нейтана с открытым ртом. К остановке подъехал городской автобус до Эванстон, и Нейтон сел в него, даже не оглянувшись.

Хмм...

Интересно, он едет к Бинки... то есть к Бики? Не то, чтобы я верю, что он действительно встречается с девушкой с фотографии в его комнате.

Я до сих пор не понимаю его. Почему он остановился у тети и дяди? Если это не

временно, тогда почему он все еще не распаковал чемоданы? Если это не навсегда, почему он пошел в мою школу? Все это не складывается.

Выкинув мысли о Нейтане из головы, я быстро побежала в мою квартиру, пока отец не вернулся домой. Я второпях проверила все еще активный аккаунт папы в ЕСЕС. Единственная проблема в том, что он убьет меня, если я назначу еще одно свидание. Я должна придумать другую схему, более креативную.

Я слышала о «быстрых свиданиях», где человек всю ночь напролет ходит на свидания по три минуты. Хмм... может быть, я смогу убедить Марию устроить такое в Perk Me Up! Стоит признаться, у меня всегда гениальные идеи.

Как раз в тот момент, когда я закрывала страничку ЕСЕС, папа появился на пороге.

Он расспросил, как я провела выходные без него, а я поинтересовалась насчет его поездки. Мы вместе поужинали, играя в shesh besh, что на иврите означает «нарды». Мы любим в них играть. Мы даже немного соперничаем. После ужина зазвонил телефон, и я знала, что это никто иной, как Джессика.

— Мне нужен совет лучшей подруги, — сказала она.

— Мне тоже... хочу узнать у тебя, что лучше надеть сегодня вечером, — я не была на собрании молодежной группы вот уже... ладно, никогда.

— Думаю, тебе стоит надеть Фуэго джинсы и серо-лиловый топ, который ты купила на прошлой неделе в Саки.

В отчаянии, я легла на кровать, тиская Мутта, который, прыгнув мне на живот, чуть ли не выбил весь воздух из моих легких.

— Я хотела, но потом передумала. Я хотела надеть длинную юбку с принтом и простую белую рубашку.

На другом конце провода раздалось громкое фырканье.

— Эми, ты не должна одеваться как в синагогу только ради выступления группы.

— Приходи ко мне, помоги мне выбрать наряд. Пожалуйста. А взамен я тебя накрасу и выслушаю ваши с Митчем проблемы.

Джессика любит, когда я крашу ее. Она точно согласится. Я знаю ее слабость к двум «м»: Митч и макияж. Ради дуэта «мм» она даже подвергнет себя пыткам в поисках парковки на переполненных улицах Чикаго.

— Эм... сначала я собираюсь зайти к Миранде Коен.

— Миранда Коен? Та самая девушка, у которой случилась гипервентиляция ^[17], когда мы в прошлом году пробежали милоу в спортивном зале?

Бедная Миранда. Диетическая кола попросту не может очистить ее организм от всякого мусора.

— Миранда состоит в группе.

Ну и что? Мы с Мирандой не лучшие подруги, но я предпочту потусоваться с ней, нежели с Роксаной.

— Джесс, мне нужна твоя помощь. Бери Миранду с собой.

— Эми, я не хочу говорить о Митче у нее под носом.

— Хорошо, тогда вот тебе мой совет относительно любовного фронта: дай Митчу немного свободы, позволь ему побегать за тобой. Поигнорь немного. Он любит вызовы, Джесс, а ты слишком доступна для него.

— Но...

— Никаких «но». Послушай меня. Я знаю, о чем говорю. Я тоже встречалась с ним

Помнишь?

— Да, помню.

— Так что, ты придешь?

— Приду. Просто помни, что с Мирандой нужно быть милой. Она впечатлительна.

— Я всегда милая, — сказав это, я повесила трубку.

Закутавшись в халат, я стала ждать Джесс и Миранду.

Спустя десять минут швейцар позвонил мне, чтобы позволить моим друзьям войти.

Когда я открыла дверь, Миранда стояла позади Джесс, рассматривая пол.

Миранда была одета в черные стрейчевые брюки и огромный красный свитер, который доставал ей до колен, словно она пыталась прикрыть свое тело.

— Привет, Миранда.

Она пробормотала тихое «Привет» и вошла в квартиру следом за Джесс.

Проводив их до своей комнаты, я открыла дверь, и Мутт, который был заперт там, побежал прямо к паху бедной Миранды.

— Отстань от нее, — сказала я Мутту, который громко сопел, выбегая из комнаты.

Я открыла дверцу шкафа.

— Хорошо, что мне надеть?

Признаюсь, я благодарна маме, которая придумала акцию «Все звезды в Starbucks». Не смейтесь. Весь мой гардероб, вероятно, был заполнен бубенчиками и слоганами, которые создала моя мама. «Не дитя» — очень популярный слог, также как и «Если ты знаешь кого-то, кому нужен кто-то, позвони в 1-800-Терапию».

— Это и правда туфли от Джимми Чу? — спросила Миранда, широко раскрыв глаза.

Мама отдала их мне после модного прошлогоднего показа в Нью-Йорке.

— Да. Хочешь померить?

Миранда отступила назад.

— О, нет. Я тяжелая, скорее всего каблук не выдержит.

— Не глупи, — я протянула ей пару туфель.

Они с открытой пяткой и подойдут практически любому.

— Только не позволяй моей собаке облизывать их.

Миранда, колеблясь, медленно взяла у меня туфли.

Я посмотрела на Джесс, в то время как Миранда села на край кровати, чтобы снять свои кроссовки и надеть Джимми Чу.

Джесс рылась в моем шкафу, вытаскивая вещи и перекидывая их через плечо.

— Я предоставлю тебе выбор.

— Спасибо, мамочка, — с сарказмом ответила я.

Джессика, закатив глаза, достала наряд, который я надевала на последнее свидание с Эйви. Я знаю, это глупо, но эти вещи — святое. Воспоминания о той ночи впитались в эту юбку и топ. Я совершенно точно не надену их.

— Не-а. Дальше.

Джесс протянула рваные джинсы и облегающий свитер.

— Не, какие еще есть варианты?

Стук в дверь прервал нас.

— Эми, это я.

Папа.

Когда я разрешила ему войти, он остановился на пороге, смотря то на разбросанную

одежду по всей комнате, то на Миранду, которая пытается не упасть на туфлях от Джимми Чу.

— Вы, девочки, решили устроить показ мод? Я заплачу вам, если приберете комнату Эми.

— Папа, не будь занудой, — сказала я, выталкивая его из комнаты, пока он не успел наговорить еще больше чепухи, заставляя меня краснеть из-за него. — Я собираюсь на собрание молодежной группы. Ты помнишь?

— Я помню. Но я думал, что ты говорила, что собрание начинается в четыре.

— Так и есть.

Он посмотрел на время.

— Уже без пяти. Вам лучше поторопиться.

Когда он ушел, я увидела третий наряд, который для меня выбрала Джесс. Темно-синие джинсы и простая розовая кофта с длинными рукавами с золотой буквой О. Пока я надевала джинсы, Миранда, споткнувшись в туфлях Чу о тумбочку, взяла в руки фото с Эйви.

— Это твой парень?

Джесс прикусила нижнюю губу, чтобы не ляпнуть чего лишнего.

— Это ее не-парень.

Поколебавшись, я ответила:

— Что-то типа этого.

Миранда переводила взгляд с фото Эйви на меня.

— Он горяч.

Мое сердце встрепенулось. Отвернувшись, я оделась.

— Я готова. Идем.

Я не готова говорить о нем. Я не писала и не звонила ему домой, потому что не хочу быть назойливой подружкой. Я в замешательстве. Ненавижу такое состояние души.

Когда мы подъехали на встречу молодежной группы в синагоге, я удивилась, как много здесь было детей. Их было не менее сорока, слоняющихся по залу. С некоторыми я знакома в школе, но большинство я вижу впервые в своей жизни.

Темноволосый кудрявый парень с кипой на голове, которому на вид было не более тринадцати лет, пытался всех успокоить.

— Это раввин Даг, новый помощник раввина, — сказала Джесс.

Миранда села рядом с Джесс, когда мы нашли свободное место на полу. Понадобилось немного времени, чтобы всех уговорить, и уже вскоре все обратили внимание на раввина Дага.

— Все готовы построить суккат для нашей игры?

Если бы год назад меня спросили, что такое суккат, я бы не смогла ответить. Теперь я знаю, что это небольшая постройка, куда приглашают своих друзей и семью, чтобы съесть «мучной урожай». Обычно евреи строят суккаты ближе к октябрю на праздник Суккот, но молодежная группа ставит спектакль для школьников к празднику, и поэтому суккаты строят сегодня.

Раввин Даг распределил нас по группам. Я попала в группу, где никого не знаю. Парня, который назначил себя лидером, я видела в коридоре. В мою группу попала девушка с вьющимися густыми волосами и еще несколько девушек и парней. Сев рядом с мисс Густые Брови, я улыбнулась ей.

— Я Никки, в моем имени две «к».

О Боже, я сразу вспомнила об отчине — Марке — с одним «к».

— Я — Эми, через «и», — парировала я в ответ.

— В какую школу ты ходишь?

— Чикагскую Академию, а ты?

При упоминании Чикагской Академии Никки дважды моргнула. Да что такое со всеми сегодня? Клянусь, можно подумать, что Чикагская Академия синоним «школы для хулиганов»

— В математическую.

— Круто.

После того, как я сказала, что учусь в Чикагской Академии, Никки перестала быть такой дружелюбной.

К счастью, классный парень в черном свитере с капюшоном, сидевший напротив меня, решил завести разговор:

— В чем дело? Я Уэс.

— Я Эми.

— Никогда не видел тебя прежде, — сказал он, осматривая меня. Этот парень смахивает на игрока.

— Я из команды девственниц.

На удивление, его это не повергло в шок, а наоборот рассмешило.

— Круто. Ты, наверное, не захочешь гулять со мной. Я не девственник, я могу отпугнуть тебя.

— Я учусь в Чикагской Академии, я могу отпугнуть тебя.

Но вместо того, чтобы испугаться, Уэс заинтересованно наклонился вперед.

— Ооу, одна из богатеньких детишек. Правда, что твои родители устраивают вечеринки с выпивкой и травкой?

— Конечно, — солгала я. — На что же еще потратить кучу денег?

Засмеявшись, он самоуверенно улыбнулся.

— Ты мне нравишься, Эми.

Раввин Даг начал оглашать наше задание:

— Ребята, вам нужно украсить ваши суккаты фруктами. Корзины, крючки и веревки в кладовке. Побольше креатива, ребята.

Я проследовала за остальными ребятами в кладовку. Мы с Уэсом мгновенно подружились. Я узнала, что он ходит в математическую школу и поет в группе Lickity Split. Никки тепло посмотрела на меня, хотя, быть может, она просто равнодушна к Уэсу, и поэтому старается быть милой.

— У тебя есть парень? — спросил Уэс, когда мы пытались сплести вместе бананы.

Я посмотрела в сторону группы Джессики. Ребята пытались установить суккут.

— Вроде того.

— Что значит «вроде того»? — вмешалась Никки в наш разговор.

Почему всех это так волнует?

— У меня есть парень, но он в Израиле.

Уэс воткнул иголку с ниткой в кожуру банана.

— Он там живет?

— Да.

— Как он может быть твоим парнем, если находится за миллионы миль от тебя?

Я перестала нарезать бананы. Как будто каждому нужно сказать вслух то, что в последнее время занимало все мои мысли. Бесит. Поговорив с моей израильской кузиной, я переосмысливаю наши с Эйви отношения. Очевидно, я для него не на первом месте. Тогда почему он должен быть всем для меня?

Не ответив Уэсу, я прошла мимо молодежной группы и остановилась вдали, чтобы посмотреть на озеро Мичиган. Вид с заднего двора синагоги выходит на озеро и небоскребы. Уверена, мой отчим хотел бы урвать кусок такого аппетитного пирога. Я представила, что нахожусь сейчас на песчаном берегу.

Образ Нейтана всплыл в моей голове, прерывая мысли об Эйви. Не знаю почему, но... Нейтан напоминает мне Эйви. Не внешностью, но что-то в нем есть. Эйви божественно-великолепен и напоминает модель bergcrombie. Нейтан же совсем другой. Он выглядит так же неуклюже, как и его поступки, но его совсем не волнует, что он одинок. У Эйви же полно преданных друзей.

Эйви и я влюбились после того, как ненавидели друг друга большую часть лета. В начале лета мы сорились всякий раз, когда находились в двух шагах друг от друга. Когда он поцеловал меня, это было так страстно и совершенно невероятно, что затмило все предыдущие мои поцелуи.

Уверена, поцелуи Нейтана ничто по сравнению с поцелуями Эйви.

Я положила руки на виски и зажмурила глаза. Как я могу думать о поцелуях Нейтана? Фу-у.

Ладно, признаю, у него невероятные зеленые глаза с коричневато-золотистыми искорками, и каждый раз, когда я смотрю в его глаза, я ищу эти искорки.

У такого парня, как он, не должно быть таких великолепных глаз.

— Эй, Эми, ты в порядке?

Это Джессика. Сейчас я не хочу говорить даже с моей лучшей подругой. Я, вроде как, в депрессии.

— Я в порядке.

— Ты думаешь, что молодежная группа — слабовольные неудачники, не так ли? Мне жаль, что я втянула тебя в это.

— Они не слабовольные неудачники.

— Тогда почему ты такая хмурая? — лучшая подруга закатила глаза, вы можете в это поверить? — Seriously, у тебя с Эйви все будет хорошо. В последнее время ты ведешь себя как затворница, и это действует всем на нервы, особенно мне. Ты не можешь двигаться дальше? Я гарантирую тебе, что Эйви не хандрит и не делает всех окружающих несчастными.

Я в шоке широко раскрыла глаза, не в силах поверить, что моя подруга отчитывает меня. Она никогда не делала этого. Мы всегда поддерживали друг друга, несмотря на прыщи, парней, родителей и школу.

— Полагаю, попросить подругу поддержать меня в самый трудный момент жизни — слишком много.

— Знаешь что, Эми? Я думаю точно так же, — сказав это, она, топая, пошла обратно строить суккут.

Что, черт возьми, это было? Я слишком растеряна, чтобы думать об этом прямо сейчас. Я всего лишь хочу вернуться домой. И ничего более. Хуже всего то, что именно Джессика привезла меня сюда. Я вернулась обратно к своей группе и плюхнулась рядом с Уэсом из

Lickity Split.

— Эми, ты села на банан, — сообщил мне Уэс, а после разразился смехом.

Никки и остальная группа наблюдали за мной. Все взоры направлены на меня, в ожидании моей ответной реакции.

Я могла бы заплакать — для этого не нужно прикладывать усилий. Честно говоря, я уже чувствую, как на глазах наворачиваются слезы. Закрыв глаза, я сфокусировалась на мокрой каше на моих джинсах, которые придется замачивать не менее полтора часа. И на тираде Джессики. И на беременности мамы.

На Эйви и Нейтане, на катастрофическом свидании папы. И неумном пристрастии Мутта обнюхивать каждую промежность.

В случае, если Вы не заметили, заявляю — моя подростковая жизнь официально испорчена.

Однажды раввин Гласман сказал, что осознал, что хочет учиться на раввина еще будучи учеником средней школы. Честно говоря, я думаю, Бог выбрал его предназначение среди тысячи всевозможных путей. Он слишком беспристрастен и мудр, чтобы быть обычным человеком.

Да, мне было суждено провести остаток ночи с прилипшей банановой кашницей на моих джинсах. И нет, Джессика все еще не разговаривает со мной. В отличие от Миранды.

— Это была очень весело, не так ли? — задорно спросила Миранда, когда мы сели в машину Джессики в конце вечера.

Джесс завела двигатель, а я, прежде чем сесть, подложила полиэтиленовый пакет на сиденье, чтобы не испачкать его

Джессика фыркнула себе под нос.

— Да, все было чудесно, — ответила я. Словами не передать, как я люблю, когда надо мной смеется целая группа школьников, да и в придачу к этому, я пахну как детское пюре. Где мне можно записаться на следующую встречу?

— Мне жаль твои джинсы, — сказала Миранда с переднего сиденья. — Я рада, что ты пришла. Было не так много детей из ЧА^[18].

— В Академии не много евреев, — я откинулась на спинку сиденья. При малейшем движении я чувствую, как подомной шуршит пакет. Вероятно, количество евреев не превышает 15–20 % учеников Чикагской Академии, да и к тому же, ЧА далеко не самая большая школа в Чикаго.

— Они думают, что мы богатые снобы, — ляпнула я.

Миранда, повернувшись, посмотрела на меня, в то время как Джессика полностью сосредоточилась на дороге, ведущей домой.

— Люди не считают меня снобом, они считают меня жирной, но они полагают, что ты сноб, потому что ты красивая и мало улыбаешься.

— Улыбки переоценивают.

Джессика фыркнула себе под нос, а Миранда наоборот выглядела воодушевленной, продолжая возбужденно болтать:

— Улыбка продлевает жизнь. А ты знаешь, что когда ты хмуришься, то работают больше мышц, нежели когда ты улыбаешься?

— Ты знаешь, сколько энергии уходит на разговоры, в отличие от того, когда ты молчишь?

Я и вправду сказала это вслух? О Боже. Миранда, прикусив губу, отвернулась и вжалась в сиденье.

Я не это имела в виду. Я просто хотела, чтобы меня перестали попрекать тем, в чем я не права. Джессика остановила машину. Я думала, что вывела ее из себя, и она выкинет меня за шиворот прямо посреди дороги, но потом я поняла, что мы подъехали к моему дому.

Придерживая статусу «я-не-очень-хороший-и-не-улыбчивый-друг», я открыла дверцу машины и ступила на тротуар.

Я уже собиралась переступить через свою гордость и поблагодарить Джесс за поездку, но она опередила меня, выпалив «закрой дверь».

Как только я захлопнула дверь, она умчалась также быстро, как автогонщик NASCAR^[19]

Чувствую себя самой последней стервой. Может, так и есть. Должна ли я чувствовать облегчение от того, что я стерва с совестью? Я совершенно несчастна.

С минуту я стояла на улице, а затем развернулась и направилась к дому.

Я хочу улыбаться. Я хочу быть хорошей подругой для Джессики и Миранды.

Миранда одевается и ведет себя не так, как я, но она милая и улыбчивая.

Она улыбается, потому что все хорошо, или она милая, потому что улыбается?

Это вообще важно?

Истощенная физически и эмоционально, я прошла мимо нашего ночного портье Джорджа, который любезно открыл для меня двери. Я вызвала лифт, когда Джордж обратился ко мне:

— Как прошел вечер с друзьями, мисс Барак?

— Дерьмово.

— Боюсь, что некоторые дни действительно такие.

— Да, некоторые дни — дерьмо.

В лифте я прислонилась головой к стене. Двери уже начали закрываться, как вдруг я услышала, что кто-то пытается придержать их. И этот «кто-то» был никто иной, как Нейтан.

Он был одет в кофту и тренировочные штаны. Дама, которую я видела пару раз, шла за ним. Она живет на пятом этаже. Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от всего. Когда лифт остановился на пятом этаже, дама вышла, и я открыла глаза.

Нейтан смотрит на меня поверх очки. Его глаза такие же яркие, как у лягушонка Кермита, и в них сверкают золотые огни лифта. Глупые огни. Тупой лифт. В мою голову лезут дурацкие мысли о том, что мне сделать, чтобы понравиться такому парню, как Нейтан.

Он сделал глоток воды из бутылки, которую держал в руках. Я тяжело задышала, будто мой мозг превратился в огромное картофельное пюре. Я смотрю на его губы. Я никогда не смотрела на его губы, а сейчас они блестят от воды. Натан ненавидит меня, но может быть...

Нет, я не могу.

Но он смотрит прямо на меня; наши взгляды встретились. Я не могу ничего изменить в моей дрянной жизни, но быть может я смогу изменить его отношение и враждебность по отношению ко мне.

Если я не попробую, то никогда не узнаю. Уронив сумку на пол лифта, я приблизилась к Нейтану и прижалась губами к его. Я целовала Нейтана в лифте, пока он стремительно нес нас с пятого на сороковой этаж. Я замороженно смотрела на него, ожидая его реакции.

Никакой реакции.

Мои руки. Куда мне деть руки? Положив их на его грудь, которая оказалась необычайно твердой для парня, вроде него, я наклонила голову, чтобы углубить поцелуй.

Нейтан не ответил на поцелуй. Его губы мягкие и манящие, но он неподвижен. Он не оттолкнул меня, но и не ведет себя как парень, которого целует девушка. Его губы слегка раскрылись, а дразнящее дыхание теплое и сладкое.

Но все впустую. Он не принял участия, всю инициативу я взяла в свои руки.

Когда лифт пискнул, оповещая нас, что мы приехали, открылись двери, я убрала руки с его груди и отступила на шаг назад.

— Что ж, была рада доставить удовольствие, — сказала я, подняв сумку и выходя из лифта.

— Кому? — спросил Нейтан, проходя мимо меня.

Мы в безлюдном холле на сороковом этаже. Нейтан стоит перед своей дверью, а я перед своей. Я изучала его профиль, пока он доставал ключи.

— Расслабься, Нейтан. Это была шутка. Тебе, очевидно, не нравятся девушки.

Он разразился коротким циничным смешком.

— Думай, как хочешь, Барби. Тебе когда-нибудь говорили, что ты пахнешь фруктами?

— Прекрати называть меня Барби! — закричала я, игнорируя его комментарий о фруктовом запахе.

Нейтан, не обращая на меня внимания, открыл дверь и также молча закрыл за собой.

Дверь моей квартиры открылась, из которой быстро выскочил папа.

— Что случилось? На кого ты кричала?

— Ни на кого.

— Я слышал крик. Ты вы порядке?

— Не доставай меня. Я в порядке, — ответила я, пройдя мимо него.

Папа проследовал за мной в мою комнату — в мое святилище, где я могу побыть одна.

— Я твой отец. Я имею право доставать тебя. Почему ты так ведешь себя? И почему ты пахнешь бананами?

Я наградила его моей знаменитой усмешкой.

— А как я себя веду?

— Как будто злишься на весь мир.

— Я не злюсь на мир. Это мир зол на меня. И для твоего сведения, я села на банан. А теперь прошу меня извинить, я должна почистить свои джинсы.

Мой папа достаточно быстро удалился.

После того как я застирала джинсы до скрипа, я надела сорочку и вышла в коридор, чтобы почистить зубы и умыться лицо. После пережитого стресса, на моем лице точно появится прыщик... или два. В ванной я усердно терла губы, пытаюсь навсегда стереть следы поцелуя. Возвращаясь в свою комнату, я увидела, что папа стоял около двери, облокотившись о косяк.

— Признаюсь, я не привык разбираться с проблемами девочки-подростка, но я здесь, чтобы выслушать тебя.

Думаю, он мысленно готовится к тяжелому разговору. Он не привык разбираться с проблемами девочки-подростка. Мой папа типичный мужик. В его жизни не хватает женского влияния.

— Почему ты не хочешь ни с кем встречаться?

— Потому что отношения требуют времени и обязательств.

Закатив глаза, я сказала:

— Для меня не тайна, что у тебя проблемы с обязательствами. Давай начистоту — ты отказываешься ходить на свидания, потому что любишь маму?

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

— Почему же? Ясно как божий день, ты ни с кем об этом не говорил. Если ты думаешь, что уходя с головой в работу, ты сбежишь от правды, то ты сильно заблуждаешься.

— Эми, я весь поглощен тобой. У меня едва хватает времени, чтобы побыть с моей дочерью, и это как нож по сердцу. Как я могу посветить себя еще кому-то, если это отдалит меня от моей семьи?

— Ты считаешь, что два человека — это семья?

— Да.

Мой бедный папочка не понимает.

— А что ты будешь делать, когда я поступлю в колледж? Ты останешься один, в то время как у мамы и Марка будут дети. А кто будет рядом с тобой, когда ты постареешь? Ты будешь сидеть дома наедине с собой, и лишь вставная челюсть и дряхлое тело будут твоей компанией.

Он улыбнулся, а в глазах засветилось веселье.

— Спасибо за столь красочное и полное описание картины моего будущего. Считаю, что я официально предупрежден о моей судьбе.

— Отличненько, а теперь ты согласишься пойти на свидание?

— Нет, но завтра я вернусь домой пораньше, чтобы побольше провести времени с тобой. После смены в Perk Me Up! мы пойдем туда, куда ты захочешь. Тов?

Время от времени у моего папы проскальзывают слова на иврите.

— Тов.

Когда он вышел из моей комнаты, я медленно и разочарованно вздохнула, смотря на телефон. Сегодня по пути домой я была груба с Мирандой. Я практически сказала ей, чтобы она заткнулась. Еще я ненавижу ссориться с Джессикой. Каждый раз, когда мы ругаемся, мне плохо.

Я решила написать Джессике.

Я: Ты еще там?

Джесс: Нет.

Я: Хочешь поговорить?

Джесс: Нет.

Я: Отлично.

Джесс: Отлично.

Подойдя к письменному столу, я взяла студенческий справочник ЧА и нашла номер Миранды.

— Алло?

— Миранда?

— Да.

— Это Эми... Эм... Я просто хотела сказать, что мне очень жаль, что была немного груба с тобой. Я не хотела тебя обидеть. После инцидента с бананом и...

— И ссоры с Джессикой, — сказала Миранда, подмечая очевидное.

— И это тоже. Ладно, я просто хотела извиниться.

— Извинения приняты.

Боже. Хоть один человек из моего «списка обиды» простил меня.

— Возможно, мы могли вместе куда-нибудь сходить.

Думаю, Миранда выронила трубку, потому что на другом конце линии послышался шум. Несмотря на это, она быстро вернулась.

— Ты действительно хочешь сходить со мной куда-нибудь?

— Конечно. Я знаю, ты ходишь почти на все молодежные собрания, а я нет, но сегодняшняя ночь действительно была здоровской.

— Ух, спасибо, — взволнованно пропела Миранда. — Ты намного популярней меня, Эми, но ты должна знать, я просто думала, что ты считаешь меня глупой, как и другие девчонки в школе... ну, кроме Джессики. Хотя мы с Джессикой не общаемся за пределами

молодежной группы.

Несколько фактов о популярности: те, кто считают себя популярными, таковыми и являются. Ты должен знать, как разговаривать и вести себя с людьми так, словно ты важная личность, и тогда окружающие будут позиционировать тебя как большую и важную личность. Моя замечательная мама научила меня быть тем, кем я хочу без всяких отговорок. Признаю, иногда я перегибаю палку своими действиями и высказываниями, но у меня есть совесть. Я извиняюсь.

Разумеется, только перед теми, кто этого заслуживает.

Думаю, меня можно назвать «избирательная в извинениях» (конечно, я только что придумала это, но мне нравится).

— Ты случайно не живешь напротив нового парня из школы? Он такой милашка.

Тьфу ты!

— Ты имеешь в виду Нейтана?

Даже сквозь телефонную линию я могу почувствовать ее волнение.

— Да. Нейтан. Он сидит передо мной на алгебре. У него потрясающие глаза, словно изумруды.

— Миранда, не пускай попусту слюньки. Ему нравятся парни.

В начале истории евреи были рабами фараонов в Египте, потом евреев пытались уничтожить нацисты. Евреи страдали, но, в конце концов, они возродились и стали сильнее. Они преодолели Божий гнев (Исход 32:10).

Преодоление препятствий в моей крови.

— Вся школа думает, что я гей.

Я стою у своего шкафчика, выискивая учебник по истории США. Он был где-то здесь.

— Ты что-то сказал? — любезно поинтересовалась я у Нейтана, по-прежнему сосредоточившись на книгах в шкафчике.

— Эми.

Ах, вот и она. Протянув руку, я схватила книгу. Интересно, когда Мистер Кразинский устроит нам срез знаний?! Может, следует взять книгу домой и почитать немного?

Нейтан, схватив меня за руку, потянул подальше от шкафчика.

— Ауч, — а он сильнее, чем я думала, но, как бы там ни было, мне не больно. Для пушного эффекта я потеряла руку.

— Я не сделал тебе больно. Пока.

— Нейтан, что ты хочешь от меня? Мне нужно идти в класс, я уже опаздываю.

Он был одет в строгую черно-белую рубашку на пуговицах и плиссированные штаны цвета морской волны. Я никогда не обращала внимания на отсутствие у парня чувства стиля, потому что старалась смотреть ему в глаза. Мне вспомнилось смехотворное сравнение Миранды изумрудов и его глаз.

— Я хочу, чтобы ты призналась, что разболталась всей школе о том, что я гей.

Оперившись спиной о шкафчик и стараясь не смотреть на него, я сказала:

— Послушай, Нейтан, я никому не говорила, что ты гей. Я сказала, что тебя не интересуют девушки.

— Ты сказала это из-за того, что мне ты неинтересна.

— Это низко, Нейтан.

— Ох, я могу еще хуже, Эми. Просто испытай меня, — он приблизился ко мне и положил руки на шкафчик по обе стороны от моей головы, тем самым не давая мне сбежать. — Посмотри на меня.

Я бы и дальше предпочла смотреть на противоположную стену, но это было бы проявлением трусости. Я кто угодно, но не трус. Возвышаясь, он стоял совсем близко ко мне. От него приятно пахло одеколоном.

И когда я подняла глаза, то встретила с его взглядом, потому что его очки немного соскользнули. Сглотнув, я сказала:

— Что такого в том, что люди считают тебя геем? Джейсон Хилл гей и, несмотря на это, он самый популярный парень в школе среди девушек и парней.

— Если бы я был геем, мне бы было все равно. Но я не гей.

— Ну, так скажи всем, что ты натурал. Так же, как я сказала, что не регистрировалась на сайте знакомств, — оттолкнув его руку, я направилась в класс, по пути думая, как сильно бывает обманчива внешность: он выглядит как буйвол, а ведет себя как гиена. Это просто неправильно.

Джессика учится в моем классе по истории США. После расспросов мистера Кразински о том, почему я опоздала, я села на привычное место рядом с ней. Я солгала, сказав, что у меня возникли женские проблемы, и к счастью, этот ответ сразу же его успокоил.

Джесс выглядит ужасно. Я бы удивилась, если бы узнала, что сегодня утром она принимала душ, потому что она выглядит растрепанной: ее каштановые волосы стали кудрявыми, она оделась в спортивный костюм и даже не накрасилась.

Меня не беспокоит, что прошлой ночью она была бесчувственна ко мне. Мне нужно узнать, что происходит. Вот уже двенадцать лет мы лучшие подруги. Наша дружба может пережить любую ссору.

По крайней мере, я на это надеюсь.

Вот сейчас я заволновалась. Она ни разу не посмотрела на меня, поэтому мне придется дожидаться звонка и припереть ее в угол. Клянусь, эту школу следует назвать Академией Драмы, а не Чикагской Академией.

Когда прозвенел звонок, Джесс поспешно собрала вещи и вышла из класса быстрее, чем гончая, преследующая зайца. Мне пришлось расталкивать на пути ребят, чтобы поспеть за ней. Позади себя я слышала гневные ругательства, но меня волновало лишь то, что моя подруга в беде.

Я нашла ее в женском туалете.

— Джесс, я знаю, ты там. Я вижу тебя, — когда не последовало ответа, я продолжила, — признаю, я была слишком поглощена своими проблемами и не замечала тебя, но, пожалуйста, давай поговорим.

Дверь одной из кабинок открылась. Это была Роксана Джеффри.

Перекинув рыжие волосы через плечо и улыбнувшись, она сказала:

— Поговаривают, что Митч бросил Джессику из-за первокурсницы.

— Замолчи, Рокси, а иначе все узнают, что прошлым летом ты вставила себе имплантат, а не ездила в лагерь, как всем говорила, — шикнула я на нее.

— Ну, ты и сучка, — сопя, ответила Рокси.

— Да, да, мне уже говорили. А сейчас уйди, от твоих духов у меня кружится голова, хотя, может это у тебя изо рта так неприятно пахнет.

Рокси вымыла руки и быстрым шагом удалилась из туалета.

— Ты не сучка, — послышался голос Джесс из одной кабинки. По ее голосу, могу с точностью сказать, что она плачет. — Просто ты переволновалась.

— Нет, думаю, это личное право каждого. Я сучка, потому что независимо от того, что происходит в моей жизни, я никогда не подводила свою лучшую подругу.

Джесс толкнула дверцу кабинки. В руке она держала туалетную бумагу.

— Я сожалею о том, что сказала о тебе и Эйви.

— Мне жаль, что я раньше не поняла, что у тебя подростковый кризис. В чем дело? Рокси сказала правду?

На её глазах появились слезы, и она намотала на руку еще немного бумаги.

— Митч позвонил мне вчера вечером перед тем, как мы собрались на встречу молодежной группы. Он хотел сказать мне что-то важное, я пыталась выведать что именно, но он сказал, что поговорим позже. Я спросила, хорошие ли у него новости, но он сказал нет.

В страхе я прикусила нижнюю губу.

— Он же не сделал этого?

— Да. После того, как я вернулась со встречи, я позвонила ему. Он порвал со мной и

сказал, что на бал Святого Валентина пойдет с Кейли Пальсон.

Я растеряно приподняла брови.

— Кейли Пальсон? Первокурсница Кейли Пальсон? — Кейли Пальсон спортсменка до мозга костей. Думаю, она взбирается на горы только ради развлечения.

Слезы потекли по щекам Джесс, пока она кивала мне головой.

— Что мне теперь делать?

Прозвенел звонок. Я опаздывала на следующий урок.

— Джесс, я что-нибудь придумаю. Я неспроста твоя лучшая подруга. Что нам действительно нужно — так это найти двух горячих парней для балла. Положись на меня.

Джесс шмыгнула носом.

— Честно говоря, я не хочу идти на бал. Последнее, что мне хочется — так это увидеть, что Кейли и Митч вместе.

Что ж, это ее право. Открыв дверь туалета. Я повернулась лицом к моей лучшей подруге.

— Тогда мы устроим девичник: будем смотреть DVD, есть пиццу и сплетничать всю ночь напролет. Как тебе такая идея?

— Спасибо, Эми.

Из-за разговора с Джессикой, я опоздала на урок английского, но миссис Хаскел что-то обсуждала, поэтому у меня не было больших проблем. Может, это знак, что в моей жизни грядет белая полоса?

Заплатив на обеде за салат, я отправилась на поиски Митча. Я собираюсь найти моего бывшего бойфренда и поделиться с ним капелькой мозгов, даже несмотря на то, что Джесс была против. Она хочет оставить его в покое, но я не могу.

— Барби, — послышался мужской голос позади меня. Я резко обернулась. Конечно же, это Нейтан. Ни у кого не хватает наглости называть меня Барби. Не произнеся больше ни слова, он притянул меня к себе и поцеловал.

Да, да. Вы не ослышались. Он действительно меня поцеловал. Он целовал меня, а я уронила поднос с обедом и даже не обратила на этого ни малейшего внимания. Я только что намусорила, а на мои ботинки попали листья салата, овощи и соус «Тысяча островов». Мягкие, манящие губы Нейтана накрыли мои, и именно в тот момент, когда я уже собралась отстраниться и накричать на него, он положил руку на мою талию и притянул еще ближе.

Мой мозг отчаянно кричит, что я сошла с ума и мне нужно вырваться из его объятий, а мои губы впиваются в губы Нейтана. Я схватилась за его бицепсы, пытаюсь оттолкнуть его, но он силен, да и я уже не так решительна, как хотелось бы. Нейтан отстранился первым. Его очки съехали, задев меня по носу, и я вздрогнула. С огромной улыбкой на лице он повернулся к толпе, поправил очки и произнес:

— Хорошо, я пойду с тобой на балл в честь дня Святого Валентина.

Хорошо? Здесь нет ничего хорошего.

Столовую наполнил гул одобрительных возгласов парней. Я все еще была в оцепенении, когда буфетчица Гледис с отвращением посмотрев на салат, разбросанный по полу, подошла к нам и сказала что-то о правилах поведения в столовой ЧА.

Когда я, наконец-то, пришла в себя, меня накрыла волна шока. Нейтан пытался помочь Гледис убрать, но она прогнала его прочь.

Я молча прошла мимо обеденных столиков и села рядом с Мирандой, которая, от удивления, широко раскрыла рот. Знаю, знаю. Я никогда не сидела за одним столиком

вместе с Мирандой.

Просто Миранда и ее друзья не сплетничают.

Миранда и ее друзья не сплетники, что нельзя сказать о моих.

Я одарила ее легкой улыбкой. К несчастью, мистер Изумрудные Глаза, последовав моему примеру, сел рядом.

— Вот, — начал он, подталкивая ко мне коричневый мешочек, — мой завтрак. Ты можешь взять его, поскольку твой упал.

Можно подумать, что он джентльмен. Тоже мне рыцарь.

Я посмотрела на Джессику, сидящую за столиком популярных девчонок. Не прошло и двух часов, как я сказала ей, что не пойду на балл в честь дня Святого Валентина, а останусь дома. Вероятно, она считает, что я обманула ее и плету интригу с Нейтаном.

— Я не голодна, — огрызнулась я. На самом деле, думаю, после этого поцелуя я до конца дня не смогу ничего съесть.

Я люблю слушать еврейские молитвы. Я не знаю, о чем они, но слушая кантора и прихожан, поющих вместе, мне хочется петь вместе с ними.

Ладно, признаю, Нейтан удивил меня. Я никогда не предполагала, что парень предприимчив и сумасброден, и осмелится поцеловать меня в кафетерии, да еще объявить, что мы будем вместе на балу в честь дня Святого Валентина.

Сейчас все ребята в школе шепчутся о нас: за нашими спинами, перед нами и вокруг меня.

Они с замиранием сердца ждут новой кровавой драки между Эми и Нейтаном.

Я не позволю этому случиться.

Так что после школы я поехала домой на такси, а не на автобусе. Если Нейтан без зазрения совести поцеловал меня на глазах у половины школы, то что же он выкинет, пока мы едем домой в автобусе?

После того, как я погуляла с Муттом, я отправилась в Perk Me Up! Насыщенные ароматы кофе подарили мне новый прилив сил, и мое настроение улучшилось. Мне даже не нужно пить кофе, чтобы получить кофеин.

Мария протянула мне фартук, и я сразу же приступила к своим обязанностям: я протерла столы и приняла заказы, стараясь лучезарно улыбаться всем клиентам. «Показывай зубы, когда улыбаешься», — сказала Мария на прошлой неделе.

Ага, пытаюсь.

Моя обворожительная улыбка сползла с лица, когда Нейтан вошел в кафе. У него на спине висел рюкзак, который я не замечала раньше, а на рубашке красовалось большое пятно от соуса «Тысяча островов». Не думаю, что это пятно можно вывести.

— Прости, — сказал он, подойдя к стойке. К моему несчастью за ним никого не было.

Мария стояла рядом, наблюдая за мной.

Я проигнорировала извинение Нейтана и вместо этого спросила:

— Добро пожаловать в Perk Me Up! Могу я принять ваш заказ, сэр?

— Да ладно, Барби. Ты поцеловала меня вчера. Почему сегодня я стал плохим, когда поцеловал тебя?

— Ты поцеловала его? — спросила Мария.

Я повернулась к ней.

— Я поцеловала его, чтобы он перестал меня ненавидеть.

Мария удивленно вскинула брови.

— Ты целуешь всех, кто тебя ненавидит?

— Я не ненавижу ее, — вмешался в наш разговор Нейтан.

— О, серьезно? — с сарказмом спросила я, уперев руки в бока. — Тогда почему ты называешь меня Барби? И почему ты не ответил на поцелуй вчера в лифте, а сегодня целуешь как ни в чем не бывало на глазах у все школы?

— Я должен был доказать мою позицию.

— Доказать, что ты не гей? Не такой уж ты милашка, чтобы быть геем.

Нейтан улыбнулся.

— Ты шутишь? Ты самая стереотипная, бесчувственная и несносная девушка, которую я

когда-либо встречал.

— Вот это обидно, — я скрестила руки на груди.

— Это точно, — вмешалась Мария. — Эми груба, но она золотая девочка.

— Ох, ты такая милая, Мария, — сказала я, обнимая ее.

Нейтан уставился на меня.

— Она думает, что я придурок, потому что ношу старую одежду и очки.

— Он считает меня стервой, потому что я говорю вслух все то, что думает каждый.

— Знаете, что я думаю? — спросила Мария, подойдя ближе к стойке.

— Что? — одновременно спросили мы с Нейтаном.

— Я думаю, что вы нравитесь друг другу.

Я закатила глаза, а Нейтан передернулся, словно я противна ему.

— Не-а, — возразил он.

— Совершенно нет. К тому же у меня есть Эйви. А у него Баки.

— Баки.

— Какая разница.

— Да, — уверенно сказала Мария, направившись в кладовую. Можно подумать, она знает все, что происходит. — Вы, ребята, определенно нравитесь друг другу.

Нейтан засмеялся.

— Не смешно, — ответила я. Все больше посетителей заходят в кафе, поэтому это мой шанс сказать Нейтану: — Пожалуйста, заказывай или уходи, чтобы я смогла обслужить кого-то еще.

— Зеленый чай со льдом и без сахара, — сказал он, привлекая мое внимание.

Когда он заплатил, я развернулась, чтобы сделать его скучный напиток.

— Не плюй в мой чай, — негромко сказал Нейтан, чтобы услышать его могла только я.

Больно надо.

Отдав ему напиток, я сосредоточилась на других посетителях.

Время пролетело незаметно. Все это время я готовила напитки, протирала столики и игнорировала Нейтана, сидящего за ноутбуком в уголке. Увидев папу, я облегченно вздохнула. Сегодня он был одет в темные джинсы и черную рубашку.

Я убедила его отрастить волосы, чтобы он выглядел симпатичным и крутым папой, но потребуется еще два месяца, чтобы привить ему вкус к модной одежде.

— Привет, Аба.

Клянусь, Нейтан искоса посматривает на нас.

— Как школа? — спросил папа. Я взглянула на Нейтана.

Сейчас он пытается притвориться, что читает статьи в Интернете, но на самом деле он ничего не делает. Интересно, как он поведет себя, если я расскажу папе о произошедшем в кафетерии.

— Нормально. А ты как?

Папа поцеловал меня в макушку.

— Готовился к презентации в Вашингтоне. Ты готова?

— Ага.

— Отлично. Куда идем?

Я взяла папу под руку, и мы осмелились выйти на морозный воздух.

— Доверься мне, — сказала я, ведя его вниз по улице.

Я крепче прижалась к нему, пытаясь согреться о его теплую одежду.

— Мне очень жаль, что я вчера накричала на тебя. Я просто хочу, чтобы ты была счастлив.

— Мне тоже очень жаль. Ты же не записывала меня больше на свидания?

— Мы пришли, — сказала я, когда мы повернули на Дубовую улицу, на которой расположились дизайнерские магазинчики и высокочеловеческие салоны красоты. Я подтолкнула его к местечку под названием Sheer-Ahz. Я намеренно не сказала ему о том, что в последнюю минуту записала его еще на одно свидание.

— Ты хочешь подстричься? — спросил папа, когда понял, что Sheer-Ahz — это салон красоты.

— Не-а.

Он резко остановился.

— Почему же салон красоты?

Смотря на папу, я лучезарно улыбнулась ему, будто клиенту *Perk me up!*

— Мы идем на маникюр.

— Ты хочешь сказать, *ты* идешь на маникюр.

— Нет. Ты все прекрасно расслышал, Аба.

— Мужчины не делают маникюр.

— Ты никогда не слышал о метросексуалах?

Мой папа покачал головой.

— Нет. И уж поверь мне, я не хочу быть одним из них.

— Не ты ли говорил, что сегодня я могу выбрать место, куда нам сходить?

— Да, но...

Я повернулась к папе, к одному из людей, который терпит и любит меня, не смотря ни на что. Мой папа старается быть храбрым и ничего не бояться, но я нашла его слабость... ухоженные ногти. Пожалуйста.

— Я хочу так провести время. Мои ногти слоятся и быстро ломаются. Это прекрасная возможность укрепить узы папы и дочки.

— Не можем ли мы укрепить семейные узы, играя в футбол или занимаясь чем-то другим?

— Я не играю в футбол. Я люблю маникюр, — я потянула его к стойке администрации. — Мы записались на маникюр, — проинформировала я девушку. — Эми и Рон Барак.

Не колеблясь, она вбила наши имена в компьютер, потом что-то написала на двух бумажках и отдала нам.

— В комнате медитации вы можете выпить холодные напитки, пока ожидаете своей очереди.

Мой папа повернулся ко мне и спросил своим глубоким, мужественным голосом:

— Комната медитации? — кажется, будто его голос звучал намного глубже, чем обычно.

Как только мы зашли в комнату с нежно-белыми стенами, где горели свечи, и играла расслабляющая музыка, он занервничал. Не думаю, что израильский командир в отставке хоть раз был в подобном месте. Наверное, он намного комфортней чувствует себя в пустыне. Или в зоне боевых действий.

В комнате больше нет мужчин, только девушка в махровом халате.

Уверена, под ним у нее ничего нет. Она читает один из бесплатных журналов и не

обращает на нас ни малейшего внимания.

— Присядь, — сказала я папе, садясь в мягкое и пушистое кресло кремового цвета. Я вздохнула в такт медленной музыки.

— Предпочитаю стоять, — сухо ответил он.

Я закрыла глаза, витая в своих мыслях.

— Как хочешь.

Несколько минут спустя нас позвали две женщины в белых длинных халатах.

— Рон и Эми Барак.

— Это мы, — сказал папа, хрустнув костяшками. От неожиданного звука я подпрыгнула, а все присутствующие в комнате внимательно на него посмотрели.

Очень мило, папочка.

Когда мы сели рядом друг с другом, мастер положила руки папы в маленькую ванночку с мыльной водой.

— Я не хочу цветные ногти, — сразу же сказал папа женщине.

Мне хочется застонать. Он действительно думает, что ему покрасят ногти в красный или в ярко-розовый цвет?

— Аба, мужчинам ногти красят прозрачным или телесным цветом.

— Ох, ладно... наверно.

Серьезно, стоит мужчину вытащить из привычной зоны комфорта, как он сразу же чувствует себя не в своей тарелке. Мой мастер по маникюру, Сия, массажировала мои запястья, ладони и пальцы до тех пор, пока они не превратились в желе от ее умелых прикосновений.

— Моя дочь привела меня сюда, — сказал папа женщинам, но в то же время он сказал это громко, чтобы все в салоне смогли его услышать. *Вперед, мужчины! Да, покажите все женщинам, что вы воинственны и сильны! Уж увольте.*

— Аба, у тебя мозоли и потрескавшаяся от сухости кожа. Клянусь, ты выглядишь как динозавр. Ведь правда, Сия? Полюбуйся на его руки.

Сия бессовестно уклонялась от ответа, бросив мимолетный взгляд на папины руки. Сладко улыбнувшись ему, она продолжила колдовать над моими руками.

Я сразу же заметила, когда мастерица начала массажировать папе руки, потому как его плечи впервые за все то время, что мы пробыли здесь, расслабленно опустились...

Его волосы начали виться из-за влажности, придавая ему более молодой и ранимый вид. Интересно, он хоть когда-нибудь был не уверен в себе?

Прошел ли он подростком через неуклюжий период или же он был сильным, мужественным и уверенным в себе с самого рождения?

Отец похож на жителя Ближнего Востока благодаря темно-оливковому цвету лица, темными чертами и сильно высеченным носом. Если бы он был незнакомцем, я бы и не подумала, что он еврей. Интересно, хотел ли он когда-нибудь быть другим?

Я никогда не думала, что захочу относиться к какой-либо религии, но теперь все иначе. Быть еврейкой — не мой выбор, это часть меня. Часть, о которой я недавно узнала, но она важна для меня.

— После того, как я совершу переход, я хочу бат-мицву, — сказала я отцу, привлекая его внимание.

— И большую вечеринку?

Немного подумав, я решила, что не хочу устраивать большую вечеринку.

— Я хочу, чтобы Джессика и еще пара друзей пришли после церемонии. И мама с Марком. Если это не заденет тебя.

— Все хорошо. На самом деле, это здорово.

Он пристально наблюдал за тем, как ему удаляли кутикулу, укрепляли ногти, а после придали им форму. Думаю, он наслаждается этим так же, как и я, но я не уверена, что мой «мачо» отец когда-либо признает это.

Я выбрала французский, а он легкий, едва заметный маникюр.

Когда нам покрасили ногти, мастера положили наши руки под ультрафиолетовую лампу, чтобы лак быстрее высох.

Я положила руки под лампу, а отец взял свою и начал рассматривать.

— Лучше положи ее, пока не случилось что-нибудь плохое, — прошептала я.

— Перед тем, как сложить свои руки под чем-то, я бы хотел узнать об этой штуковине побольше. Не будь такой доверчивой, Эми, — посоветовал он, перейдя в режим «Внутренней Безопасности».

Я хихикнула.

— Конечно. Специалисты по маникюру — наши враги. Бойся их. Бойся их до чертиков.

Он поставил лампу на стол, но до сих пор не поднес ладони к флуоресцентному синему свету.

— Давай поговорим об Эйви, — начал он, отказываясь класть ногти под лучи.

— Зачем?

Он пожал плечами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Просто хочу узнать об этой стадии твоей жизни.

— Пап, слово «стадия» вышло из моды еще в семидесятых, но да, он все еще нравится мне. Мы не можем видеться, но я надеюсь, что летом, когда мы вернемся в Израиль, ему выделят немного времени, — я искоса посмотрела на отца, — Ты ведь знаешь, что он мой не-парень, правда?

— Что это значит? Я слышал, что вы с Джессикой называете его так, но понимаю.

Я посмотрела на ногти, чтобы узнать, влажные ли они, или нужно больше ультрафиолета, но они были сухими как бар моего отчима. Я спрыгнула со стула, пытаюсь объяснить суть отношений, которые хотел Эйви.

— Это значит, что мы можем видеться с кем-то другим, потому что физически мы не можем быть вместе. У нас нет никаких обязательств. Не официально, мы просто лучшие друзья. Ясно?

Он кивнул.

— Ясно.

— Кстати говоря о не официальных друзьях, у меня для тебя сюрприз.

— Это ведь не очередное онлайн-свидание, да?

— О, нет, — сказала я, энергично качая головой. — Много свиданий. Сегодня. Быстрые свидания в Синем Баре на Чикаго Авеню. Ты должен быть там через пятнадцать минут. Не бойся произвести на кого-нибудь впечатление. У тебя всего три минуты на каждое свидание. Вся суть в том, чтобы найти общий язык.

Крошечный Израиль, за который все еще сражается каждый. Я думаю, правду говорят: «Мал золотник, да дорог».

Моим навыкам манипуляций явно требуется помощь, потому что папа сказал, что ноги его не будет в баре быстрых свиданий.

Стоя перед баром, я дождалась, когда вышибала отвлекся, и незаметно проскользнула в бар.

— Он не придет? — спросила Мария. Сегодня она одела черное платье с круглым вырезом. Она была так взволнована, когда я рассказала ей о быстрых свиданиях, поэтому тоже решила зарегистрироваться. Она и мой папа несовместимы. Она мягкая и романтичная, а папа... ну, а папа нет. Он израильтянин.

Я подошла к парню, раздающему листовки с программой. Это был лысый мужчина, с небольшими рыжими кудряшками на макушке. К его груди был приколот бейджик, на котором большими черными буквами было написано ЛАРРИ.

— Мой папа опаздывает, — сказала я Ларри, подглядывая в его записки. Бар был полон. И я отказываюсь отменить бронь для папы на свидания с двадцатью женщинами на полтора часа.

Ларри посмотрел на меня.

— Твой папа?

— Да, я зарегистрировала его.

— Ты не можешь это делать. Ты читала правила? — парень даже не поинтересовался, что семнадцатилетняя девушка делает одна в баре.

Эм...

— Я не соблюдаю правила.

— Как его зовут?

— Рон... Рон Барак.

Мой рот широко раскрылся, когда он взял красную ручку и вычеркнул моего отца из списка.

— Вы не можете это сделать! — расстроившись, возмутилась я. Я заплатила тридцать пять долларов за ночь быстрых свиданий. Ладно, на самом деле заплатила Мария, а я всего лишь подкинула ей идею. Мы заключили небольшое бизнес-сделку.

Мария села рядом с Ларри и надула пухлые губы.

— Можно ли это как-то исправить?

Парень пожал плечами.

— Что Вы хотите, чтобы я сделал?

Мария выжидательно на меня посмотрела.

— Позвольте мне сходить на свидания вместо отца.

Признаю, это не самая блестящая идея, но у нее есть перспектива. Если я найду подходящую женщину, я сфоткаю ее...

Прежде чем парень успел прийти в себя, я схватила со стола именно бейджик.

— Дамы, займите отведенные Вам места. Мужчины, Вы переходите от одной женщины к другой и отмечаете в Вашей карточке «да» или «нет». Женщины, Вы делаете то же самое.

Просто запишите номер и поставьте «да» или «нет». Если совпадут два ответа «да», то мы дадим Ваши e-мейлы друг другу. Все поняли?

Нет. Но я не могу ничего возразить, потому что тогда меня вышвырнут из этой нелепой парады. Сейчас я не виню папу. Я так нервничаю, словно это о мне сейчас будут судить по внешности, интеллекту и...

— Начали!

Я направилась к единственному свободному месту, подсев к девушке по имени Дрю. Она казалась очень смущенной. Я решила воспользоваться отведенной минутой, чтобы представиться:

— Привет, я Эми. Мой папа должен был прийти, но не смог. Ладно, на самом деле он не захотел. Это длинная история, но если вкратце, то я ищу ему девушку. Что тебе нравится в...

— Меняемся!

Не успела я задать вопрос, как пришлось освободить место. Я плюхнулась на освободившееся место рядом с высокой и удивленной женщиной. Она была немного стара для моего отца, а ее седые корни нуждаются в покраске.

— Сколько Вам лет?

— Сорок.

— Вы когда-нибудь пробовали ночной увлажняющий крем для лица?

— Прощу прощения? Здесь проходят быстрые свидания, а не косметические консультации.

— Я знаю. Я пытаюсь найти девушку для отца, но... — ууупс, женщина подняла руку, чтобы привлечь внимание организаторов. Вытянув шею, я увидела Марию. Она была поглощена беседой с каким-то парнем напротив.

По крайней мере хоть одной из нас этой ночью повезло.

— Меняемся!

Ларри остановился передо мной.

— Мисс, вы не можете здесь находиться. Это закрытое мероприятие, только для взрослых.

Я покорно встала.

— Ухожу, ухожу, — я помахала Марии и направилась к выходу.

Когда я пришла домой, папа сидел за столом, погруженный в свою работу.

— Ради тебя я побывала на двух трехминутных свиданиях.

— Как они прошли?

— Ужасно. Знаешь, как говорится: «Каждой кастрюльке своя крышка»?! Думаю, у тебя трапециевидная крышка.

— Это плохо?

Честно говоря, каждый сам себе судья. Быть ярким и неповторимым — это хорошо. Но есть тонкая грань между неповторимым и сумасшедшим.

Некоторые люди меняют своё мнение обо мне, когда узнают, что я еврейка. Некоторые люди оскорбляют меня, когда узнают, что я еврейка. Некоторые люди начинают ненавидеть меня, когда узнают, что я еврейка. Стоит ли мне противостоять им или просто проигнорировать?

На следующий день в школе я заметила Митча у его шкафчика.

— Ты не должен был расставаться с Джесс прямо перед баллом в честь дня Святого Валентина. Это очень грубо.

Он нахмурил свои густые брови, которые, как мне раньше казалось, делали его мужественным и привлекательным.

— Что ты хочешь от меня услышать? — он закрыл шкафчик и начал отдаляться от меня.

Почему девушки могут набраться смелости, чтобы противостоять парням, а они не могут? Они бросают глупые заявления и убегают. Хочу сделать обобщенное заявление о парнях, так что готовьтесь: парни ненавидят конфронтацию (и обязательств, но это уже другая история).

Но я довольно настойчива.

Догнав Митча, я хлопнула его по спине и сказала:

— Ты сделал Джессике больно. Это совсем не круто.

Мичт останавливается, но его кудряшки все еще подпрыгивают.

— Отстань, Эми. Ты мне нравилась, а потом я влюбился в Джессику. Но теперь мне нравится кое-кто другой.

— Ты собираешься пойти с кем-то другим?

— Да, и мне это по нраву. Все кончено, дело сделано. Я подросток. И могу себе это позволить.

В этот момент мне захотелось дать ему пощечину. Я все еще пытаюсь переварить его эгоцентричное заявление, когда он оставляет меня одну посреди коридора.

На сколько подростки разборчивы?

Нейтан сказал Марии, что он мне не нравится, потому что носит очки и старую одежду.

Вообще-то, есть другая причина. У меня появилось внезапное желание поделиться с Нейтаном, почему я его ненавижу. И это не значит, что я придирчива, груба или слишком высокого мнения о себе, чтобы дружить с ним.

— Земля вызывает Эми.

Когда я вырвалась из своих раздумий, Ками и Рейн стояли передо мной, размахивая перед моим лицом руками.

— Добро пожаловать обратно в реальность, — посмеиваясь, сказала Ками.

— Что сегодня на обед? — спросила я, пытаюсь забыть о Митче и о том, что он мне наговорил. Кроме того, иногда по понедельникам нас балуют пиццей (знаю, знаю, пицца достаточно высококалорийна, но она того стоит... как и суши).

— Забудь про обед. Лучше объясни нам то, что ты собираешься идти на бал в честь дня Святого Валентина с Нейтаном. Все только об этом и говорят, если ты не заметила. Сначала вы целовались в столовой, а потом ты сидела с ним за столом вместе с Мирандой. Что на тебя вообще нашло?

Я думаю о том как здорово, что Миранда так быстро приняла мои извинения после того, как я нагрубила ей.

— Миранда не настолько плоха.

Рейн взмахнула наманикюренными пальцами.

— Она пахнет как швейцарский сыр, Эми. Ты думаешь, её большой еврейский шнобель не заметен?

Тут нет ни единого слова правды. Это мой первый раз, когда кто-то сделал пренебрежительное замечание о евреях. Очень пренебрежительное.

Это расизм. Моё сердце забилось быстрее, в горле встал ком, а под ложечкой засосало, пробуждая во мне мерзкие чувства.

— Я еврейка, — сказала я, готовая защищать свой народ, даже если это будет стоить мне популярности. А будучи непопулярной в Чикагской Академии, я буду ходить на одинокого кролика, в окружении охотничьих собак или стаи волков.

— Да, но не совсем. Ты только наполовину еврейка, — сказала Рейн.

На половину... По их мнению я не могу быть настоящей еврейкой только потому, что моя мама не еврейка?

Бред.

— Не соглашусь с тобой, Рейн. Я настоящая еврейка. И если вы собираетесь отпускать свои шуточки на счет евреев, со мной это не прокатит.

Прямо сейчас Рейн выглядела так, словно почувствовала запах протухшего сыра.

— Расслабься, Эми.

— Не проси меня расслабиться, когда ты оскорбляешь мой народ, — говорю я.

— Я оскорбила только Миранду Коэн, Эми. Не тебя. Не все еврейское население. Боже... — она закатила глаза.

Я бы хотела повернуть время вспять, чтобы избежать той ситуации, в которой оказалась из-за Митча. Но я не могу. Я бы хотела, чтобы Рейн и все, кто оскорбляет евреев знал, что это грубо... Это неприятно. Я даже не могу описать как сильно ее слова ранили меня, хотя она даже не осознает этого.

Мое сердцебиение нормализовалось, когда Рейн, разгневавшись, развернулась и ушла. Я повернулась к Кэми, которая притворяется, будто ищет что-то в своей сумке. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, она просто перебирает вещи снова и снова.

— Я не сержусь на тебя, — сказала я. Кэми подняла взгляд. — Это был напряженный момент.

— Так не должно было случиться.

Сейчас мы просто стоим, а мне нужно что-то сказать, чтобы нарушить неловкое молчание:

— Ты шла в столовую?

Она помедлила, прежде чем ответить:

— Нет. Я шла в лабораторию. Увидимся позже.

Да. Конечно.

— До встречи, — сказала я, как будто мне все равно. Зайдя в столовую, я осмотрелась. Рейн сидела на своем привычном месте, разговаривая с подружками. Они склонились друг к другу, распуская очередные слухи. Я уже говорила, что сплетни недооценивают? Что же, сейчас я стала одной из сплетен, и мне это совершенно не нравится. Расплата отстой.

Я стояла в очереди, выбирая что бы взять на обед. Вчерашний поцелуй с Нейтаном был

катастрофой. Сегодня Рейн распускает слухи о том, что я еврейка. Уверена, она извратила историю, чтобы показать меня с дурной стороны. Поэтому сейчас я полна решимости не привлекать к себе внимания.

О, нет.

Нейтан только что зашел в столовую. Нас разделяет очередь в шесть человек. Он разговаривал с Кайлом. Мне лучше знать, где он, чтобы не позволить ему внезапно поцеловать меня.

Сегодня я не взяла салат, особенно потому, что леди Глэдис смотрела на меня как ястреб. Заказав ароматный свежее испеченный сэндвич с индейкой, я отправилась на поиски свободного столика.

Вот где жизнь становится коварной. В столовой. Где студенты разделяются на "кучки". Обычно я сидела рядом с Джессикой.

Куда бы она ни села, я уже заняла место. Сейчас Джесс выдавливает кетчуп в маленькую белую чашку на картошку фри. Она понятия не имеет о том, что Рейн насмеялась над еврейским носом Миранды.

Миранда сидит в ее обычной компании. Они не все евреи. Но у них есть одна общая особенность — им нужен модный совет. Так же они отличники. Миранда помахала мне, и я ответила тем же. Она, наверное, думает, что я сяду за ее стол, как и вчера.

Джесс села за столик к Рейн, прежде чем я успела перехватить ее. Нейтан расплатился за два куса пиццы и бутылку чая "Аризонский лед". Ладно, настало время принимать решение: сесть за столик с Джессикой и Рейн, за которым я обычно садилась или за столик с Мирандой и ее друзьями. Не теряй время, Эми. Популярные девчонки не бездельничают.

Как запрограммированный робот я направилась к столику моих друзей. Я почувствовала себя предательницей, хотя когда я бросила взгляд на Миранду, она даже не заметила, что я выбрала столик с популярными девчонками, которые знали о DKNY, вместо ее столика, где они, вероятно, обсуждали что $E=MC^2$.

Когда я села рядом с Джессикой, все за столом замолкли. Джесс пришла в замешательство.

— Так что происходит между тобой и тем новеньким парнем Нейтаном? — усмехнувшись, спросила Роксанна.

— Вчера вы устроили классное шоу. Как насчет повторения представления?

Я откусываю от моего бутерброда с индейкой, поэтому не обязана отвечать сразу. Мне нужно время, чтобы обдумать ответ. Хотя, обычно, я соображаю быстрее.

Пока я пережевывала бутерброд, за моей спиной прозвучал голос Нейтана:

— Могу я сесть?

Я посмотрела на Нейтана, желая ответить «нет», потому что все ждут, что мы начнем целоваться. Почему он не сел рядом с Кайлом и его друзьями? Или с ботаниками за их стол?

Джессика заставила всех подвинуться, чтобы он смог сесть рядом со мной. Боже, все смотрят прямо на нас. Я хотела поговорить с Нейтаном, но наедине, а не на глазах у всей толпы.

— Я слышала, вы идете вместе на бал Святого Валентина? — прищурившись, спросила Роксана, изучая мою реакцию. — Вы встречаетесь?

Я чувствую, что вся закусочная с замиранием сердца ждет мой ответ.

— О, да. Разве вы не знали? Это любовь с первого взгляда. Верно, Нейтан?

Что же, либо я и Нейтан против Роксаны и всей толпы, либо я против всех.

Повернувшись, я посмотрела на Нейтана, сидящего прямо рядом со мной. Флуоресцентные огни кафетерия отражаются в его очках, так что я не могу видеть его глаз.

Но его глаза явно направлены на меня.

— Да, верно, — ответил он. — Думаю, правду говорят: "Противоположности притягиваются".

Промолчав, я откусила от бутерброда, уставившись на еду. Краем глаза я увидела, как рука Нейтана потянулась к пицце. За три минуты он съел второй кусок. Это мировой рекорд поедания пиццы. Студенты все еще заходили в кафе, когда он прикончил второй кусок.

Один глоток холодного чая и он готов. А я все еще пыталась проглотить свой бутерброд. Нейтан что-то пробормотал мне в ухо, но я не смогла ничего понять, да и честно говоря не пыталась.

— Что он сказал? — спросила Джесс, явно смущенная. Она знает, что я и Нейтан плохи ладим. Да, мы целовались. Но это была показуха. Второй раз я была не при делах. Точнее не добровольно.

— Понятия не имею, — пробормотала я, откусив еще кусочек сэндвича.

После школы Джесс догнала меня по пути школьную остановку.

— Эми, я не понимаю тебя. Ты думаешь, что Нейтан мужлан. Не спорь со мной, я знаю тебя лучше твоей мамы. Ты целовалась с ним на глазах у всей школы, но ты все еще сохнешь по Эйви. Рейн рассказывает, что ты по-идиотски поступила с ней. Какая-то бессмыслица.

— Жизнь вообще бессмысленна. Ты ненавидишь меня?

— Почему я должна ненавидеть тебя? Я могу не понимать тебя. Могу злиться на тебя. Но я никогда не смогу возненавидеть тебя.

Нейтан направился к нам. Его походка настолько придурковата, что мне хочется передернуться. Клянусь, этому парню нужно научиться оттягиваться и быть сумасшедшим. Наверняка он танцует как шестидесятилетний старик.

Эйви удивительный танцор. Я помню, как он танцевал с девушкой прошлым летом. Я приревновала его и вытащила на танцпол первого попавшегося парня. Это была большая ошибка. Давайте просто скажем, что в конце меня чуть не арестовала израильская полиция.

Когда Нейтан подошел к нам, Джессика развернулась и пошла к автобусной остановке, предоставив нам личное пространство. Она хорошая подруга. Но очень крупно ошибается в ситуации между мной и Нейтаном, но ее сердце подсказало ей правильный выход. Я слегка ударила его по локтю.

— Нам нужно поговорить.

— Зачем? Ты снова хочешь поцеловать меня?

— И получить еще один удар в лицо твоими очками? Нет, спасибо, я хочу поговорить. Знаешь, просто разговор, когда губы не соприкасаются.

— Прости. Мы больше не можем это продолжать, — автобус завернул за угол. — Мы не можем продолжать прикидываться парочкой.

— Конечно, можем, — он обнял меня, направившись к задней части автобуса. Придется сидеть со всеми. По пути к автобусу я скинула его руки с плеч, но когда мы вышли из автобуса он снова обнял меня, будто мы настоящая пара. И прежде чем я успела среагировать, я увидела кое-кого. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, а я почти потеряла сознание.

Он стоял у парадной моего дома, даже не осознавая, что выглядит как настоящая модель

Abercrombie. Эйви. Он наблюдает за мной, Нейтаном и его рукой, обнимающей меня. Я все еще в шоке, поэтому не могу спросить Эйви, как он сюда попал, почему здесь и надолго ли останется, но самое главное — по-прежнему ли я нужна ему.

— Эйви, — тихо сказала я, когда мы приблизились к нему. Клянусь, я все еще была в шоке, когда спросила: — Что ты здесь делаешь?

— Кто этот парень? — спросил он в ответ.

Если Бог сотворил мир за шесть дней (Книга Бытия, 2:2), то и я смогу найти смысл моей за семь дней.

Я стяхнула руку Нейтана. Он отпустил мои плечи, но остался стоять рядом со мной. Чего ждет Нейтан? Официального представления? Я не была готова к этому даже тогда, когда заговорила:

— Эйви, это Нейтан. Нейтан, это мой... это Эйви.

Для Эйви было важно, чтобы мы не наклеивали друг на друга ярлыки "парень" и "девушка", ведь следующие три года он будет служить в армии Израиля. Но как бы сильно мой разум не соглашался с этим, мое сердце не могло успокоиться. Поэтому я всем говорила, что он мой не-парень. Пусть они сами решают, что это значит.

Я посмотрела на Эйви. Его поза была жесткой, а челюсть сжатой. Он всегда был скрытным и непреклонным, и сейчас я чувствую, как он воздвигает между нами плотные невидимые стены, готовясь закрыться от меня. А ведь он провел со мной менее двух минут.

И это разозлило меня больше всего, ведь именно он настоял на том, чтобы мы не признавали официально наши отношения. Я же наоборот хотела этого.

Эйви протянул руку Нейтану, чтобы пожать ее. Они такие разные. Эйви выглядел как настоящая модель, Нейтан же типичный "Американский мальчик по соседству" (которому необходимо сменить имидж). Они крепко пожали друг другу руки.

— Я взял отпуск, — сказал Эйви. — На неделю. Сюрприз, сюрприз.

На неделю. У нас с ним есть неделя. С одной стороны у меня от радости закружилась голова, ведь я смогу провести с ним целых семь дней, но с другой стороны я сердилась на него, потому что все это похоже на плохую шутку. Как только я готова начать двигаться вперед, появляется он и вновь и все запутывает.

Нейтан все еще стоял рядом со мной и смотрел на меня своими глупыми зелеными глазами.

— Увидимся позже, Эми, — сказав это, он открыл дверь нашего дома.

Он не назвал меня Барби. Почему эти мысли крутятся в моей голове?!

— У тебя нет чемодана?

— Я оставил свою сумку внутри у охранника, — он засунул руки в карманы и посмотрел куда-то вдаль. — Это была плохая идея, Эми. Я думал... черт, не важно, что я думал. У меня есть друг в Северо-Западном университете, я могу остановиться у него.

Порыв Чикагского ветра пронесся по улице, и я содрогнулась до костей.

— Ты не должен был делать мне сюрприз. Я ненавижу сюрпризы. Хотя я должна была рассказать тебе об этом давным-давно. И теперь, когда ты это узнал это, не поступай так больше.

Эйви приподнял бровь.

— Я сказал твоему отцу, — его мягкий голос напоминал мне горячий шоколад.

— Отлично. Мой папа знает о моем пар... о тебе больше, чем я.

Сейчас все обретало смысл. Вот почему папа спрашивал, что я чувствую к Эйви, когда нам делали маникюр.

— Я думал, что ты хотела, чтобы я приехал.

— Я хотела, Эйви.

Эйви быстро остановился. По всей видимости он мне не поверил.

Вот сейчас действительно неловко: мы не прикоснулись друг к другу, не обнялись, даже не посмотрели друг на друга. Я могу до посинения повторять, как скучала по нему, хотя я и так уже посинела, потому что моя задница отмерзла на такой холодрыге.

— Поговорим в квартире, хорошо?

Он кивнул и последовал за мной. Когда мы вошли, портье отдал Эйви его большую сумку цвета хакки.

В лифте Эйви смотрел строго перед собой, а я стояла позади него. Не могу поверить, что он здесь, в Америке, в Чикаго, в моем лифте!

В моей голове столько вопросов крутится, но самый главный — почему он здесь? Я думала, он будет на службе до февраля.

Смотря на него, я удивлялась, как за несколько месяцев он изменился. Ух, сейчас он выше и сильнее, чем прошлым летом. Очевидно, он много тренируется. Клянусь, его осанка стала более гордой, а взгляд решительней, чего я совсем не помнила. Грубая самоуверенность.

Будущий командир.

От него исходила энергия дикого зверя, словно в лифте он страдает клаустрофобией.

Дверь лифта открылась, и я направилась к своей квартире. Мутт встретил нас громким "Арг!", а его хвост так энергично вилял, и я подумала, что вот-вот и он отвалится, если он еще начнет еще больше радоваться.

Глаза Эйви широко распахнулись.

— Он gadol... большой, — сказал он на иврите, а потом на английском, нагнувшись, чтобы погладить Мутта. Когда Мутт потянулся к его промежности, он спокойно и уверенно сказал: — Умри.

— Не красиво так говорить моей собаке.

Возможно, Эйви не такой, как я думала. Сказать моей собаке "умри" совсем не круто.

Эйви поднялся во весь рост.

— "Умри" на иврите значит "остановись", Эми. Тоже самое, что и "Достаточно, я не хочу, чтобы твой нос тыкался в мои яйца". Так лучше?

О нет. Дела идут не очень хорошо.

— Да, — застенчиво сказал я. — Все хорошо.

Мутт начал царапать дверь и тянуть поводок. Я бы хотела, чтобы Мутт немного подождал, но когда нужно идти, то ничего не попишешь и не важно, человек ты или животное.

— Мне нужно выйти с ним на улицу, или он напрудит прямо на полу.

Эйви опустил сумку на пол и сказал:

— Я пойду с тобой.

Проблема в том, что нам нужно честно и откровенно поговорить (и это уж точно не случится в парке для собак). Я не хочу, чтобы Эйви еще сильнее отдалялся от меня.

— Не нужно. Я отойду всего на минутку. В смысле, Мутту нужна всего лишь минута. Подожди здесь, ладно?

Он кивнул.

— Хорошо.

Я поспешно пристегнула поводок к ошейнику Мутта. В лифте Мутт смотрел на меня

выразительными щенячьими глазками, и иногда мне кажется, что под белой шерсткой скрывается человеческая душа.

— Эйви здесь. Встреча получилась неудобной. Что мне сделать, чтобы все наладить?

Мутт, смотря на меня, высунул язык и начал сопеть так... словно пес, который хочет писать.

От моей гениальной собаки не последовало никакого ответа.

Когда мы вошли в собачий парк, я отцепила поводок. Мои мысли были не о Мутте. Об Эйви. Я размышляла о том, что скажу ему, когда вернусь домой.

Признаюсь, что поцеловала Нейтана... дважды?

Это ничего для меня не значит, но все же я участвовала в этом. Но сколько раз ты должен участвовать в этом, чтобы это сочлось за обман?

И как можно считать, что обманул кого-то, с кем даже не состоишь в официальных отношениях? Важен ли ярлык "встречаетесь" или главную роль играют чувства, живущие в твоём сердце? Боже, я так облажалась.

Может ли моя жизнь стать еще хуже?

Словно по команде, до меня донеслись крики и шум с другого конца парка. Когда я развернулась, мои глаза широко распахнулись, увидев, как Мутт вытворяет неприличные дела с другой собакой.

Обычно он выкрутасывается перед кабелями, показывая, кто в доме хозяин.

Но только не сегодня.

Мой тупой Мутт развлекался с Принцессой. Принцесса — это драгоценнейшая чистокровная собака мистера Обермейера.

И у них серьезные намерения. О черт.

Когда я подбежала к ним, мистер Обермейер начал кричать на меня:

— Оттащи своего пса от моей Принцессы!

Я с трудом сглотнула.

— Как... как Вы себе это представляете?!

В состоянии аффекта, я краем глаза увидела, как Митч наблюдает и смеется. Большинство посетителей, раскрыв рот, с ужасом наблюдали за развернувшейся сценой. Все знали, что лучше держать подальше своих собак от Принцессы мистера Обермайера.

Я начала кричать на Мутта, чтобы он оставил в покое Принцессу.

— Мутт, уйди! Сюрприз! Оставь ее в покое! УМРИ! — ничто, даже слова Эйви не подействовали на него.

Сейчас все, что я хочу — так это УМЕРЕТЬ.

— Сделай что-нибудь, а не выкрикивай команды, которые твоя собака даже не понимает, — закричал мистер Обермайер. — Поторопись!

Я шагнула к собакам, увлеченным танцем любви.

— Отойти от Принцессы, — прорычала я сквозь стиснутые зубы. — Она не твой типаж.

По всей видимости, у Мутта селективный слух.

Подойдя ближе, я почувствовала приступ тошноты. Я далеко не натуралистка. Прирвать двух собак в очень интимный момент. да еще на глазах у целой публики совсем не мое.

Глубоко вздохнув, я приготовилась к унижению. Я остановилась позади Мутта и ухватила за его туловище. Я потянула. И еще потянула. Но Мутт отказался отойти. Черт побери.

Как только я сдалась и отпустила его, Мутт отошел от Принцессы, как будто ничего

сверхважного не произошло.

Мистер Обермайер побежал к своей собаке.

— Он запятнал ее честь.

— Мистер Обермайер, это всего лишь собака.

Старик шокировано заморгал, и мне показалось, что он еще сильнее побледнел, если такое вообще возможно.

— Принцесса — законная чемпионка благоразумия.

— Разумеется, — пробубнила я.

Мистер Обермайер оглядел толпу, собравшуюся вокруг.

— Кто-нибудь вызовите полицию.

Могу представить, как меня сажают в тюрьму, потому что моя собака развлекалась с драгоценным пуделем по кличке Принцесса.

— Мистер Обермайер... пожалуйста...

— Кто заплатит ветеринару за это грандиозное фиаско? Между прочим, у нее сейчас течка. Она должна была спариться с чистокровным псом! Теперь у нее будет помет дворняжек, а не чистокровных щенков. Все это из-за тебя, ведь ты не можешь справиться со своим животным.

Старик выглядел так, словно его вот-вот прихватит инфаркт, а его морщины поглотят бледное лицо.

— Мне жаль, — сказала я, пытаюсь унять повисшее напряжение. Единственный виновник случившегося — это моя собачонка.

Мистер Обермайер вскинул руки.

— Мне жаль? Как твоя жалость может изменить произошедшее?

Никак.

— Я не знаю.

— Если он не породистой, то твоя обязанность кастрировать его, — сжав губы, мистер Обеймайер ушел прочь, а Принцесса с напыщенным видом побежала рядом с ним.

Меня не волнует, что Мутт не породистый. Он мой. Эйви подарил мне его, а это важнее какой-то породистой собаки.

О нет, Эйви!

Я подбежала к Мутту и закрепила на нем поводок. Я направилась домой, но при этом старалась сохранить дистанцию от мистера Обермайера и его собаки. Я немного подождала, пока они поднимутся на свой этаж, а потом рискнула войти в лифт со своим псом.

Я нашла Эйви, сидящем на нашем диване: его локти покоились на коленях, а руку сцепились воедино.

— Мне очень жаль, что я так долго, — сказала я, сняв с Мутта поводок и вновь повесив его на крючок. — В парке произошел один инцидент, — я посмотрела на Мутта. Он лежал на спине и выглядел таким счастливым и расслабленным, каким я его никогда не видела.

Что я скажу папе о Мутте и Принцессе?

— Я думал, что ты меня бросила, — сказал Эйви. Один угол его губ приподнялся вверх. — Эми, чем дольше я здесь нахожусь, тем больше я понимаю, что это была плохая идея.

Я обошла диван и села рядом с ним.

— Не говори так. Просто сейчас на меня слишком много навалилось.

Его глаза, цвета глубокой ночи, так сильно отличались от глаз Нейтана. Они

задумчивые, как и у моего отца. Могу с уверенностью сказать, он через многое прошел. Его что-то тревожит, но он старается не показывать этого.

— Как служба в Израиле?

— Sababa.

— Что значит sababa?

— Это значит: круто, удивительно, без проблем, — его глубокий, томный голос может разрушить стены, которые я выстроила вокруг себя.

— Ты выглядишь намного сильнее, чем прошлым летом, — большинство американцев, с которыми я знакома, не выглядят столь серьезными и мужественными в восемнадцать лет.

— Испытания на выживание меняют людей.

Я кивнула. Испытания на выживание. Моё испытание на выживание состоит из бега к стеллажам в Neiman Marcus в день начала зимней распродажи. Это не подтягивает мои мышцы, но, тем не менее, оттачивает мой навык поиска лучших предложений до того, как их кто-то успел заметить. В каком-то смысле это все равно, что застрять с одним пистолетом в качестве компаньона в пустыне. Хотя Neiman Marcus можно считать настоящим полем битвы в дни зимней распродажи.

— Я скучала по тебе.

Я умолчала, что думала о нем каждый день с тех пор, как приехала из Израиля. Так же я не упомянула, что меня постоянно терзали опасения о наших отношениях... или наших не-отношениях, как еще можно их назвать. И несмотря на то, что я ужасно счастлива его видеть, я не хочу быть просто "подругой с плюсами". Я хочу большего.

Но хочет ли он этого? И как Нейтан вписывается во все это?

Тьфу, в моих мыслях полнейшая путаница.

Эйви протянул мне руку. Пока я держала его за руку, жар и уют, по которым я так скучала, укутали меня. Его вторая рука легла на мое плечо и медленно двинулась вверх, лаская мою шею и щеку. Я прижалась к его руке, и его тепло обволокло меня.

— Я тоже по тебе скучал.

Я облизала губы, боясь нашего первого поцелуя, которые ясно скажет, на каком уровне наши отношения. Нам много нужно пережить. Наши летние отношения были нежными, полны чувственности и эмоций, они дурманили меня без химических препаратов и алкоголя.

Он наклонился вперед, наблюдая за мной. Его глаза сосредоточенно смотрели в мои.

— Я не должен так сильно хотеть тебя, — когда он сказал это, его полные губы обрушились на мои.

Начало как и раньше. Он нежно прикоснулся к моим губам, словно рисовал их... запоминал форму и мягкость. Я полностью растворилась в нем, но потом мои мысли поплыли в другом течении. Не знаю почему. Мысли о Нейтане, о фиско Мутта, о беременности мамы, о назначенных свиданиях и....

Когда язык Эйви коснулся моего, события прошедшего дня пронеслись в моего голове. У меня плохое предчувствие, словно я забыла о чем-то важном, но никак не могла вспомнить. Когда Эйви попытался перевести наш поцелуй на новый уровень, сконцентрировать стало ужасно тяжело.

Я отстранилась, разрывая поцелуй.

Эти красивые задумчивые глаза внимательно смотрели на меня.

— Что происходит? Кто этот парень? Просто скажи мне.

Я вспомнила! Когда его губы касались моих я не могла думать, но сейчас мой мозг

снова начал трезво мыслить.

— Мне нужно на работу, — я спрыгнула с дивана.

Иона пытался сказать Богу, что отказывается идти в Ниневею, как велел Бог. Бедный парень был брошен в море, где провел три дня в животе кита в качестве наказания (Иона 2:1). Иона не знал, что от Бога нельзя спрятаться, ведь Бог все знает.

А вот мой парень нет.

(Кроме тех случаев, когда мои друзья открывают свои большие рты).

Эйви настоял на том, чтобы проводить меня до работы.

Когда мы вошли в лифт, я хотела сказать Эйви все, что творится в моей голове, и почему я так запуталась. Но у нас не было времени. Моя жизнь выходит из-под контроля, а у меня нет ни одного рычага, чтобы остановить ее. Время как песок.

— Эйви.

На самом деле мне нечего ему сказать, я просто хочу, чтобы он перестал избегать мой взгляд.

— Да? — он повернулся ко мне. Хотелось бы мне знать, о чем он думает.

— Я попробую отпроситься на неделю с работы, чтобы мы смогли посмотреть достопримечательности Чикаго.

— Эми, я не нуждаюсь в экскурсиях.

Ему не нужно говорить, что он приехал сюда ради меня. Сам факт того, что он пролетел полмира, чтобы провести со мной неделю в Чикаго одновременно и лестная, и ошеломляющая.

У стойки в Perk Me Up! я познакомила Эйви с Марией. Мария широко улыбнулась и поставила чашку, чтобы пожать ему руку. Она глупо захихикала, чего я раньше за ней никогда не замечала.

Наше первое знакомство с Эйви было самым нелепым и неловким моментом в моей жизни.

Честно говоря, тогда я бунтовала. Эйви единственный парень, кто осмелился бросить мне вызов. Он достаточно долго сражался со мной... ментально, разумеется. Он силен как внутри, так и снаружи.

Я приступила к работе, а Эйви, скрестив руки на груди, откинулся в большом и удобном кресле и ждал меня. Не могу поверить, что он здесь, а я готовлю обезжиренный ванильный латте вместо того, чтобы провести с ним время.

Я использовала каждую свободную секунду, чтобы полюбоваться им. Когда в кафе больше не осталось клиентов, я спросила Марлу, могу ли я приготовить Эйви мой любимый горячий шоколад.

— Ты не говорила, что он приедет навестить тебя, — прошептала Мария, пока я смешивала ингредиенты.

— Я и сама не знала. А вот моему отцу все было известно, — сообщила я, добавив к какао тройную дозу взбитых ванильных сливок.

— Он забыл сказать тебе?

— Они хотели сделать мне сюрприз.

Нужно напомнить папе, что я ненавижу сюрпризы. Сюрпризы как неожиданные месячные: сначала ты потрясена и удивлена, а потом смущаешься, что все пляшется на тебя. Я

понимаю, какво это. Мне не нужны сюрпризы, которые заставляют меня еще сильнее почувствовать, что люди смотрят на меня.

Мария протянула мне держатель для кружки, чтобы я пролила потрясающий горячий шоколад.

— Я скучаю по своей подростковой жизни, — на ее лице расцвела задумчивая улыбка. — Мальчики, школа, друзья. Наслаждайся жизнью. В один момент ты вырастешь, и в твоей жизни появится обязанностей больше, чем ты могла себе представить.

У меня такое чувство, будто на меня свалилось обязанностей больше, чем я могла себе представить. А мне всего лишь семнадцать. Я взяла особенный напиток для Эйви и направилась к нему, когда открылась дверь Perk Me Up! Это Джессика.

— Я узнала о том, что случилось сегодня в собачьем парке. Эми, с тобой все в порядке? — ее темные волосы были выпрямлены, а глаза казались темней обычного благодаря черному тону. Ей потребовалось всего лишь секунда, чтобы рассмотреть парня в кресле. Сдавленный крик вырвался из ее уст.

— Эйви?

Джесс была похожа на маленькую девочку.

Эйви поднялся, и я прочистила горло.

— Джессика, это Эйви. Эйви, это моя лучшая подруга Джессика.

— Зови меня Джесс, — сказала она, так широко улыбаясь, что того и гляди ее щеки лопнут, а губы растянутся, как у той эластичной женщины из мультика.

— Почему ты не сказала мне, что он приедет? — сквозь зубы сказала она, хоть Эйви и слышит каждое ее слово. Блин! Он же рядом стоит.

— Я не знала. Это был сюрприз.

— Ох.

Джесс знает, что я ненавижу сюрпризы, поэтому понимающие вздохнула.

— Что случилось сегодня в собачьем парке? — спроси Эйви.

Я действительно не хочу рассказывать об этом кошмаре.

— Эм...

— Мутт нагнул другую собаку и оплодотворил ее на глазах у всех, — воскликнула Джесс. — Хозяин чуть было не вызвал полицию.

— Не такие уж большие новости, — сказала я, пытаюсь сохранить безразличное выражение лица. Ну, то есть пытаюсь. На самом деле, произошедшее очень важно. Папа меня убьет, когда узнает, что честь Принцессы запятнана из-за моей собаки. А еще потому, что через несколько месяцев он может стать дедушкой с целой корзинкой щенков.

— Эми, ты шутишь? Уже все обо этом знают.

Эйви наклонился вперед со смущенным выражением лица.

— Почему ты мне не сказала?

— Я... я не знаю, — и это чистейшая правда.

Я бы хотела угостить Эйви горячим шоколадом, который я приготовила специально для него, но взбитые сливки растаяли и начали капать на мою руку. Сейчас горячий шоколад уже не выглядит таким восхитительным и аппетитным, как в момент, когда вошла Джессика. Да и к тому же моя рука стала липой от взбитых сливок.

— Пойду прогуляюсь, — сказал Эйви, расстроившись, что я утаила это от него. Когда он, разозлившись, вышел на холодный воздух, я не могла его винить. Я бы рассказать ему что происходит, но как я могу объяснить это, если сама не до конца все выяснила?

Остались только мы с Джессикой.

— Оох, могу я это взять? — спросила она, поглядывая на напиток в моей руке.

Я протянула ей "напиток мира для Эйви" и вернулась за работу у стойки.

Почему все не может идти своим чередом? Или это Бог решил развлечь меня, поэтому у меня нет скучных дней? Клянусь, что хочу, чтобы хоть раз мой день прошел тихо, без происшествий.

Мария делала Tango Mango Crème Blend для клиента, и все кафе пропахло манго.

— Могу я взять отпуск до конца недели? На следующей неделе я отработаю двойные смены.

— Отлично.

Джессика сидела за компьютером, когда я приступила к протиранию столиков.

— Можешь ли ты, пожалуйста, не рассказывать Эйви о моей жизни?

— Почему?

— Если я захочу что-то ему рассказать, я сделаю это сама. Ему не нужно все узнавать через моих друзей.

Джесс склонила голову набок и спросила:

— Что ты хочешь от него скрыть, Эми?

— Ничего.

Ладно, это не совсем правда. Мне бы хотелось оставить в стороне все плохое и поделиться с ним только хорошим. Ты не можешь винить меня. Он здесь только на неделю. Если он узнает, что я все время все порчу, он не захочет быть моим... не-парнем.

Я действительно брежу этим "не".

Нужно менять что-то в своей жизни.

Глава 19

Я волнуюсь за Израиль. Я молюсь за безопасность моей семьи, живущей в Израиле и за моего парня, находящегося там на службе. Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы мир стал спокойней?

Моя смена в Perk Me Up! уже подходила к концу, когда, как ты уже догадалась, пришел Нейтан. Он неторопливо подошел к стойке и сказал:

— Средний зеленый час со льдом и без сахара.

Он не смотрел на меня: вместо это он сосредоточил все свое внимание на сахаре, стоящим рядом с кассой. Очевидно же, что его ни капли не интересует сахар, ведь он не любит напитки с сахаром.

Мария стояла рядом со мной, напевала под нос песню и деланно пыталась не обращать внимание на повисшее напряжение между мной и Нейтаном.

Я протянула Нейтану чай, и он спросил:

— Где Эйби?

— Его зовут Эйви, и ты прекрасно об этом знаешь.

Нейтан сделал глоток холодного зеленого чая, исподлобья поглядывая на меня. Остановившись пить чай, он спросил:

— Чтобы ни... — он попытался сымитировать наш предыдущий разговор. — Он тебя бросил?

Мне бы не было так больно, не будь он так близко к правде.

— Нет. Ты не видишь, что я работаю?

— Я твой клиент. Думаю, ты должна быть милой с клиентами.

Я повернулась к Марии, которая больше не притворялась, что не обращает внимание на наш разговор.

— Иди, — сказала она.

— Не обращай на меня внимания. Это очень интересно. Думаю, стоит начать брать плату за вход... или устроить в Perk Me Up! вечер живого шоу.

Глубоко вздохнув, я покачала головой и повернулась к Нейтану. Он все еще стоял около стойки.

Парень не уйдет.

Он наклонился вперед и прошептал:

— Я не нравлюсь тебе, потому что я ботаник... идиот... хромаю...нерешительный... называй как хочешь.

— Это неправда.

— Да что ты?! Тогда почему ты так вешаешься на этого Эйви? Скажи мне, что его мозг такой же большой, как и мускулы.

— Это не твоего ума дело, но на самом деле он очень умный. Ты не всегда должен судить книгу по обложке. Быть веселым, общительным и заботливым тоже очень важно.

— Если ты так им восхищаешься, зачем же ты поцеловала меня в лифте? Ох, точно. Ты пошутила.

— Нет, это неправда.

— Правда. Таким фальшивкам как ты нравится играть с чувствами других. Ты никогда

не думаешь о последствиях своих поступков или о том, какую боль причиняете другим.

Мой рот распахнулся. Нейтан шутит? Я бы не поцеловала его в шутку, да я даже не осмелилась бы. Я поцеловала его, потому что хотела взять над ним вверх. Если бы ему понравилась ему после поцелуя, я бы могла контролировать наши отношения. Я бы могла заставить его перестать меня ненавидеть или влюбить в себя. Признаю, это манипуляция.

Очки Нейтана соскользнули на нос, и он их поправил.

— Держу пари, если бы я вел себя так же надменно и круто одевался, ты бы бросила это Эйви, потому что хотела бы встречаться со мной.

— Хочешь поспорить?

Открылась дверь кафе, и вошел Эйви. Он не был счастлив, когда увидел, что я разговариваю с Нейтаном. Нейтан, должно быть, почувствовал мою нерешительность, потому что взял свой холодный чай и направился к своему любимому креслу, чтобы позаниматься.

Мария легонько стукнула меня по плечу.

— Иди, Эми. Твоя смена уже закончилась.

Спасибо Господи.

Я сняла желтый фартук. Поднявшись на цыпочки, я поцеловала Эйви, обняв его за талию. Это покажет ему, как я скучала по нему, а Нейтану и всем остальным (в том числе и Джессике) как много Эйви для меня значит, и что самое главное — кто Эйви в моей жизни.

Ответив на мой позыв, Эйви обнял меня.

— Пошли отсюда, — прошептал он напротив моих губ. Он взял меня за руку, и мы вышли из кафе как настоящая пара.

Думаю, что лед между нами растаял, когда мы вместе вышли в холодную ночь. Мой телефон зазвонил. Это папа.

— Привет, Аба.

— Ты уже получила огромный сюрприз?

— Да. Он рядом со мной, — позже я поговорю с папой о новом правиле "никаких сюрпризов".

— Давайте все встретимся и поужинаем. Как насчет Rosebud?

Rosebud — это невероятное итальянское местечко на Раш Стрит, рядом с нашим домом. В субботние ночи в ресторанах полно народу.

— Здорово.

— Я буду там через полчаса.

— Отлично. Увидимся там.

Пока я не повесила трубку, я даже не понимала, что увожу Эйви от нашего дома и Rosebud. Я заметила, что мы больше не держались за руки. Мы направлялись к пляжу несмотря на то, что озеро Мичиган замерзло, а ветер пронизывал до костей, из-за чего было трудно говорить.

— Я думал, что если скажу тебе, что приезжаю, ты попросишь меня не делать этого, — мы по-прежнему шли и глядели прямо перед собой на озеро, проглядывающее сквозь улицы города.

Я хотела взять его за руку и идти, держась за руки, но он засунул руки в карманы.

— Я думала, что ты забыл меня.

Он усмехнулся.

— У меня не было времени, Эми. Я проходил базовую подготовку, помнишь?

Я полностью осознаю, что девушки, прогуливающиеся по улицам Чикаго, засматриваются на него.

Интересно, так будет всегда? Он намеренно ведет себя так харизматично и уверенно?

— Эйви, что если у тебя будет время? Ты найдешь симпатичную израильянку, чтобы заменить меня?

— Зачем? Чтобы ты не чувствовала себя виновной, начав отношения с тем Нейтаном?

— Я поцеловала тебя при нем, Эйви. Я бы так не поступила, если бы он мне нравился.

— Ты сделала это, чтобы заставить его ревновать, — как ни в чем не бывало сказал он.

— Это не правда. И это ты не хочешь настоящих отношений. Ты ясно дал это понять прошлым летом. Никаких обязательств. Нет парня и девушки. Знаешь, что я говорила своим друзьям? Что ты мой *не-парень*.

Ты хоть представляешь, как я себя чувствовала? Хорошо, я скажу тебе, мистер Крутой Израильский Парень. Я ужасно себя чувствовала, словно я не стою потраченного времени, усилий или чувств, вкладываемые в настоящие отношения.

Я сглотнула, но это было не легко, потому что мое горло начало саднить от волнений. Большую часть времени я держу эмоции при себе, подальше от окружающего мира. Так что произошедшее вдвойне отстойно, ведь Эйви единственный человек, с кем я не хочу быть слишком эмоциональной, потому что знаю — это его оттолкнет.

Он попытался притянуть меня к себе, но я оттолкнула его. Мне не нужно его сочувствие. Мне нужна его любовь.

Но самое страшное, что я чувствую, он никогда не сможет мне этого дать. Бог видит, он никогда этого не скажет.

— Я не знаю, чего ты хочешь, — расстроено сказал он. — Эми, мне жаль, я думал, что мы все прояснили.

— Как видишь, нет. Почему ты приехал? Чтобы поиграть с моими чувствами?

— Нет, — сказал он, притянув меня к груди, на этот раз даже не дав мне сопротивляться. Крепко обнимая меня, он начал шептать в мою макушку: — Я закончил базовое обучение, и меня перевели в специальный боевой отряд. Армия обороны Израиля разработала новый подход к терроризму: они собираются научить нас действовать и думать как враг, — он глубоко вздохнул. — Я не знаю, дадут ли мне разрешение летом связаться с тобой, когда ты приедешь в Израиль.

У Иакова было двенадцать сыновей. Каждый из них стал одним из двенадцати Колен Израилевых (Быт. 49:28).

Интересно, к какому Колену относились мои предки?!

Уверена, в Интернете нельзя отследить родословную так далеко.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы переварить слова Эйви. Специальный боевой отряд. Враги. Отступив, я посмотрела в его глаза.

— Мы должны увидеться следующим летом, когда я приеду. Ты мне обещал.

— Поэтому сейчас у меня отпуск.

— Где ты будешь летом?

Эйви слегка улыбнулся.

— Я буду много путешествовать.

— По Ближнему Востоку?

— Да. И Европе.

— Мне не нравится это. Ни капли, — взглянув на часы, я поняла, что нам пора двинуться к Rosebud, а иначе папа будет волноваться. — Отец пригласил нас на ужин, — словно в трансе, я пошла.

Эйви шел рядом со мной.

— Я напугал тебя?

— Да, — ужасно напугал. В моей голове пронеслись различные мысли, главным образом в которых мужчин захватывают в плен, пытают и калечат. Происходящее в мире бесчеловечно. Мне нравится моя здешняя безопасная жизнь, в таком большом городе как Чикаго.

Мы в тишине дошли до Rosebud. Мой папа уже сидел за столиком и ждал нас. Мы поздоровались, и он встал, чтобы пожать руку Эйви и похлопать его по спине. Мой папа знает? Имеет ли он хоть малейшее представление, что Эйви поставит свою жизнь под удар, как и он, когда был молод?

Я закатила глаза, когда они начали разговаривать на иврите: из их уст быстро выплывали странные слова и звуки. Мой телефон завибрировал от нового сообщения. Я прочитала его под столом.

Джесс: Куда ты убежала?

Я: Я на ужине.

Джесс: С Эйви все окей?

Я: да.

Джесс: Он знает, что ты поцеловала Нейтана?

Я: НЕТ!!!!!!

К нашему столику подошла официантка, но парни даже не заметили ее.

— Кока-Колу, пожалуйста. Безо льда. И лимона, — нет ничего хуже разбавленной Кока-Колы.

— Хорошо. Что будут джентльмены?

Джентльмены поглощены беседой. Возможно они говорят о военной подготовке Эйви, потому что мой папа вдохновенно и сосредоточенно слушает Эйви. Парни и их разговоры об

оружии...

Я хочу забыть об оружии, армии и элитных подразделениях на ближайшие семь дней. Притворюсь, что его службы не существует. Иногда незнание лучше всего.

— Разбудите меня, когда захотите поболтать на английском, — сказав это, я положила голову на стол.

— Прости, сладкая, — сказал папа. — Я рассказывал Эйви, что твоя мама беременна.

— Спасибо, Аба, — с сарказмом ответила я. — Уверена, сама бы я никогда не смогла ему об этом рассказать, — не понимаю, почему все вокруг не могут держать рот на замке.

Когда мой пульс подскочил, и участилось сердцебиение, я почувствовала, как Эйви коснулся моей руки. Как только наши пальцы соприкоснулись, я с облегчением вздохнула. Как-будто Эйви понял, что еще чуть-чуть и я запаникую.

Несмотря на то, что обычно я избегаю высокоуглеводные продукты, я не могу устоять перед горячим хлебом в Rosebud — мягким, теплым хрустящем хлебом. Взяв соусницу с оливковым маслом, я налила немного золотистого масла на тарелку с моей закуской и положила ложечку пармезана.

Эйви удивленно смотрел на меня.

— Что ты делаешь?

— Только не говори, что ты никогда не макал хлеб в масло и пармезан.

— Я макал лаваш в хумус.

— Это другое, — я отломала кусочек хлеба и протянула его Эйви. — Попробуй.

Попробовав, он кивнул.

— Потрясающе. Сумасшедший вкус, но потрясающий.

Когда нам принесли наши блюда, Эйви с аппетитом накинулся на еду.

Оскорбительно так пренебрегать чикагской едой. У нас самые лучшие рестораны во всей стране, порции самые большие и, возможно, самый большой процент ожирения.

— Ты смотришь, как я ем? — спросил Эйви, начав медленней жевать.

— Просто хочу убедиться, что тебе нравится.

— Эми, в армии кормят яйцами, джемом, хлебом и мясом, приготовленным на медленном огне. Пока я не ем их, я на небесах.

Мой папа рассмеялся, а потом пустился в долгий и детальный рассказ об ужасной еде, которую им давали на службе. Я перестала его слушать, когда он начал рассказывать о пчелах, застрявших в меде. Оставшаяся часть ужина прошла хорошо, за исключением того, что в основном разговаривали мой папа и Эйви, постоянно спрашивая меня, когда я смогу выкрасть время, чтобы погулять с моим не-парнем.

Думаю, сейчас самое лучшее время, чтобы ошарашить папу, прежде чем это успеет сделать кто-то другой.

— Сегодня Мутт кое-что натворил в парке.

Они устали на меня.

— Что натворил? — спросил папа.

Я начала ковырять маникюр.

— Он оплодотворил Принцессу.

Я не совсем уверена, но так сказал мистер Обермайер, а он в этом разбирается больше, чем я.

Папа ударил себя по лбу и закрыл глаза.

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

— Мистер Обермайер чуть было не вызвал полицию, — потом я поспешно выпалила: — Но он не сделал этого. Так что все в порядке.

— В порядке? *В порядке?* Эми, я говорил тебе, что Мутта нужно кастрировать.

Вскинув руки, я пискнула:

— Пап, я понимаю.

— Немного поздно, не находишь?

Я поднялась, радуясь, что ужин закончился, направившись к выходу. Последнее, что мне нужно, так это чтобы Эйви увидел как мы с папой ссоримся. Возможно, он уже считает меня королевой драм, ведь каждый обвиняет меня в этом.

Эйви догнал меня у входа.

— Эми, — крикнул он.

Остановившись, я обернулась.

— Эйви, я не та девушка, что ты думаешь. Большую часть времени я разрушаю свою жизнь. Я — ошибка, которую не остановить, — я родилась по ошибке, ей же я всегда и буду.

Эйви положил руки на мои плечи, заставив посмотреть на себя.

— Скажи кое-что хорошее.

— Эмм..?

— Кое-что, что не ошибка. Кое-что, в чем ты не напортачила.

Я попыталась покопоситься в мыслях, чтобы найти хоть что-нибудь правильное, но так и не смогла.

— В этом то и проблема, Эйви. *Я во всем ошибаюсь.*

Мой папа вышел из ресторана, не дав нам закончить разговор. Он кажется уставшим и изнуренным.

— Аба, мне очень стыдно из-за фиаско Мутта. Я даже не могла представить, что такое может произойти.

— Я знаю. Знаю. Эми, я поговорю с мистером Обермайером, но, пожалуйста постарайся лучше следить за Муттом. Договорились?

— Договорились.

По дороге домой Эйви взял меня за руку и подул на нее, обогрев меня своим тепло. Это так приятно. Мне хочется застонать и протянуть ему вторую руку, но тогда нам придется идти задом-наперед, что выглядело бы очень глупо.

В квартире нас уже ждал Мутт. Он так быстро кинулся нам на встречу, что не смог остановиться и врезался в дверь. Я посмотрела на Эйви. Он улыбался этими чувственными губами, которые каких-то пару часов назад были на моих. Эйви, его губы и поцелуи вызывали во мне дрожь.

В этот момент он нежно улыбнулся, отчего я меньше заволновалась.

— Мутту нужно на прогулку, — я схватила поводок и пристегнула его к ошейнику.

Нужно сказать, что это большой минус проживания в городе. В пригороде тебе стоит лишь открыть дверь, и собаки сами выбегают во двор и делают все свои дела. В городе же это целое испытание. Мешочки для фекалий, поводки, лифты...

— Я погуляю с ним, — сказал папа, шагнув вперед и взяв у меня из рук поводок.

— Отлично, — я чмокнула его в щеку. — Спасибо, Аба.

Мой папа сказал что-то на иврите Эйви и, разумеется, я ничего не поняла. Эйви отошел от меня на пару шагов. Ох, Боже, надеюсь папа не предупредил Эйви держаться от меня подальше, как он делал это летом. Иногда отцы слишком сильно пекутся о нас. Да и к тому

же, именно Эйви остановил нас в момент близости, а не я.

На минуту мне показалось, что я все та же шестнадцатилетняя девчонка, которая поклялась остаться девственницей до замужества и выйти за человека, который всегда все ставит под сомнение, но была поймана с парнем, с которым имела тесную близкую связь.

— Ведите себя хорошо, — сказал папа, перед тем как оставить нас одних в коридоре.

Родители не должны говорить "ведите себя хорошо". Сказать подростку "веди себя хорошо" — это взбодрить его мятежный дух, подтолкнуть к поиску проблем. Он соблазняет меня быть не "хорошей", просто чтобы показать ему, что я независима.

— О чем ты думаешь?

Я с трудом сглотнула.

— Ни о чем. Совершенно ни о чем.

— Ты нервничаешь. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

Да, при мыслях о мятеже я нервничаю.

— Вовсе нет, — сказала я, отходя. — Хочешь небольшую экскурсию?

— Кеп, — я неплохо знаю иврит и понимаю, что "кеп" означает "да".

Я быстро показала ему кухню, ванную, рабочий кабинет, спальню папы и, наконец, мою комнату.

В моей комнате Эйви взглядом пробежался по моим духам на туалетном столике и беспорядку на кровати. Я небрежно наклонилась и собрала вчерашние трусы с пола, а потом положила их в шкаф к остальной одежде для стирки.

— Обычно я не такая грязнуля, и если бы я знала, что ты приедешь, а не *внезапно удивишь* меня, я бы прибралась.

Эйви взял мою прошлогоднюю фотографию с Джессикой и Ками на Хеллоуине. Мы вырядились тремя слепыми мышами. На нас были черное трико с хвостом, уши и черные солнцезащитные очки.

— Мило.

Я села на кровать и обняла Старого Мишку, которого мне купила мама в шесть лет, когда я выбила себе зуб, учась кататься на велосипеде. Она отпустила меня, а я вместо того, чтобы закрутить педали быстрее, повернула голову, чтобы убедиться, что она все еще держится.

Когда я поняла, что она не держит меня, я впала в панику и так быстро затормозила, что упала с велосипеда и ударилась челюстью о тротуар. Все было хорошо, до тех пор пока я не увидела маму. Она испугалась, и когда я вытерла рот рукавом и увидела, что он весь покрылся кровью, я сильно заплакала. Мне понадобилось больше часа, чтобы выровнять тяжелое дыхание "я пытаюсь успокоиться, но не могу".

Бьюсь об заклад, если бы Эйви увидел меня тогда — в истерике, соплях и крови на лице — он бы не думал, что я милая.

С тех пор я выросла. Ладно, более или менее. Я все еще ненавижу ездить на велосипедах. Предпочитаю ходить пешком. А еще я боюсь глубоких вод, но Эйви уже знает об этом.

Эйви изучал мои теннисные трофеи, расположившиеся на полочке.

— Ты еще играешь?

— Не в команде.

В этом году я не вошла в команду, потому что не поехала на летние сборы прошлым летом. А еще потому что полностью поглощена уроками религии и встречами с моими

друзьями. Членство в команде ЧА отнимает слишком много времени. Я пропустила отборочный день, чтобы покататься с Джесс на лодке ее родителей, прежде чем они отплыли в Висконсин и оставили ее там на зиму. До этого года я и подумать не могла, что есть что-то важнее, чем участие в команде.

Эйви сосредоточился на нашей с ним фотографии на ночном столике.

— Я помню тот день. Это был твой последний день в Израиле.

— До того, как ты ушел в армию.

Он медленно кивнул.

— Ты ненавидишь ее?

— Армию? Я горжусь тем, что служу своей стране, если ты это имеешь в виду. Все парни получают мощное оружие, способное разрушить трехэтажное здание. Это заставляет тебя почувствовать себя непобедимым.

— Но только не тебя.

— И это ты тоже почувствуешь. Особенно во время боевой подготовки, с инструктором который может надрать тебе задницу.

— Оуу...

Я бы наверняка провалилась на боевой подготовке. Я не могу причинить боли ни себе, ни кому-то другому. Не удивительно, что Мутт не кастрирован.

— Это не пытка, а игры разума, — облокотившись о ночной столик, он прикусил нижнюю губу и уставился на меня.

Он так очаровательно выглядит. Мне хочется подбежать к нему, сильно обнять и почувствовать себя в безопасности в его руках.

— Что? — застенчиво спросила я, потому что он смотрел на меня так, словно пытался запомнить каждую черту моего лица.

— Я думаю о тебе. Во время самых тяжелых тренировок, когда мое сознание слабеет, и меня начинают окутывать темные мысли, я думаю о тебе.

— Обо мне? Я же Девушка-Катастрофа, помнишь?

— Нет. Ты единственная девушка, которую я знаю, которая верит, что жизнь будет прекрасна и злишься, когда это не так. Ты не просто красивая девушка с соблазнительным телом. Ты очень забавна, когда не пытаешься этого делать. И ты скорее съешь грязь, чем отступишься от борьбы.

— Я многое ненавижу.

— Скажи мне что-то, что ты ненавидишь.

— Оливки.

— Но ты любишь суши.

— Мне не нравится мой отчим Марк.

— Но сейчас ты очень близка со своим отцом.

— В моей комнате беспорядок.

Его взгляд метнулся к моему шкафу, откуда торчала одежда.

— Да, это точно.

Я взяла Старого Мишку и бросила его Айви, а он поймал плюшевую игрушку одной рукой.

— Эми, будь осторожна, когда что-то бросаешь.

— Почему? Что ты задумал? — я взяла подушку и снова запульнула ее в него. Свободной рукой он поймал подушку даже не моргнув.

Он приподнял бровь.

— Ты напрашиваешься на неприятности.

— Я и есть неприятности, — взяв последнюю подушку, я замахнулась на него. — У тебя больше нет свободных рук. И что же ты теперь будешь делать?

Прежде чем я успела кинуть подушку в него, Эйви, бросившись к кровати, прижал меня к ней, удерживая мои руки по швам, а ноги зажав между своих.

— Этому тебя научили на боевой подготовке? — смеясь, спросила я. Я извивалась, пытаюсь освободиться, но не тут-то было. Эйви настоящая гора мышц. Уверена, в нем нет ни грамма жира. Держу пари, в моих сиськах больше жира, чем в его теле.

Он сидел на мне, перенеся вес так, чтобы мне не было тяжело.

— Рассчитай сильные и слабые стороны врага.

— Я твой враг?

— Ты? Я чувствую, что ты что-то замышляешь. Твой гиперактивный мозг задумывает совершить побег.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу это по твоим глазам. Я чувствую адреналин, переполняющий тебя.

Мое сердце быстрее забилося, и я забеспокоилась, но не потому что хотела высвободиться. Я не была так близко с парнем с прошлого лета, когда мы с Эйви путешествовали по Израилю. Я хочу, чтобы он поцеловал меня как и раньше. Но он не делает этого. Почему?

— Эми, я вернулся! — слышались крики моего отца из коридора. Эйви, быстро спрыгнув с кровати, прислонился к комоду.

Когда папа заглянул в мою комнату, его взгляд метнулся от Эйви ко мне. Мне удалось сесть прямо, но мое одеяло задралось, да и на голове уверена было не лучше.

— Эйви, почему бы тебе не подождать пару минут в гостиной, пока я не поговорю с Эми?!

Эйви провел рукой по коротко стриженным волосам, желая остаться и защитить меня.

— Папа, ты ставишь меня в неловкое положение, — сказала я после того, как попросила Эйви подождать в гостиной, чтобы он не мог услышать наш разговор с отцом.

— Это не займет много времени, Эми. Просто слушай.

— Если ты собираешься прочитать лекцию о сексе, то не беспокойся, мама уже просветила меня.

— Да, но только сейчас мы послушаем версию отца, ясно? — он потер руки, словно собирается поднять что-то тяжелое. Звук трения его сухих руку напомнил мне скрежет наждачной бумаги. Нужно заставить его купить себе смягчающий крем для рук. Прочистив горло, он сказал: — Никакого секса.

— Понятно. Спасибо за разговор, папа, он очень помог. Я рада, что мы на одной волне.

— Эми... — предупреждающе начал он.

Простонав, я собрала разбросанные по кровати подушки и откинулась на них.

— Что?

— Эйви восемнадцать лет и он мужчина. Тебе *только-только* исполнилось шестнадцать.

— Месяц назад, — прервала я.

— Да, но мальчики отличаются от девочек. У мальчиков... эмм... есть позывы, и тебе нужно быть осторожней, ведь твое тело меняется и... ммм... да, ты уже знаешь. Возможно,

твои чувства тоже слишком... эм...

Все его "эмм" и "mmm" вызывают во мне нервный тик.

— Аба, наверное в прошлом году тебе следовало посетить школьную лекцию о том, как говорить с детьми о сексе. Мама там была. Она сказала быть осторожной, потому что есть риск подцепить различные заболевания. И чтобы я все время предохранялась, не смотря ни на что. Если мне парень скажет сделать что-то, лишь для того, чтобы понравиться ему, ему немедля следует дать пинок под зад. Риски, связанные с сексом в моем возрасте перевешивают выгоды. Я все еще могу быть подростком и любить, не подвергая себя и свои ценности чему-то опасному. Так пойдет?

Он ошеломленно смотрел на меня.

— Думаю, да.

— Ты не доверяешь Эйви?

— Милая, я не доверяю ни одному парню, который крутится вокруг моей дочери. Что-то нехорошее творилось здесь до моего прихода.

— Аба, ничего плохого не случилось.

Наклонившись, папа поднял с пола Старого Медвежонка и кинул его мне.

— Нельзя одурачить глаза израильтянина.

— Ты израильтянин с параноидальными глазами.

— Это хорошо. Назовем это профессиональными издержками. Сейчас, когда здесь живет Эйви, нам следует ввести несколько правил.

Ненавижу слово "правила". Оно подавляет веселье, свободу и спонтанность.

— Порази меня "эмм", — сказала я, зная, что нет смысла спорить.

— Никаких мальчиков в твоей спальне. Вы с Эйви можете находиться в холле, гостиной и на кухне.

— Аба, я просто проводила ему экскурсию.

— Конечно, — не веря сказал он. — Правило номер два: никаких тайных ночных визитов в гостиную Эйви.

— Почему бы тебе просто не запереть меня в комнате, чтобы я не смогла сбежать? — спросила я с сарказмом.

— Не искушай меня, Эми.

Я закатила глаза.

— Папа, большинство моих друзей более искушенные опытом, чем я.

— Это проблемы их родителей, а не мои.

Я встала и посмотрела ему в глаза.

— Если бы я хотела что-то сделать, я бы уже сделала. Я еще не готова. Не волнуйся.

Прежде чем он смог продолжить свою лекцию, я открыла дверь, ища взглядом Эйви. Он все еще стоял в гостиной.

— Все в порядке?

— Я выслушала лекцию о сексе.

— Эйви, boouna b'vakasha, — прокричал папа.

О,нет.

— Что он сказал?

Эйви остановился.

— Думаю, мне тоже предстоит выслушать лекцию о сексе, — сказал он, направившись к папе.

О, замечательно.

Почему папа не доверяет мне? Я не трудный подросток, тусующийся с наркоманами и алкоголиками. Я послушная. Ладно, я украла кредитку отца, а чувства к Эйви этим летом стали для меня сюрпризом... и потом мы проверили эти чувства. Но разве не это делают все подростки?

Я увидела открытую спортивную сумку Эйви. Ничего особенного, кроме джинс, носков, рубашек и нижнего белья — облегающих боксеры словно с плаката Calvin Klein.

Позади меня кто-то откашлялся. Вздвогнув, я повернулась к Эйви.

Он кивнул и сказал:

— Я выслушал лекцию о сексе.

— Все настолько плохо?

— Скажем так, твой отец пытался убедить меня в том, что знает, как убить меня одним пальцем.

Мой папа зашел в комнату с самодовольным выражением лица. Конечно, он пригрозил Эйви, что убьет его, если тот как-то не так посмотрит на меня.

— Арг!

Мутт, не обращая ни на кого внимания, схватил резиновый гамбургер и бросил его к моим ногам. Подняв игрушку, я бросила ее в коридор. Мутт побежал следом за ней, а потом вновь принес ее к моим ногам.

— Я встретил мистера Обермейера, когда гулял с Муттом, — проинформировал папа, смотря как Мутт проскользнул мимо него. — У нас состоялся длинный разговор, который похоже стал темой моего дня.

— И?

— И он сказал, что завтра поведет Принцессу к ветеринару, чтобы узнать беременна она или нет. Если это так, тогда будем разбираться с последствиями позже.

— Спасибо, Аба.

— Все наладится, не волнуйся. Послушайте, мне нужно поработать, а тебе завтра рано в школу, поэтому пожелайте друг другу "спокойной ночи" и ложитесь спать.

Эйви разобрал диван-кровать, а я вытащила постельное белье и одеяло из шкафа в прихожей. Я чувствую, что Эйви не сводит с меня глаз, пока мы вместе стелили кровать.

— Я хочу вновь вернуться в Израиль. Этим летом у нас не было никаких правил, никто не говорил нам, что мы можем делать, а что нет... Это было так классно.

— Это дом твоего отца, Эми, его территория. Его дом, его правила.

— Просто замечательно.

Но ведь это моя территория и мой дом тоже, верно? Когда я сама смогу устанавливать свои правила? Или когда мне начнут доверять настолько, что никакие правила не потребуются?

Когда диван превратился в кровать, я повернулась к Эйви.

— Ты можешь первым воспользоваться ванной.

— Today, — сказал он, схватив щетку, зубную пасту и синие фланелевые брюки.

— Пожалуйста.

Я поспешила зайти в мою комнату, где одела топик и шорты — мою обычную пижаму. Сев на кровать, я начала пристально рассматривать фото Эйви, все еще не веря, что он и в правду здесь. В моем доме, в моей жизни. Снова. Это не так идеально, как было в Израиле, но в Эйви есть что-то, что успокаивает мою душу.

В то же время я напоминаю себе, что Эйви здесь всего лишь на две недели, а не навсегда. Он скоро уедет, а я вновь останусь одна... никакого дня Святого Валентина, Новогодней ночи и фейерверка в честь 4 Июля, если не поеду летом в Израиль.

Нейтан вечно будет ошиваться вокруг меня. Каждый день.

Почему я думаю о Нейтане, когда здесь Эйви? Мне совсем не нравится Нейтан и его изумрудные глаза.

Безусловно, я дала Эйви много времени, чтобы переодеться и почистить зубы. Но дверь в ванну открылась только тогда, когда я до нее добралась, и Эйви вышел... без рубашки, а его волосы были мокрыми от душа.

Загорелая кожа, шоколадные глаза и почти черные после душа волосы.

— Эй, — сказала я.

Он взъерошил мокрые волосы.

— Прости, что так долго. Мне нужен был душ. Я чувствовал себя таким грязным после самолета.

— Думаю, мне снова нужен разговор о сексе, — прошептав, я одарила его застенчивой улыбкой и скрылась в ванной.

Глядя в зеркало ванной, я задаюсь вопросом, что такого привлекательного нашел во мне Эйви? Я даже не стою с ним на одном уровне привлекательности. Мои зубы не идеальны, моя верхняя губа исчезает, когда я улыбаюсь, а моя грудь слишком большая. Я даже одела лифчик под пижаму, чтобы Эйви не заметил, как провисает моя грудь.

Он сказал, что любит меня за мою надежду в прекрасную жизнь. Кто же не борется за то, чтобы идти своим путем? Полагаю, некоторые люди, как Джессика, довольны своим статусом-кво. Но борьба в моей натуре. В этом нужно винить папу, это его черта.

Помимо этого я пришла к выводу, что с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, я стала одержима мальчиками. Я думаю о них все время. Это началось, когда я встретила Эйви, и продолжается до сих пор. Иногда я думаю о парнях в совершенно неподходящее время, например, в религиозном классе или во время походов по магазинам. На прошлой неделе, когда Джессика рассказывала мне о ее танцевальном конкурсе, мои мысли вращались вокруг других "танцев": я вспоминала, как наблюдала за Эйви на дискотеке в Израиле. Он прекрасный танцор, прекрасно чувствующий ритм музыки, что нельзя сказать о других моих знакомых парнях.

Может быть, правила — это хорошая штука. Не смотря ни на что.

Прежде чем лечь спать, я заглянула в гостиную. Эйви лежал на диване, одеяло прикрывало только нижнюю часть тела, а его натренированные мышцы груди были на виду. Он подложил одну руку под голову, отчего бицепсы напряглись.

— Что?

— Ты на стероидах или чем-то подобном?

Он усмехается.

— Ты когда-нибудь пробовала бежать в воде, достигающей груди, и нести автомат Калашникова над головой целых пять километров два раза в день? Твои руки были бы такими же большими. Если оружие соприкоснется с водой, ты получишь еще один километр бега в придачу.

Нет, спасибо большое.

— Я думала, ты тренировался в пустыне.

— Мы и там тренировались. Ты либо несешь мешок, полный воды весом более двадцати

килограмм, либо становишься одним из четырех парней, несущих самого крупного парня на носилках. И если командир прикажет принять упор лежа, ты так и сделаешь... и не важно, есть под вами острые камни или нет.

— Откуда у тебя шрамы на руках? — спросила я, разглядывая ссадины на предплечьях.

— Силовые упражнения и упражнения на выносливость. Прикольное занятие. Мы можем больше не говорить об армии?

— О чем ты хочешь поговорить? — я села на красный журнальный столик перед диваном.

— Расскажи мне о своем городе. Что в нем такого особенного?

Чикаго уникальный город, не похожий ни на одно место в мире. Я могу говорить о нем часами.

— У нас есть всемирно известные музеи, огромный крытый океанариум, у каждой спортивной команды есть до смерти преданные фанаты. В Чикаго есть зоопарк Линкольна — единственный публичный зоопарк в стране и самая большая в мире библиотека Харольда Вашингтона. У нас есть три самых больших зданий в мире и самая лучшая еда во всей стране, включая пиццу, суши, хот-доги и итальянскую говядину. Мне продолжить?

Эйви сел.

— У тебя глаза светятся, когда ты рассказываешь о своем городе.

— Я люблю Чикаго. Я родилась в Вейс Мемориал. Это место не так далеко отсюда. А живу я здесь всю мою жизнь. Моя мама переехала в пригород, поэтому я живу с папой. Я не могу отсюда уехать. Город заряжает меня своей энергией. Моя мама и ее новый муж живут в новом доме. У них будет ребенок, так что им не нужно, чтобы я бродила вокруг.

— Тебя беспокоит, что у них будет ребенок?

Я начала сдирать лак с ногтей.

— Да. Это изменит жизнь нашей семьи. Пока я пыталась свыкнуться с мыслью, что в жизни мамы появился еще один постоянный человек, откуда ни возьмись появляется ребенок. Это выбивает из колеи.

Похоже, я запуталась, где начинается и заканчивается моя семья. Больше нет моей маленькой семьи.

— Я больше не знаю кто моя настоящая семья.

Я никогда не была поклонницей неожиданных изменений. А за последние шесть месяцев моя жизнь слишком круто изменилась.

— Эми, я думал, что ты уже в постели, — услышался голос отца из коридора.

— Я просто пожелала Эйви спокойно ночи.

Мой папа наблюдает за нами как надзиратель израильской армии.

— Luła tov, Эми, — Эйви подмигнул мне.

Думаю, моя ночь закончилась, хочу я того или нет.

— Доброй ночи, — сказала я, отправившись в комнату, чтобы написать Джессике.

Я: Ты тут?

Джесс: Ага. Я 4 часа ждала твоего смс. Как поживает красавчик?

Я: Клёво.

Джесс: Что и никаких подробностей?

Я: Ничего такого.

Джесс: Лгунишка. Ты уже поцеловала его?

Я: Да.

Джесс : И?

Я: ...

Джесс: Что случилось?

Я: Все по-другому.

Джесс: Тогда могу я взять его себе?

Я: НЕТ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Джесс: Я просто шучу. Расслабься, Эми. Не нужно так кричать. Я знаю, какая ты собственница.

Я: Я не такая. Ладно. Такая.

Джесс: Ты сбиваешь меня.

Я: Я и сама запуталась. И устала.

Джесс: Я тоже.

Я: Я пошла спать. Увидимся завтра.

Джесс: Пока, детка.

Я: Доброй ночи.

Добыча нефти в Саудовской Аравии: 9.475 миллион баррелей в день.

Добыча нефти в Иране: 3.979 миллион баррелей в день.

Добыча нефти в Ираке: 2.093 миллион баррелей в день.

Добыча нефти в Египте: 700.000 баррелей в день.

Добыча нефти в Сирии: 403.800 баррелей в день.

Добыча нефти в Израиле: 2.470 баррелей в день.

Не думаете ли Вы, что Моисей где-то не туда повернул?

□□□

На следующий день я оставила Эйви с картой Чикаго и ключами от нашего дома, и отправилась в школу. Как бы я не старалась уговорить папу позволить мне остаться дома с Эйви и пропустить тест по алгебре и тригонометрии, у меня ничего не получилось. Сегодня Нейтана не было на остановке, поэтому я стояла одна. В автобусе Джесс страстно желала испепелить меня.

— Ну? Как прошла ночь после нашей переписки? — спросила она, не успев я сесть.

— Спокойно. Я легла спать, — и забыла сделать свою домашку, но надеюсь забыть на нее, пока мне не придется столкнуться с последствиями. Нельзя разобраться со всеми делами одновременно.

— А утро?

— Я помылась, позавтракала с Эйви и папой, и отправилась в школу.

Джесс кажется разочарованной, что нет ничего интересного в истории. Да и я тоже. Жаль, что у меня нет интересных новостей, которыми я бы могла поделиться с ней, но я не собираюсь ничего придумывать.

— Я слышала, ты собираешься стать мамой, — сказала Кейли с заднего сидения.

— Пока еще ничего не известно, — ответила я, прекрасно осознавая, что никто не понимает, как сильно меня волнует вчерашняя выходка Мутта.

Митч, спрятавшись на последнем ряду городского автобуса, пытаюсь избежать ссоры с брошенной Джессикой, сказал:

— Боже, да эта собака настоящее *животное*.

Да, точно. Но он мой.

— Эми, а где Нейтан? — спросила Роксана.

— Откуда мне знать?

— Разве он не твой парень? Или ты из жалости идешь с ним на бал Святого Валентина?

Из жалости? Нейтан не нуждается в моем утешении. Соглашусь, он нуждается в новом гардеробе... но не жалости.

— К твоему сведению, — повернувшись, сказала Джессика, — у Эми есть парень, и он приехал в город навестить ее. Нейтан был... занозой в заднице.

Ох, уверена, Нейтан будет рад, что его называли занозой. Иногда Джесс втягивает меня в еще большие проблемы, хотя даже и не подозревает об этом.

— Вы должны прийти ко мне домой сегодня вечером, — начала Кейли. — Мои родители уехали за город. Мы с ребятами собираемся повеселиться.

Джессика ответила первой:

— Я не могу.

— Эми, а ты? Ты можешь привести одного парня из своего гарема.

Сегодня пятница, и я намерена как можно больше посвятить время Эйви пока он здесь. Не мешало бы заскочить к Кейли и повеселиться. Думаю, им понравится Эйви. Но в потаенных уголках сознания я немного нервничаю перед знакомством Эйви с Роксаной, ведь она, несомненно, покажет себя во всей красе. Она всегда вешается на друзей Кейли, словно отвратительная папиллома на шее.

Не исключено, что мы с Эйви придем на вечеринку. Я отвернулась и наклонилась к Джессике.

— Куда ты идешь сегодня веером?

— На встречу молодежной группы.

Ууупс. Я и забыла, что обещала снова туда прийти вместе с Джессикой и Мариндой.

— Ты не расстроишься, если я не пойду с вами? Эйви здесь и все....

— Это же здорово. Мы должны были вместе отправиться на охоту за мусором, но думаю мы с Мирандой справимся и без тебя

Думаю, Эйви бы посчитал охоту за мусором вместе с молодежной группой глупым занятием. Без сомнения, он получит больше удовольствия на вечеринке, где все танцуют и развлекаются. Да и к тому же, полагаю, в последнее время он и так слишком много участвовал в организационных мероприятиях Израиля. У него сейчас отпуск, и ему нужно развеесться.

Во время обеда Джесс села за столик с Мирандой, а не наши привычные места. Нейтан сидел рядом с Мирандой, они увлеченно что-то обсуждали.

Я взяла порцию Особенной Пиццы от Шеф-повара и села рядом с Джессикой.

— Что интересенького?

Миранда подняла взгляд, а потом вновь опустила его на бумаги, на которых что-то написала.

— Мы обдумываем сегодняшнюю стратегию.

— Для вечера молодежной группы?

Джесс посмотрела на меня.

— Да. Мы поделили город на культурную, парковую и спортивную зоны.

Я перевела взгляд на Нейтана.

— Ты тоже идешь?

Он обнял Миранду и улыбнулся ей.

— Миранда пригласила меня.

Бедная девушка занервничала.

— Эми, ты же не возражаешь?

— Почему я должна возражать?

— Вы кажетесь очень близки, и все думают, что между вами что-то происходит, — из ее уст это прозвучало одновременно и как заявление, и как вопрос.

— У Нейтана есть девушка, — осведомила я ее.

— А у Эми парень, — воскликнул Нейтан.

— Постойте, я ничего не понимаю. Если у тебя есть парень, а у него девушка, то почему вы идете вместе на бал в честь дня Святого Валентина?

Я открыла рот, но так и не смогла ничего ответить.

Нейтан убрал руку с плеча Миранды.

— Отличный вопрос.

— Ну так какой же ответ? — нетерпеливо спросила Джесс.

— Эйви вернется в Израиль, а Бики... я не уверена, что она вообще существует, а не плод больного воображения Нейтана. Но ее все равно нет в Чикаго. Поэтому мы пойдем вместе... как друзья. Верно?

Нейтан поднял руку.

— Все так, за исключением той части, что Бики плод моего больного воображения. Она настоящая.

— В какую школу она ходит? — спросила Миранда.

Вместо ответа Нейтан собрал свой обед, засунул его в рюкзак и встал.

— Я забыл, что мне нужно подготовиться к тесту по химии. Увидимся после школы.

— Конечно, — сказала Джессика. — В чем его проблема? — спросила она, когда он отошел достаточно, чтобы нас не слышать.

Я посмотрела на дверь, за которой стремительно скрылся Нейтан.

— Понятия не имею. Но если вы поймете в чем дело, не забудьте мне рассказать. Он живет с тетей и дядей, не рассказывает о своем прошлом и родителях, сестрах и братьях. Что-то здесь неладное.

— Может он полицейский под прикрытием и расследует какое-то незаконное происшествие в школе?! Или может он репортер, разоблачающий частные школы?!

Я закатила глаза.

— Миранда, ты слишком часто смотришь телевизор, — Нейтан без сомнения такой же запутавшийся и смятенный подросток как и я.

После занятий я поймала этого запутавшегося паренька около его шкафчика.

— Миранда думает, что ты репортер под прикрытием, разоблачающий частные школы... или полицейский, — благодаря очкам в тонкой оправе его можно принять за Кларка Кента. Не-а, он слишком тощий и не сможет влезть в костюм Супермена.

— Здорово.

— Так в чём твоя проблема? Почему ты сидишь на чемоданах? Почему каждую неделю ты носишь кому-то цветы? Почему ты утверждаешь, что у тебя есть девушка, но ее никто и никогда здесь не видел?

Нейтан засунул книги в рюкзак.

— Почему тебя это волнует?

— Я не знаю.

Закинув рюкзак на плечо, он посмотрел на меня.

— Вот когда узнаешь, возможно, я тебе скажу.

Готовясь к религиозному уроку, я прочитала в Библии главу, где говорится о мужчине, который не поверил, что его жена была девственницей, когда они поженились.

Если женщина окажется виновной, ее приведут к дому отца и жители города забьют ее камнями до смерти. Если мужчина ошибся, его накажут и оштрафуют (Второзаконие, 22:18).

Мне нужно серьезно поговорить об этом с раввином Глассманом, потому что в этой главе много неправильного.

□□□

Я привела Эйви на вечеринку Кейли, готовясь познакомить своего парня со школьными друзьями (за исключением Джессики, Миранды и Нейтана, потому что они ищут вместе с молодежной группой мусор). Широко улыбаясь, я взяла Эйви за руку и ввела его в квартиру Кейли. Квартира Кейли намного больше нашей, потому что отец Кейли владеет лучшими домами Чикаго и ему нравится демонстрировать свое богатство посредством роскошных автомобилей, больших домов и дорогих лодок.

Кейли на кухне пила пиво из жестяной банки.

— Чувак, ты должно быть парень Эми, — невнятно промямлила Кейли. Она пьяна.

Эйви отказался от пива, и Кейли бросила мне бутылку.

— Ты же не пьянчужка, верно? — спросил Эйви.

Если быть честной, я считаю что пиво — это мерзость.

— Неа, — сказала я, бросив банку Кейли, которая что-то пробормотала о том, что трезвые люди — скучные люди.

Я отвела Эйви в дальнюю часть квартиры, где собралось большинство ребят. Эйви сел на свободный стул, а я к нему на колени.

В комнате грохотала громкая музыка, отдаваясь басистым звоном в моих ушах. В то время как все пили, целовались или пытались перекричать друг друга сквозь гам музыки, я прижалась к груди Эйви, и он крепко прижал меня к себе.

Когда я увидела, что приехала Роксанна, я быстро наклонилась к Эйви и начала целовать его.

Сначала наши губы соприкоснулись, а потом мой язык порхнул над его, а руки, скользнув по его груди, обняли за шею. Отстранившись, я облизала губы и соблазнительно улыбнулась ему.

Прикоснувшись губами к моему уху, он прошептал:

— Зачем это шоу?

Повернув к нему голову, я негромко сказала ему, чтобы только он смог услышать меня сквозь рев музыки:

— Ты не хочешь целовать меня?

— Хочу. Но не на глазах опьяневших детишек.

— Значит я дитя?

Прежде чем он успел ответить, я услышала пискливый голос Роксанны:

— Привет, Эми. Привет, Нейтан.

Я подняла взгляд. Роксанна стояла рядом с нами, зажав рот рукой и нервно сглотывая.

— Ох, прости. Я думала, ты Нейтан.

Я пропала. Эйви никак не отреагировал, но я почувствовала, как его рука ослабила свою хватку.

— Почему она подумала, что ты целуешься с Нейтаном? — спросил меня Эйви.

Я прочистила горло.

— Я могу все объяснить, — Роксанна все еще стояла рядом с нами и злобно улыбалась. — Ты не возражаешь?

Проигнорировав меня, Роксанна протянула ему руку.

— Я Роксанна.

— Я Эйви, — медленно протянул Эйви сексуальным израильским акцентом, пожимая ей руку. Клянусь, она протянула ему руку, надеясь, что он поцелует ее. — Я парень Эми из Израиля.

Роксанна засмеялась.

— Ох, я слышала о тебе. Я рада, что вы с Эми решили вместе на люди показаться. Ты такой понимающий парень.

Когда он разжал ее руку, я, махая в ее сторону, сказала:

— Все, уходи, — она как назойливый комар, которого хочется раздавить.

Когда Роксанна отошла, в комнату вошла Кейли с бутылкой шампанского в руках.

— Ты целовалась с Нейтаном?

Эм....

— Нет. Роксанна мой враг. Не слушай ее, Эйви. Ей нравится распространять грязные слухи обо мне.

Он поднялся (мне пришлось притвориться, что я не упала с его колен) и направился к Роксанне. Она склонила голову на бок и спросила:

— Хочешь поиграть в бутылочку? Знаешь, там можно поменять партнера. Вот Эми нравится менять партнеров, правда, Эми?

Я потянула Эйви за руку, пытаюсь вывести его из комнаты, но он не сдвинулся с места, как упрямый корень дерева.

— Не люблю людей, распускающих слухи о моей девушке.

Я чуть сильнее потянула его за руку.

— Эйви, пожалуйста, пошли.

Роксанна засмеялась.

— Слухи? Дружок, на этой неделе ты второй, с кем она целовалась. О, легок на помине. Привет, Нейтан. А мы как раз говорили о маленьком шоу, которое вы с Эми устроили в кафетерии.

О, черт. Мне крышка. Посмотрев в сторону двери, я увидела, как Миранда, Джесс и Нейтан направляются к нам.

В комнате повисла тишина, когда новый диск переворачивался в дисковом.

— Привет, — сказала Джесс. — Мы покончили с поисками мусора и решили навеститься сюда, узнать, здесь ли вы еще.

Эйви знает правду. Он увидел, как мы с Нейтаном посмотрели друг на друга. Чувство вины так и сквозит в моих глазах?

— Ты лгала мне, — подытожил он.

Здесь, прямо на глазах у всех, он отпустил мою руку и оставил меня одну посреди вечеринки Кейли.

Изменить свое мнение не так легко, как кажется на первый взгляд.

Я все еще ухожу до того, как придут три уважаемых члена еврейской общины "Бейт Дин" и заставят сдать устный тест. Раввин Глассман сказал не беспокоиться. Это не вступительный экзамен.

Жизнь полна маленьких отборных испытаний, не так ли?

□□□

— Ты выставила меня ослом, — сказал Эйви, когда я нагнала его у входа в мой дом.

— Эйви, прости. Я не ожидала, что ты узнаешь детали той истории от Роксанны.

Когда мы зашли в лифт, он повернулся ко мне лицом.

— Ты глядя в глаза мне врала.

Я подняла руки в знак капитуляции.

— Ладно, признаю, я соврала тебе. Счастлив?

— Не переключай с больной головы на здоровую, пытаясь выставить меня плохим парнем. Ты всегда гуляешь с парнями и целуешь их? — спросил он, когда лифт поднялся на мой этаж, и мы вышли. — Где твои верность и честность?

Я закатила глаза и сказала:

— Мы не в армии, Эйви.

— Возможно, нам стоит там побывать.

— Что это значит? — открыв дверь, я вошла в мою квартиру и обернулась к нему. — Кроме того, где твои серьезные намерения?

— О, пожалуйста, Эми. Что ты знаешь о серьезных намерениях?

Я шокировано раскрыла рот.

— Пошел ты! — крикнула я, закрыв комнату и заперев на замок.

Не помню, когда в последний раз плакала так сильно. Это один из тех моментов, когда ты не можешь дышать, а когда ты думаешь, что все уже выплакала, новая волна отчаяния захлестывает тебя, и ты начинаешь снова плакать.

Сейчас я так плачу. Я чувствую себя ужасно из-за того, что испортила отношения с Эйви. Я чувствую себя ужасно, потому что хочу узнать, почему Нейтан стал таким. Нейтан сказал, что мне нравится Эйви только из-за внешности. Он предостерег меня: "Будь я так же красив, я бы тоже тебе понравился".

Я ужасный человек. В этом даже нет вины Эйви. Только моя.

Спустя какое-то время Эйви постучал в мою комнату.

— Что?

— Открой дверь ипусти меня.

— Тебе нельзя входить в мою комнату, забыл?

Он снова постучал.

— Тогда просто открой дверь.

Открыв дверь, я увидела, как он перекинул свою спортивную сумку через плечо.

— Что ты делаешь?

— Это пустая трата времени. И мы оба прекрасно знаем это. Я останусь с Тариком в общежитии Северо-Западного университета. Ты ведь помнишь Тарика?

— Да, но...

— Он скоро приедет. Послушай, Эми... Ты хочешь целоваться с другими парнями, здорово. Наши отношения все равно не продлились бы долго.

— Ты сам сказал не ждать тебя. Ты не хотел официальных отношений, забыл?

— То, что здесь, — он указал на голову, — и здесь, — он ударил кулаком по сердцу, — совсем разные вещи.

Я шагнула к нему и протянула руку, желая облегчить его страдание и пресечь повисшее между нами напряжение. — Эйви... подойди ко мне.

Вместо того, чтобы подойти ко мне, он отошел в сторону и, указав на голову, сказал:

— Сохраняй разум ясным. Помнишь, что я говорил тебе об играх разума?

— Да. Это хуже, чем пытки.

— Боже, ты даже представить не можешь, сколько ужасных мыслей крутится в моей голове. Мне хочется поцеловать тебя, очистив твой разум. Мне хочется избить этого Нейтана. Хочется биться об стену, потому что ты заглядываешься на других парней.

— Я же говорила, что я Девушка-Беда.

— Нет, Эми. Здесь твоя жизнь. Моя в Израиле или там, куда меня направят в армии. Такова правда. И так было. Какими глупцами мы были, когда думали, что у нас все получится?

Я думала об этом, но не скажу ему. Он отказывается от борьбы.

— Ты правда уходишь?

— Тарик, наверное, уже ждет меня.

Новый поток слез настиг меня. Мне хочется, чтобы они прекратились, но они все льются и льются.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — мне хочется умолять его. Хочется схватить за ногу и, повиснув на ней, просить остаться со мной до тех пор, пока он не согласится... но я не могу.

Когда он погладил Мутта и направился к двери, я отпустила его. А после я вышла вслед за ним на улицу. В машине около моего дома ждал Тарик. Тарик вышел из машины и обнял меня.

— Эми. Сколько лет, сколько зим.

Я вытерла нос и заплаканные глаза рукавом.

— Как в школе? — спросила я.

— Тяжело, но я привыкаю, — взгляд Тарика пропутешествовал от моего растроенного и опустошенного выражения лица к каменному взгляду Эйви. — Эм... хочешь, чтобы я вмешался?

— Нет, — решительно сказал Эйви, в то время как я умоляюще кивнула. Может быть Эйви и мне нужно беспристрастное мнение третьего лица. На прошлой неделе на социологии я узнала о том, как не предвзятое мнение волшебным образом меняет твою судьбу.

— Что ж... полагаю, вам нужно попрощаться, — Тарик пошел к машине, но на полпути оглянулся через плечо. — Если понадобится, дайте знать.

Меня так и подмывает закричать.

Эйви бросил спортивную сумку на заднее сиденье и повернулся ко мне.

— Я позвоню тебе, прежде чем уеду из Чикаго.

— Я хотела показать тебе Уиллис-Тауэр. Каждый турист должен там побывать.

СНОСКА — Уйллис-тауэр (англ. Willis Tower), до 2009 года — Сирс-тауэр (Sears Tower) — небоскрёб, находящийся в городе Чикаго, США. 443,2 м / 110 этажей. Начало

строительства — август 1970 года, окончание — 4 мая 1973 года. Главный архитектор — Брюс Грэм, главный проектировщик (инженер проекта) — Фазлур Хан.

— Я сам посмотрю.

— А как же Оз Парк? Знаешь ли ты, что парень, написавший "Волшебник из страны Оз" жил там?

— Я разберусь.

— Но что если не разберешься, Эйви? Что если ты вернешься в Израиль и не увидишь всю красоту Чикаго?

Эйви коснулся моей щеки.

— Все не может быть прекрасным. Жизнь не идеальна.

— Я хочу, чтобы было идеально.

Он большим пальцем приласкал мое лицо.

— Я знаю. Ты одна единственная такая, — он зажмурился, а потом сказал: — Я должен уйти, пока не натворил что-то глупое.

Я наблюдала, как он сел в машину, сказал что-то Тарику, а потом они уехали.

Когда он оставил меня — в слезах и опустошенную — мне захотелось пасть на колени и кричать во все горло.

— Ты же не плачешь из-за парня? — послышался голос Нейтана.

Я повернулась к нему и смерила его осуждающим взглядом.

— Ты следил за мной?

— Неа. А нужно было? Хорошая прощальная сцена? Жаль, что я все пропустил.

Я подошла к Нейтану и начала бить его в грудь.

— Ты грубый, эгоцентричный, с драконьими глазами, легкомысленный и эгоистичный... — я пыталась придумать что-то еще, когда Нейтан схватил меня за руки.

Прикосновения Нейтана не оказывают на меня такого эффекта как Эйви. Впервые я отчетливо поняла, Нейтан не "Единственный" и никогда им не был. Меня влечет к нему, но я не чувствую всего того, что к Эйви.

Я слишком слаба, чтобы сделать хоть что-нибудь. Мои плечи поникли, и я заплакала. Боль слишком велика. Мое сердце будто разрывают на куски. Мои колени подогнулись, но Нейтан не дал мне упасть.

— Ты правда расстроена? — спросил он. В его глазах теплились замешательство и симпатия. Я никогда не видела, чтобы Нейтан испытывал к кому-то симпатию, тем более ко мне.

Я зажмурилась.

— Вопреки твоим обвинениям, я не фальшивка.

— Я знаю. Эми, мне жаль. Ты была права насчет меня. За исключением драконьих глаз.

— Что?

— Я играл с тобой. И твоим парнем. Это несправедливо, я знаю. Иногда, мне хочется, чтобы у всех была такая же дерьмовая жизнь, как и у меня. Назовем это самозащитным механизмом.

Он помог мне встать, и я вытерла нос и глаза рукавом.

— Что же настолько плохого случилось в твоей жизни? Кто ты такой? Думаешь, если расскажешь о своей дрянной жизни, моя станет лучше?

Я понимаю, почему закомплексована: папа совсем недавно вернулся в мою жизнь, а мама и ее новый муж планируют семью без меня... я не знаю, где моя жизнь с семьей

начинается, а где заканчивается.

— Я приемный ребенок. Родители отдали меня в детдом, когда мне было десять, потому что не могли обеспечить всех восьмерых детей. С тех пор я мотался из одного дома в другой.

Подождите, я не понимаю.

— Я думала, что Мистер и Миссис Кинер твои дядя и тетя.

— Ни один детский дом не брал меня, после того как просматривал мою историю. Пришлось вовлечь суд. Мои тетя и дядя не разговаривают с родителями. Они оборвали все связи давным давно. Логика проста: выходя замуж за бедняка, ты сама становишься бедняком.

Я не могу представить, чтобы мои родители отдали меня в детдом. Даже когда мы с отцом не общались, он не сдавался. Это я отталкивала его. Моя мама растила меня со времен колледжа. Она училась и работала, пытаясь одновременно успеть воспитывать ребенка и сделать карьеру. Я так восхищаюсь ей. Не думаю, что она когда-либо задумывалась о том, чтобы отдать меня в приют.

— Почему ты одеваешь, как..

— Как придурок?

— Ну, да

— Мои тетя хочет, чтобы я консервативно одевался. Она думает, если я буду одеваться, как плохиш, то им и буду.

— А ты плохой, Нейтан?

Он упер взгляд в пол и пожал плечами.

— Когда то был. Если бы я был образцовым ребенком, меня бы не выгнали из тридцати детских домов.

— А сейчас?

— Полагаю, я вновь облажался, — он посмотрел на меня. — Я не должен был целовать тебя на глазах у всей столовой. И... я признаю... я знал, что твой парень будет на вечеринке. В душе я ликовал, когда он узнал, что мы целовались. Эми, я знаю, тебе больно.

Правда ранит. Я позволила моей неуверенности и растерянности высвободить то, что я прятала глубоко в сердце — правду, что была со мной все время. Я веду жесткую игру, но внутри я слаба. Так же как и Нейтан.

Я взяла Нейтана под руку и сказала:

— У тебя дома есть мороженное?

— Кажется, ванильное было.

— Отлично.

— Ты хочешь со мной прогуляться? — удивленно спросил Нейтан.

— Да. Разве не это делают друзья?

— Должен признаться, у меня давно не было друзей. Даже не знаю, какого это быть другом.

— А как же Бики? — спросила я, когда мы поднимались на сороковой этаж.

— Она тоже приемный ребенок. Я познакомился с ней прошлым летом в детском доме в Фрипорт.

— Где она сейчас?

Он сделал глубокий вздох и сказал:

— В реабилитационном центре. Она связалась с плохой компанией и все испортила. Каждую субботу я приношу ей цветы, но мне не позволяют с ней увидеться или поговорить.

Она получает мои письма и весточки.

Вот это да. А я думала, что моя семейная и личная жизнь в полной заднице. Мне хочется крепко-крепко обнять маму и папу за то, что они рядом со мной.

Когда мы вошли в квартиру Нейтана, он обернулся и сказал:

— Переоденься, пожалуйста. Ты запачкала весь рукав. Просто хочу быть честным с тобой как твой друг.

Я посмотрела на обшлюнявленный рукав. Это прямо гротеск СНОСКА фантастический орнамент в виде людей и животных, переплетенных диковинными растениям

— Сейчас вернусь, — сказала я, рванув рысью к моей двери.

Я переоделась и вернулась к Нейтану. Когда мы вошли в его комнату, мы уселись на его кровати и начали лопать мороженное.

Я посмотрела на Нейтана. Если не обращать внимания на его вызывающую одежду, то можно подумать, что он крутой. С БОЛЬШОЙ натяжкой, конечно.

— На что ты уставилась? — он посмотрел на меня.

— Думаю, тебе не стоит менять свой стиль ради того, чтобы потакать дяде и тете. Ты должен быть самим собой. И если им это не понравится... То думаю, ты бы мог переехать к моему отцу.

— Мы могли бы быть братом и сестрой?

— Да, — сказала я на полном серьезе. — Как брат и сестра. И друзья... хорошие друзья, — я взяла ложку мороженого.

Его зеленые глаза заслезились.

— Нейтан, ты плачешь?

Одинокая слеза скатилась по его щеке.

— Да, — он опустил глаз, быстро стерев слезу. — Эми, у меня давно не было сестры.

Я обняла его. Если быть честной, это первые сестринские объятия за всю мою жизнь.

— Ты правда играешь на гитаре? — спросила я, пытаюсь поднять настроение, глядя на черный кожаный чехол.

— Я хотел играть в группе, но это сложновато, учитывая мои частые переезды.

Я взяла гитару и передала ее Нейтану.

— Сыграй что-нибудь для меня.

— Что ты хочешь?

— Песню для меня.

— Ты хочешь, чтобы я сыграл?

— Если ты можешь.

— Хорошо, моя Сестренка Барби.

Tzedakah — это обязательство каждого еврея подавать милостью. *Tzedakah* — это не только деньги. Это могут быть *mitzvahs* (добрые дела) для тех, кому повезло меньше. Моему другу Нейтану нужно немного *Tzedakah* в жизни.

□□□

На следующее утро я приехала вместе с Нейтаном к моей маме в Дирфейлд. Нейтан оказывает мне моральную поддержку, ведь прошлым вечером он убедил меня честно поговорить с мамой и Марком о новом ребенке.

Мама выбежала из дома и обняла Нейтана. Думаю, из-за гормонов она стала немного более эмоциональной.

— Эйви, мне так приятно наконец с тобой познакомиться, — сказала мама с большой улыбкой на лице. — Эми очень много о тебе рассказывала.

— Мам...

— Как тебе жизнь в большом городе? — спросила мама, проигнорировав меня. — Наверное, Эми развлекает тебя.

— Мам, это не Эйви.

— Нет?

— Нет. Это Нейтан. Нейтан это мама, — сказала я, впустив Мутта в дом Марка и мамы.

— Ой, я думала, его зовут Эйви.

— Нет, его зовут Нейтан. Эйви совершенно другой человек.

— Но где Эйви?

— Я не знаю.

— Ох... Нейтан, почему бы тебе не зайти и не пообедать вместе с нами?

Во время обеда Нейтан неустанно пинал меня под столом. Настало время вопроса, который больше всего меня беспокоит.

— Когда родится ребенок, где я буду спать?

Мама посмотрела на Марка.

— Поначалу в нашей комнате.

— У нас есть только две спальни, одна из них используется как кабинет, — вмешался Марк.

— Что именно ты хотела узнать?

— Я не хочу спать на диване, когда буду оставаться с вами. Я хочу свою комнату. Я может и не живу здесь постоянно, но я хочу иметь свой уголок. Это важно для меня.

— Ты не можешь пожить с ребенком?

Я подняла брови и усмехнулась.

— Я подросток. Вы в самом деле хотите, чтобы я жила вместе с ребенком в пеленках?

Обдумывая сказанное, Марк положил вилку.

— Может я смогу перенести свой кабинет в подвал.

— Марк, там нет окон и плохая вентиляция, — сказала мама. — Как же твоя аллергия?

— Эми хочет собственную комнату. Я могу принять лекарство прежде, чем спущусь в подвал. Справедливо? У тебя будет комната, а ребенок будет жить в кабинете.

Полагаю, не смотря ни на что, Марк не такой уж плохой парень. Ему просто нужно привыкнуть к тому, что я буду рядом... и Мутт. Может, мне стоит ему намекнуть, чтобы он

ежедневно принимал лекарства от аллергии?

Моя мама села прямо настолько, насколько ей позволил выпирающий живот.

— Раз уж мы пошли на уступки, что если я попрошу тебя о том же?

Я собралась с духом.

— Валяй.

— Когда родится ребенок, ты будешь раз в месяц по выходным присматривать за ним.

Будешь менять подгузники и все такое.

— Прекрасно. Но если он срыгнет на мою одежду, вы платите за химчистку.

— Идет.

После обеда мы вчетвером сели играть в Скрэббл.

— Так... вы вместе? — спросила мама, перед своим ходом.

— Мы просто друзья, — выпалил Нейтан.

— Ага, — поддержала я. — Просто хорошие друзья.

Марк выиграл партию Скрэббл благодаря слову "живая изгородь", за которое он заработал тройное очко. Да, да, вы не ослушались "живая изгородь". Мы соревновались друг меж другом, но он нас обыграл. Перед отъездом мы вместе с Нейтаном и Муттом прогулялись. Хорошо иметь такого друга, как Нейтан.

Когда мы возвращались в город, мой телефон завибрировал, оповещая, что мне пришло сообщение.

— Можешь прочитать? — попросила я Нейтана.

— Это Джессика. Она спрашивает зачем тебе нужен телефон Уэса.

— Напиши, что это сюрприз.

Я услышала, как Нейтан быстро нажал на клавиши в телефоне.

— Она говорит, что в твоей жизни достаточно парней и тебе нужно передохнуть.

Я остановилась на обочине дороги и выхватила телефон из его рук.

— Что ты делаешь?

— Подкупаю мою лучшую подругу, — я улыбнулась, ожидая смс с номером Уэса. А потом я подождала ответа от него.

— Уэс, это Эми. Новенькая со встречи молодежной группы.

— Я помню. У тебя темные волосы и голубые глаза. Ты специально так тяжело дышишь?

— Нет, это моя собака тяжело дышит.

— Ага, конечно, — сказал он, совершенно не поверив мне.

— Послушай, если тебе когда-нибудь понадобится гитарист, мой друг Нейтан, то есть Нейт Грейсон превосходно тебе подойдет.

— Я могу петь, — прошептал Нейтан.

— Он умеет петь, — добавила я.

— Сегодня мы собираемся порепетировать в Лоунг Эйкс. Если он хочет, может прийти, и мы вместе попробуем поиграть. Я не обещаю, что мы возьмем его в группу, но мы всегда рады помощи.

Я отключилась и бросила телефон на колени Нейтана.

— Спасибо. Помнится, однажды я назвал тебя грубой и эгоистичной. Ты совсем не такая.

— Да, но ты видел меня подавленной и слабой.

Я пообещала Нейтану, что чуть позже подъеду в Лоунг Эйкс. Мне нужно поужинать вместе с Джесс. Ужин и есть моя взятка.

В Ханابي, нашем любимом суши-баре, я заказала особое еврейское блюдо без крабов или моллюсков, пикантный рис с тунцом, хрустящие запеченные овощи и рыбу в тесте. Джесс заказала кошерные суши Hwe Dup Bob, салат и коричневый рис.

Откусив, Джесс с удовольствием простонала.

— Безумно вкусно.

— Надеюсь. Я заплатила шестнадцать долларов.

Она закинула еще один кусочек в рот.

— Сначала Эйви, потом Нейтан, сейчас Уэс... Думаю, тебе пора остановиться. Должна признаться, я дала тебе номер Уэса только из-за ужина.

Разочарованно вздохнув, я сказала Джессике правду:

— Номер был для Нейтана. Он играет на гитаре и ему нужны ребята, с кем бы он мог играть.

— Ты потратила шестнадцать долларов на ужин со мной, чтобы сделать приятное Нейтану?

Я положила пряный рулон тунца в рот и кивнула.

Джесс положила палочки.

— Так тебе не нужен Уэс?

Я покачала головой.

— Не-а.

— А Нейтан?

Я снова покачала головой.

— Нет.

— А Эйви?

При упоминании его имени мое сердце сжалось.

— Он уехал в Северо-Западный университет к другу. Все кончено.

— Почему?

— Потому что он так захотел. Я поцеловала другого парня, я унизила его перед всеми и еще потому, что в ближайшие три года он будет служить в Израиле в армии.

— Он все еще нравится тебе?

— О Боже, Джесс, ты даже представить себе не можешь как сильно. Уйдя, он вместе с собой забрал часть моей души. Я облажалась. Я даже не знаю где он, а даже если бы и знала, это бы не помогло. Я не знаю, что ему сказать.

— Жаль, что ты не можешь похитить его.

Да, очень плохо. Если бы я могла его похитить, то сказала бы, что все это не имеет значения. Не важно, что я поцеловала другого. Мое сердце все еще принадлежит моему израильскому солдату и ничто не сможет это изменить... ни время, ни поцелуй. Но почему я не могу его похитить? Почему не могу заставить выслушать меня, даже если он не хочет? Пока я раздумывала над своими мыслями, в моей голове созрел план.

— Точно, Джесс, ты гений!

Она растерянно посмотрела на меня.

— Кажется, я что-то пропустила.

— Нет, но ты права. Мне нужно похитить Эйви. Настоящая военная операция. Это в его духе.

— Эми, ты даже не знаешь, живет ли он в общежитие или уже уехал.

— Мы узнаем. Разве тетя Миранды не работает в приемной комиссии? Вот почему она думает, что со всеми на "дружеской ноге"?

— Хорошо, ты знаешь, где он остановился. А что дальше? Мы наденем на него наручники и закинем в угнанную машину? Я видела его лишь однажды, но я не думаю, что мы сможем с ним справиться.

Она права. Нам нужно больше силы — мужской силы.

— Нейтан поможет.

— Нейтан?

Я убедила ее, что он единственный, кто может нам помочь. К тому же, поцелуй на пятьдесят процентов его вина.

Вечером мне удалось завербовать Нейтана и Миранду. Нейтан отнесся к нашей миссии скептически, но Миранда согласилась. Мы запланировали миссию на пятницу.

Через два дня.

Каково Божье определение "семьи"?

Я пыталась найти для себя свое определение, но так и не смогла придумать то, которое в полной мере раскрыло бы весь смысл.

□□□

Я стану бабушкой. Правда. Мой папа поговорил по телефону с ветеринаром мистера Обермайера, и тот подтвердил результаты. Мутт новоиспеченный папаша.

Я не хотела показаться плохой тещей Мутта, поэтому испекла печенье для собак. Я постучала в дверь, и шорох в его квартире предупредил меня, что мистер Обермайер дома. Хотя я не уверена, что когда он посмотрел в глазок, он понял, что это я.

К счастью (или же нет) для меня он открыл дверь. Он совсем не выглядит счастливым при виде меня.

— Что на этот раз ты хочешь?

Протянув пакетик с розовой лентой, я сказала:

— Это для Принцессы.

На одно миллисекундное мгновение он удивленно приоткрыл рот, а потом шире распахнул дверь, позволив мне войти. Я не уверена, что хочу ступить на территорию мистера Обермайера. Возможно, он бы хотел, чтобы я сняла обувь при входе, чтобы не нарушить первозданную чистоту в квартире и укрыть мебель целлофаном, чтобы не оставить следы на мебели.

Я прошла чуть дальше. В квартире негромко играл джаз.

— Вам нравится джаз? — спросила я, пытаюсь завязать разговор, но в тоже время спрашивая себя, как бы осторожно выйти, чтобы не обидеть старого мужчину. Меньше всего мне хочется расстроить мистера Обермайера. Его настроение очень изменчиво.

Он раскрыл мешочек, достал печенюшку и дал ее Принцессе. Она уютно устроилась на плюшевой розовой подушке с вышитой на ней именем. Рядом с ней стояла миска с водой. Избалованной собаке даже не нужно подниматься, чтобы попить: ей стоит лишь наклонить голову и вылакать воду.

Что за жизнь!

— Твоя дворняжка все испортила, не так ли?

Я прикусила губу.

— Мистер Обермайер, я понимаю, это моя вина. Я заплачу за услуги ветеринара и возьму всех щенков сразу после того, как Вы разлучите их от матери, чтобы продать. Вам не придется терпеть их больше положенного. Просто... я ценю то, что Вы не прерываете ее беременность, — слезы запеленали глаза, что очень досадно, ведь я так не люблю выставлять эмоции напоказ.

— Подожди секунду, — шаркая ногами, он медленно вышел, оставив меня одну. Когда он вернулся, у него в руках была фотография, на которой запечатлена старушка с большим серебряным кубком. Рядом с ней сидел пудель. На лице женщины растянулась улыбка до ушей. Она была безмерно горда. Как и собака.

— Это Принцесса?

— Да, с моей женой. Эстер умерла в прошлом году сразу после выставки, — мистер Обермайер с тоской посмотрел на фотографию. — Я скучаю по ней.

— Мне жаль, что я разрушила будущее потомство вашей собаки, — сказала я, воспользовавшись сентиментальным моментом, молясь, чтобы он простил меня.

Пожилой мужчина покачал головой.

— Ты не разрушила. Я просто... что ж, я слишком пекусь над Принцессой.

Да неужели?

— Что будет с щенками?

— Моя жена хотела повязать Принцессу и вырастить чистокровных чемпионов.

— Но чего Вы хотите, мистер Обермайер?

— Я просто хочу, чтобы моя жена вернулась.

Его преданность жене напомнила мне об Эйви. И в первые с тех самых пор, как я переехала к отцу, я могу понять этого мужчину. Он не враг. Он просто ревнует, что у меня есть отец и друзья, а у него никого. Никого, кроме ужасной собаки.

Все время я думала, что двое не могут создать настоящую семью, но возможно, я ошибалась. Да, да, бывает и я ошибаюсь. Не часто, но в редких случаях бывает.

— Мистер Обермайер, не хотели бы Вы присоединиться к нами на Шаббат в следующую пятницу?

— Я не еврей.

— Мистер Обермайер, Вам не нужно быть евреем, чтобы стать частью моей семьи. Спросите об этом мою маму.

Люблю я, когда слышит Господь мой голос, мою мольбу, когда Он склоняет ко мне Свой слух в дни беды (Псалмы 116:1).

Иногда мои блестящие идеи подводят меня, и мне требуется немного помощи сверху.

□□□

— Вязаные шапочки? — Миранда протянула новые шапки, приобретенные специально для нашей операции.

— Есть.

— Черная одежда? — Миранда посмотрела на меня, Нейтана, Джесс, а после на себя. — Есть.

— Фонарики?

Мы дружно включили их, чтобы убедиться, что они работают.

— Есть.

— Рация? — Джесс протянула нам четыре рации Моторола, которыми пользовались ее родители каждый раз во время поездок в Диснейленд, чтобы никто не потерялся.

— Наручники?

Я помахала пластиковыми наручниками, которые купила в Walgreens.

— Карандаш для губ и резинки?

— Минуточку, это уже слишком, — сказал Нейтан, посветив фонариком мне в лицо.

— Нейтан, ясно же, что мы не про тебя. Миранда, у тебя есть ключи?

Миранда покрутила в руках ключи.

— У меня есть ключи твоего отца, его машины и адрес. Эми, ты готова?

Если учесть, что мое сердце невероятно быстро стучит в груди, и я ничего не ела целые сутки, потому что сильно нервничала из-за этого дня — я готова.

Мы взяли Лексус моего отца и направились на север в Эванстон. Миранда вела машину, я сидела на переднем сиденье, а Джесс и Нейтан позади меня.

Когда мы подъезжали к университету, я заставила всех ребят надеть черные вязаные шапочки, которые мы спрятали в наших карманах.

— Это обязательно? — спросила Джесс. — Я попорчу свою прическу.

Я закатила глаза.

— Думаешь, спецназовцы беспокоятся, что прическа подпортится?

— Эми, мы не спецназовцы. И Эйви тебя узнает. Это не военная операция, а всего лишь план по возвращению парня.

Для меня это самая настоящая операция.

Мы подъехали к университету Нортвэстерн и припарковались.

— И что теперь? — спросила Миранда.

Я осмотрелась вокруг, чтобы выбрать лучшее место для засады.

— Откуда тебе знать, что он еще здесь? — спросила Джесс. — Вдруг он ушел, потому что решил...

— Джесс, ты не помогаешь, — вмешался Нейтан, и Джесс замолчала.

— Ладно, вот наш план: Джесс, ты войдешь в здание и разузнаешь все вокруг. Представься студенткой и спроси, не знает ли кто, где Тарик.

Она взялась за ручку двери, но потом вдруг остановилась.

— Какая у него фамилия?

— Я не знаю, но более чем уверена, в общежитии не так уж много Тариков.

Наблюдая за тем, как Джесс направилась к общежитию, я соскребла оставшийся лак и начала грызть ноготь.

— Прекрати, — заявил Нейтан. — Меня раздражает, когда люди грызут ногти. Послушай, если ты ему нравишься, а он тебе, и если вы не... это его потеря. В любом случае, будешь ты кусать ногти или нет, это ничего не изменит.

— Ты бессердечный.

— Я реалист.

А я не согласна. Как человек, который думает, что если жизнь пошла наперекосяк, ты можешь пойти напролом и поменять все ее планы, я буду делать все возможное, чтобы все исправить. Думаю, я могу изменить свою судьбу.

В каждом университетском парне мне мерещится Эйви. А в каждой студентке я вижу девушку, которая пришла увидеться с Эйви. О Боже, теперь я понимаю, что имел в виду Эйви, когда говорил, что игры разума опасны.

— Это он? — в миллионный раз взволнованно спросила Миранда. — Нет.

Спустя десять минут моя грандиозная идея похищения уже не казалась такой грандиозной. Когда Джесс наконец-то вернулась, я уже была готова плюнуть на план и вернуться домой.

— Полчаса назад Тарик ушел с каким-то парнем. Предположительно с Эйви.

Я завалила ее вопросами:

— Как ты узнала? Ты спрашивала у девушки или парня? Они знают, куда они пошли? Ты узнала, когда они вернутся? Кто еще был с ними?

— Эми, почему бы тебе самой не пойти и все разузнать? Я выполнила твою просьбу. В общежитии его нет. Ты хочешь остаться здесь и похитить его, когда он вернется или провалить миссию?

Я обдумываю оба варианта. Если я сдамся — я отступлюсь от Эйви... от нас.

Сдаться — значит, что моя неуверенность и сомнения одолели меня и победили мое желание изменить жизнь к лучшему.

— Мы действуем по плану.

— Мы можем по крайней мере не одевать эти дурацкие шапочки? — спросила Джесс.

— Нет.

Я раздала ребятам рации, и мы вместе настроили правильную частоту.

— Все же знают, как выглядит Эйви?

Миранда прикусила губу.

— Я видела его лишь раз в жизни и один раз на фото. Тут темно, но я постараюсь.

— Хорошо. Нейтан, поджидай его у дерева в той стороне, Джесс... жди его около статуи. Когда увидите Эйви, Тарика или обоих, сообщите по рации и мы окружим их. Понятно?

Нейтан натянул черную шапочку себе на голову и побежал к дереву с рацией в руках.

Джесс надела свою шапку, наклонилась вперед и поправила зеркало заднего вида, чтобы посмотреть, как она выглядит. Поправив кудряшки, она сказала:

— Знаешь, я делаю это только из-за того, что мы лучшие подруги.

— Я знаю. Поэтому я и люблю тебя.

— Ага. Ты моя должница, — выпрыгнув из машины, она направилась к месту слежки.

— Где ты собираешь подкараулить его... то есть выследить? — спросила Миранда.

Я пристегнула наручники к заднему карману и убрала волосы под шапочку. Выйдя из машины, я протянула мобильный Миранде и сказала:

— Буду через дорогу. Мне нужно видеть всю округу.

С рацией в руках, пристегнутыми к заднему карману наручниками и скрытой с глаз головой я действительно почувствовала себя агентом под прикрытием.

Я села на остановке через дорогу от общежития и начала ждать. И еще немного подождала. Думаю, мы просидели под прикрытием более пятнадцати минут.

— Десять-сорок, ты меня слышишь? — послышался голос Джесс по рации. Я нажала датчик приема.

— Ты видишь его?

— Нет, я просто хотела узнать, как называется наша операция. Каждая операция должна иметь свое кодовое название.

— Да, — повторила Миранда. — Как насчет "Операция Рысь"? Рыси из Северо-Западного университета.

— Как насчет "Операция похищения Эйви"? — перебила Джесс.

— А как вам "Наитупейшая операция десять-сорок" — вмешался наш четвертый сообщник.

— Нейтан, успокойся, — возмутилась Джессика.

— Я просто поинтересовался... — ответил Нейтан. Я попыталась понизить громкость рации, чтобы никто никто не услышал. Кто бы мог подумать, что мои новобранцы окажутся столь болтливыми. — Что ты хочешь, чтобы я сделал, когда увижу его?

Хорошо продуманные планы далеко не моя стихия.

— Останови его.

— Как?

— Я не знаю... любыми путями, — прошептала я в рацию. — Просто убедись, что сможешь его попридержать, чтобы я успела надеть на него наручники и затолкнуть в машину для похищения.

— ДЕЖУРНОЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО УНИВЕРСИТЕТА, — послышался ски динамик незнакомый и очень величавый голос. — НЕМЕДЛЕННО ПРЕДСТАВЬТЕСЬ СКАЖИТЕ ВАШЕ МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЯ.

— Ничего не говорите, — сказал Нейтан. — Они никогда нас не найдут.

Он говорил как самый настоящий плохой парень.

— Мне страшно, Эми, — раздался по рации голос Миранды.

Я стукнулась головой о фонарь, к которому прислонилась.

— Ты только что назвала меня по имени.

— Прости. Я не специально. Я больше не буду.

— ЭТО НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО УНИВЕРСИТЕТА, — вновь раздался незнакомый голос по рации. — ЭМИ, ТЫ ПОПАЛА В РАДИОВОЛНУ ИНСТИТУТА. МЫ ЗАПИСЫВАЕМ ВАШИ ПРИЗНАНИЯ. ЕСЛИ КТО НАПАДЕТ НА КАМПУС, МЫ ВЫДВИНЕМ ПРОТИВ ВАС ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Его угроза заставила нас замолчать, до тех пор, пока Нейтан не выдал:

— Я голоден.

— А мне холодно, — вторила Джесс.

Думаю, мне нужны новые рекруты.

Когда я уже была готова сказать ребятам разворачивать и ехать домой, я краем глаза увидела двух парней, который показались мне Эйви и Тариком. Хотя нет, я на сто процентов уверена, что это они. Я быстро нажала датчик и сказала:

— Я их вижу! Нейтан, они направляются к Нортуэстерн. Они почти прибыли.

Я услышала "немедленно остановитесь", а потом рация выключилась. Я перебежала дорогу, зная, что Джессика бежит позади меня.

На улице потемнело, а здание было окружено деревьями, но я прекрасно видела даже без света. Нейтан лежал ничком на земле и постанывал, над ним стоял грозный Эйви с сжатыми кулаками, а позади него Тарик.

Я подбежала к ним и упала на колени перед Нейтаном.

— Ты в порядке? Боже мой, у тебя кровь, — я завизжала, когда луч света упал на его лицо.

— Он ударил меня, а потом испробовал на мне эти израильские приемы самообороны, — проскулил Нейтан, скукожившись в позу эмбриона.

Эйви поднял руки, словно он не сделал ничего плохого.

— Ты шутишь? Ты пытался сбить меня, — он посмотрел на Нейтана, на меня и наконец на Джесс. — Подождите, почему вы все в черном, как грабители?

— Мы не грабители, мы — похитители, — поправила Джессика.

— И кого же вы собрались похищать?

Я поднялась с колен, отцепила наручники и потрясла ими в воздухе.

— Тебя.

Эйви посмотрел на наручники.

— Они же из пластика.

Да и стоили к слову один доллар и девяносто девять центов.

— Да. А сейчас развернись спиной и заложи руки за спину, чтобы я смогла выполнить нашу миссию.

Эйви повернулся к Тарику.

— Думаю, сегодня ночью мы не вернемся.

Тарик широко улыбнулся.

— Дружище, это лучше любого реалити-шоу. Я бы подчинился желанию девушки.

Следуя моим инструкциям, Эйви положил руки за спину, и я защелкнула наручники на его запястьях.

Когда я уже была готова сопроводить его к машине, на дороге показались мигалки и патрульные машины безопасности кампуса остановились около обочины.

Сотрудники службы безопасности окружили нас. У нас не осталось путей для отступления.

— Кто из вас Эми? — спросил большой парень. Клянусь, он похож на реслинг борца.

— Послушайте, — сказал Эйви парню. Он встал между мной и служащим правопорядка. — Я ответственен за это.

— Ты Эми?

Эйви — самый настоящий мужчина. Он бы мог устроить шоу на людях в наручниках, но не поступил так. Мой израильский рыцарь в сияющих доспехах.

— Я Эми, — сказала я, медленно поднимая руку и выглянув через плечо Эйви.

— Эми, я могу все уладить.

— Как и я. Да и к тому же, ты в наручниках. На твоём месте я бы не спорила

Эйви усмехнулся.

— Ты когда-нибудь думаешь о последствиях?

— Обычно нет.

Страж прочистил горло, привлекая наше внимание.

— Вы закончили свой те-а-тет? — он качнул головой в сторону Нейтана, который смотрел на нас как побитый щенок. — Вы ранены?

— Да. Как и мое самолюбие, — ответил Нейтан.

Большой парень внимательно осмотрелся.

— В нашем кампусе действует политика дедовщины. Я предупреждал, что за нарушение правил вы лишаетесь не только наград, но и вас отчисляют из университета.

— К счастью, мы не здешние студенты, — неуверенно сказал Нейтан.

— Есть еще какие-нибудь причины, почему этот парень в наручниках? — спросил большой парень, посматривая на Эйви все более разъяренно.

Вздыхнув, я сказала:

— Хорошо, вот вам правда, — я указала на Эйви. — Это мой парень... вроде того. Он приехал навестить меня, но когда он узнал, что я поцеловалась с ним... — я показала на Нейтана, — он ухал и остановился с ним, — я взглянула на Тарика.

— Моя лучшая подруга здесь для слезки и моральной поддержки, — я указала на Джессику (которая сняла шляпу). — И еще одна моя подруга сидит в машине и ждет нас, чтобы помочь похитить его, — закончила я, указывая на машину.

Целая толпа собралась вокруг нас. Думаю, нас даже засняли для газеты колледжа. Когда мои родители увидят это, меня запрут до конца дней моих.

— Позволь спросить начистоту. Парень в наручниках твой бойфренд, но ты целовалась с парнем, который истекает кровью на земле.

— Все верно.

— И никто из вас не учится в Северо-Западном Университете?

Я с энтузиазмом кивнула.

— Точно, — не нужно привлекать лишнего внимания к Тарику.

Ребята из правоохранительных органов посмотрели на Нейтана.

— Сэр, Вы бы хотели выдвинуть обвинение?

Нейтан посмотрел на Эйви.

— Не думаю.

— Кто-нибудь из присутствующих желает выдвинуть обвинение?

Все промолчали.

Парень подошел к Эйви.

— Сэр, повернитесь, я сниму с Вас наручники.

— Эм... Я предпочту оставить их.

Большой парень приложил пальцы к вискам и начал их тереть, словно его мучает мигрень.

— Что ж, попрошу всех, кто не учится в этом Университете покинуть территорию как можно быстрее.

Мне послушалось, как парень что-то пробормотал о сумасшедших подростках, пока пытался разогнать набежавших зевак.

Краем глаза я увидела, как Миранда вышла из машины, чтобы присоединиться к нам. Но все мое внимание сосредоточено далеко на на ней. Я поглощена Эйви...

Его глаза проникновенно смотрели в мои, когда мы зашли в кампус университета. Проходившие мимо студенты уставились на Нейтана и его рану, на смущенного Тарика, прихорашивающуюся Джессику и невинную на вид Миранду.

Закованные в наручники руки Эйви покоились за его спиной.

— И что теперь? — спросил он. Я скучала по этому глубокому и сексуальному голосу.

Я нервно облизала губы.

— Мы планировали похитить тебя.

— Это был идиотский план, — вмешался Нейтан, пытаясь разработать челюсть. — Я не причастен к этому балагану.

— Я тоже, — сказала Миранда, спрятавшись за спиной Нейтана.

Я закатила глаза. Мои сообщники полные слабаки.

Джессика, поправляя прическу, сказала Тарику:

— Полагаю, ты — Тарик.

Он протянул ей руку.

— А ты?

— Я Джессика, лучшая подруга Эми. Но все зовут меня Джесс. А это Нейтан и Миранда.

Когда он посмотрел на меня, его глаза улыбались, но при этом он вполне серьезно спросил:

— И что вы планируете с ним сделать?

— Тебя это волнует?

Тарик пожимает плечами.

— Да. Или же нет.

— Что бы ты ни хотела сделать, — вмешался Эйви, — сделай это. Если ты не заметила, я стою в наручниках прямо посреди кампуса. Все на нас пялятся.

Тарик побренчал ключами.

— Эми, почему бы твоим друзьям не пойти домой, пока вы с Эйви все не разъясните?

— Правда? — спросила я, подарив ему самый лучший взгляд благодарного щеночка.

— Но если в результате его тело найдут в озере Мичиган, то я за себя не ручаюсь.

Наклонившись, я поцеловала Тарика в щеку и прошептала ему на ухо:

— Ты хороший друг.

Поблагодарив своих сообщников и удостоверившись, что они позаботятся о Тарике, я взяла Эйви за локоть как настоящий полицейский и повела его к машине.

Когда мы подошли к автомобилю, я открыла дверь и жестом приказала ему сесть.

— Ты не снимешь с меня наручники?

— Нет.

Свобода.

Означает ли это свобода от преследований?

Свобода действий?

Свобода самовыражения?

Или быть может свобода — это все вместе?

□□□

— Ты не доверяешь мне?

Я слегка усмехнулась.

— Я заварила эту кашу не для того, чтобы так просто отпустить тебя. Залезай.

Несмотря на то, что его руки все еще были заведены за спину, он наклонил голову и аккуратно сел в машину. Ему пришлось поерзать на сидении, чтобы пластмассовые наручники не впивались в запястья. Мне захотелось освободить его, но что если он уйдет, как только я сниму наручники? Ну уж нет, ему нужно выслушать меня.

Мне пришлось опереться на него, чтобы застегнуть ремень безопасности, потому что сам он не мог этого сделать. Когда я нагнулась к нему, я почувствовала, как его дыхание обдало мою шею.

Мне кажется, что я услышала, как он сдавленно простонал, но не уверена в этом.

— Ты пользуешься новыми духами? — его горячее дыхание приласкало мою кожу. — Ты пахнешь по-другому.

Я не ответила, потому что он мог унюхать либо запах картошки фри, которую я ела на обед, либо духи, которыми я поппикалась несколько часов назад.

— Куда ты меня везешь? — спросил он, когда я выехала за пределы кампуса, направившись на север по Sheridan Road.

— Ты мой заложник. Предполагается, что заложникам не говорят, куда они направляются и где их будут держать. И они не разговаривают.

На самом деле я не знаю, куда мы едем.

Я хочу уехать туда, где мы будем одни; туда, где нас никто не найдет. Если бы у меня была кнопка, которая смогла бы одним нажатием отправить нас на необитаемый остров, я бы нажала на нее. Он должен выслушать меня.

А после... я задержала дыхание, ожидая его ответ.

Когда мы остановились на зеленом, я посмотрела на него. Сегодня он одел серую рубашку с надписью на иврите и поношенные штаны с маленькой дыркой на колене.

Интересно, появилась ли эта дырка сегодня ночью, когда Нейтан напрыгнул на него? Я не могу прочитать выражение лица Эйви, ведь он настоящий мастер подавления эмоций. Научился ли он этому или это прирожденный талант?

— Эми, тебе не нужно это делать.

— Еще как нужно, — сказала я, нажав на газ.

— Послушай, Эми, когда я приехал в Чикаго, я не знал...

— Эйви, выслушай меня, прежде чем ты все выскажешь. Мне нужно раскрыть тебе душу, пока ты не сказал мне, что совершил крупнейшую ошибку, приехав сюда, и через два дня уедешь, чтобы больше никогда со мной не увидеться.

— Как знаешь, — сказал он, смотря в окно. Он глубоко и расстроено вздохнул.

Отлично, теперь я его рассердила.

Я подъехала к Храму Бахаи, который очень похож на Планетарий. Он очень большой и потрясающе блестит.

— Это Храм Бахаи, — объяснила я Эйви, когда он удивленно уставился на необыкновенный Храм.

— Вау. В Хайфа, где живет моя тетья, есть только одна синагога с золотым куполом. Она находится на предгорье, ее видно даже издалека.

Я проехала мимо парка, парка Галлсон, мимо домов, расположившихся на улице Sheridan Road, которые, как говорит моя мама, могут позволить себе только состоятельные люди.

Проезжая парк Галлсон, я поняла, куда еду.

Пляж Роузвуд.

Маленький пляж в Хайлэнд парк, который мы однажды посетили с мамой, когда я была маленькой. В тот день дул очень сильный ветер, мое полотенце задралось, и мне в глаза попал песок. Я не любила песок. Это было настоящая катастрофа, мне потребовалось несколько дней, чтобы вымыть весь песок из волос и обуви.

И как бы сильно мама не хотела затащить меня в озеро Мичиган, я столь же сильно сопротивлялась. Я видела детей, который играли в озере со своими ведерками, обрызгивая все вокруг. Но в конце концов, им приходилось выходить из воды и идти по песку.

Мокрый песок прилипал к их коже рук и ног и.... ко всему телу.

Вывернув на дорогу, ведущей к маленькой парковке, я думала, что иногда сложные ситуация хорошо заканчиваются. Совсем недавно я это узнала сама.

Припарковавшись на темной парковке у берега пляжа с видом на озеро. На стоянке не было ни одной машины. Мы одни-одинешеньки в этом уединенном месте.

Почти как на необитаемом острове.

— Теперь ты снимешь с меня наручники?

— Нет. Я не сниму их до тех пор, пока ты не выслушаешь меня, — я повернулась лицом к нему. Единственное, что нас разделяет — это подлокотники и подстаканники. И повисшее между нами напряжение, если быть точней.

Я наклонилась и расстегнула его ремень безопасности. Он расположился в кресле так удобно, насколько это позволяют заведенные за спину руки.

Его глаза сияют в ярком лунном свете. Я чувствую его взгляд на мне, словно они осязаемы.

— Не смотри на меня, — сказала я.

— Почему?

— Ты смущаешь меня даже больше, чем то, что я собираюсь сказать тебе.

— Тогда позволь мне выговориться, — его голос мягким, но уверенным. — Я не смущен.

Я опустила голову и приподняла брови.

— Просто отвернись.

Он смущенно покачал головой, но все же развернулся лицом к окну.

Выдохнув, я приготовилась к худшему.

— Прошое лето было лучшим в моей жизни. Я познакомилась с кем-то, кто очень сильно понравился мне, и это поразило меня.

— И меня тоже, — сказал он, смотря в окно.

— Да, но ты сказал не ждать тебя. Ты не хотел ввязываться в это, не хотел отношений... все, что ты хотел — это простое приключение на лето.

— Было здорово.

— Да. Но потом все кончилось. Ты ушел в армию, а я вернулась домой. Каждый раз, когда я ссорюсь с Джесс, я не могу тебе позвонить. Когда у меня что-то не ладится с друзьями или семьей, тебя нет рядом, чтобы взять меня за руку и, успокаивая, сказать, чтобы я не волновалась.

На этот раз он повернулся ко мне. Его черты лица напряглись.

— Поэтому ты заменила меня Нейтаном.

Жестом я попросила его развернуться.

Повернувшись к окну, он повторил:

— Ты заменяла меня Нейтаном. Я понимаю. Эми, не нужно объяснять очевидное.

— Я признаю это, — тихо сказала я. — Я целовалась с Нейтаном. Дважды. Он хорошо целуется. Ладно, в первый раз это было ужасно, но во второй раз намного лучше.

— Не хочу это слышать, — напряженно сказал Эйви.

— Эйви, я понимаю, но между нами не должно быть секретов. Я не хочу, чтобы ты убегал всякий раз, как между нами повиснет напряжение.

— Я не убегал.

— Ты ушел так быстро, что я даже сообразить не успела, — сказала я, положив руку на его бедро.

Мне нужно, чтобы он понял, как сильно я о нем забочусь.

Может ли прикосновение выразить то, насколько он нужен мне? Может ли прикосновение показать, что в моей груди зародилась пустота, которую залечить может только он?

Он посмотрел на мою руку.

— Разве ты не сообразила?

— Я не просто так тебя похитила, ты же понимаешь. Остайся со мной, Эйви. Давай вместе забудем о моих ошибках, моих дурацких заморочках и сомнениях. Боже, я люблю тебя.

Я жду его ответа и не важно, каким он будет. Моя любовь не дрогнет. Я могу перечислить одну и даже сто одну причину, почему я люблю его.

Между нами есть связь и каждый раз, когда мы смеемся, ссоримся или целуемся она только крепнет... Беспокойство прожигает меня изнутри, когда его нет рядом.

Мне спокойнее, когда мы вместе.

Он служит в армии, я знаю. Я не скоро вновь его увижу. Может быть, он сможет отпроситься летом в увал, а может нет. Это не важно. Будь, что будет.

— Иди сюда, — сказал Эйви.

Я посмотрела на маленькое пространство между нами, на подлокотники и подстаканники.

— Эмм... Эйви, куда ты хочешь, чтобы я пришла? Здесь не так уж много мест.

— Ты умная. Догадайся.

Не спрашивайте, почему мой пленник осмелился приказывать мне. Сейчас я совсем не против. Я полностью его поддерживаю.

Я перелезла подлокотники и удобно устроилась на его ногах.

— Я эгоист, — сказал Эйви. Его темно шоколадные глаза пристально смотрели в мои глаза. — Я не хочу тобой делиться, — он наклонился и что-то сказал на иврите, что было очень похоже на ругательство. — Мое же самолюбие ударило по мне, когда я узнал, что ты целовалась с Нейтаном. Я оставил тебя, потому что ты ранила мое самолюбие.

Я наклонила голову, чтобы он мог видеть мое лицо.

— Если ты сможешь простить меня, я смогу простить тебя... и твое самолюбие. Я просто хочу провести с тобой каждую секунду, пока ты не уехал в Израиль.

— А после? Что будет с нами? Я три года буду на службе, кто знает, что может случиться.

— Эйви, я не хочу расставаться.

— Я тоже. Как насчет того, чтобы не думать и не говорить о наших отношениях, пока я не вернусь из армии?

Не думай и не говори. Справедливо.

— Sababa. Значит, я могу называть тебя своим парнем, а не-моим-парнем?

Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— Так точно.

— Нам нужно заключить контракт? Пожать руки?

— Как насчет того, чтобы заключить наше согласие поцелуем? Никаких отвлекающих маневров.

Мы одновременно наклонились и в тот момент, когда наши губы почти соприкоснулись, зазвонил мой телефон.

— Ты не собираешься ответить? Это твой отец.

Наклонив голову на бок, я прошептала в его губы:

— Не отвлекаться, помнишь?

Не обращая внимания на постоянные звонки, мы нежно целовались, как в первый раз. Наш поцелуй был сладок и медлен, страстен и голоден, словно ожидая, что наш пыл усилится.

Прижимаясь губами к его губам, я ласкала руками его лицо, медленно спускаясь к твердой груди, изучая его тело, в то время как он все еще был прикован наручниками.

— В один прекрасный день мы сделаем это в другом месте, и уж точно не в машине, — сказал Эйви. Его голос и дыхание стали намного тяжелей, чем прежде. Поверх его рубашки я почувствовала, как его сердце забилося быстрее. Я улыбнулась, понимая, что он хочет меня так же сильно, как и я его.

Пододвинувшись ближе к нему и наклонив сиденье в лежачее положение, я понимала, что играю с огнем. Я так прекрасно себя чувствовала, что не хотела останавливаться. Постановывая заполнили машину. Даже не знаю, кто стонал: я или он.

Эйви прижался губами к моей шее, облизывая и целуя меня. Пока он прокладывал дорожку поцелуев к вырезу моей кофты, мои пальцы, лаская, изучали его тело.

Эйви придвинулся ближе, и неожиданно его руки легли на мою талию и, поглаживая, поднялись к моим волосам. Его дыхание стало тяжелым и прерывистым, а глаза были настолько пронзительными, что у меня перехватило дыхание.

— Ты освободился от наручников? — прошептала я, чувствуя слабость от его поцелуев, нежных прикосновений рук и слов.

— Да. На них была специальная кнопка, — сказал он между поцелуями.

Я отстраняюсь.

— Когда ты успел ее найти?

— Через десять секунд после того, как ты их надела, — он аккуратно убрал волосы с моего лица. — Самое забавное то, что тебе не нужно надевать на меня наручники, чтобы удержать. Я твой и без них.

Я притянулась к нему, и мы вместе продолжили изучать друг друга, пока наши тела двигались в едином ритме.

— Я хочу забыть, насколько ты неопытна, — простонал он мне в ухо.

— Так научи меня, — попросила я. Прикусив губу, я расстегнула верхние пуговицы моей рубашки.

— Посмотри на меня, — попросил Эйви.

— Зачем?

— Так я смогу увидеть твои глаза.

Взгляд Эйви полностью сосредоточился на мне, а не на оставшихся расстегиваемых пуговицах. Мои руки дрожали. Но я так и не поняла, от холода или от нервов.

— Ты слышала, что твой отец сказал о сексе? Разве он не предупредил, что все парни хотят только одного?

— А ты? Эйви, ты тоже только одно и хочешь? — я распахнула полы рубашки, обнажив лифчик.

— Честно говоря, сейчас мое тело только об одном и думает.

— Как и мое. Ты снимешь свою рубашку?

Когда его руки потянулись к подолу рубашки, он напряженно сказал:

— Твой отец убьет меня, — стянув рубашку, он бросил ее на водительское сиденье, но его глаза никогда не покидали моих глаз.

Его пальцы пробежались по моему животу, и я почувствовала покалывание.

— Ты в порядке? — серьезно спросил он.

Улыбнувшись, я кивнула.

— Я обязательно скажу, если передумаю.

Когда я наклонилась, чтобы ближе прижаться к нему, он схватил меня за подол рубашки и притянул к себе.

— Твое тело... прекрасно.

Его руки, словно огонь, испепеляют мое тело своими прикосновениями. Я наклонилась к его груди, слушая, как его сердце бьется так же неистово, как и мое. Его руки переместились выше, лаская мои волосы, обнаженную спину и грудь.

Я снова вернулась к его губам, а мои новые и замечательные чувства вскружили в моем воображении. Я понимаю, что еще не готова к сексу, но я готова испытать нечто большее.

— Эйви, — простонала я. В моем голосе переливчато звучала вся гармонь чувств, что я испытываю. — Я хочу...

Поняв мою мольбу, он мгновенно переместился, и мое тело оказалось под ним.

— Ауч...

— Что? Что такое? — я сделала что-то не так? Причинила ему боль?

— Я ударился головой о зеркало.

— Кажется, мне в спину впивается ремень безопасности, — пожаловалась я. Или, быть может, это наручники. А может все вместе. Я лишь понимаю, что нам обоим неудобно.

Он соприкоснулся лбом с моим и разочарованно простонал, пытаясь вытянуть ноги так, чтобы они не врезались в мои. Кажется, его левая нога поместилась под рулем, но я не

уверена.

Мои руки покоились на его плечах, ноги застряли где-то на приборной панели, а локоть Эйви попал в подстаканник. И конечно, в этот самый неудобный момент вновь зазвонил мой телефон.

— Это не сработает, не так ли? — спросил он.

Посмотрев на нашу позу, я почувствовала неловкость.

— Кажется, ты прав, — разочарованно сказала я.

Он наклонился к заднему сиденью, достал телефон и протянул его мне.

Раскрыв его, я ответила:

— Привет, Аба.

Эйви изогнулся и, наконец, смог сесть на водительское место

— Ты в порядке? — рявкнул папа на том конце линии.

— Да, — даже более, чем.

— Тогда я убью тебя. Где ты? Я бес передышки звоню тебе. Зачем тебе телефон, если ты не отвечаешь на звонки?

— Я не слышала телефон, — солгала я, прервав его гневную тираду. — Должно быть, здесь плохо ловит связь, — это самая идиотская отмазка, но это все, что я могу придумать сходу.

— Где ты? Я спрашивал у Нейтана, но он молчит, как партизан. Ты попала в какую-то передрагу?

— Я с Эйви, — честно призналась я, откинув наручники на заднее сиденье, чтобы они не впивались в спину.

— Я думал, он остановился у друга в Северо-Западном общежитии. Ты сказала, что между вами все кончено.

— Так и было... но мы помирились. Он вернется домой и останется вместе с нами, — я посмотрела на Эйви, надеясь, что он и впрямь вернется к нам и пробудет со мной до конца отлета.

— Он рядом с тобой?

— Да.

— Вы одни?

Я осмотрела пустую стоянку, безлюдный пляж и замерзшее озеро Мичиган.

— Да.

— Дай трубку Эйви. Немедленно.

— Аба, не позорь меня.

— Позволь мне поговорить с ним. Эми, если ты не передашь ему телефон, я отберу у тебя мобильник, компьютер и машину, и этот парень не останется в моем доме. Я ясно выражаюсь?

Когда мой папа начал что-то бубнить про убийство, я протянула трубку Эйви.

— Он хочет поговорить с тобой.

— Ken, — сказал он.

Да.

Я услышала только отрывок беседы, но ничего не поняла, ведь они говорили на иврите.

— Ani shomer aleha. Ken. He beseder. Ken, ani rotze lishmor all koll chelkay hagouf sheli."

— Что он говорит? — прошептала я Эйви.

Он закрыл рукой микрофон.

— Он перечисляет список частей моего тела, которые подправит, если я воспользуюсь тобой.

Я закрыла рукой глаза. Боже, мой папа может отвадить от меня любого парня, даже командоса Армии обороны Израиля.

— Ron, ta'ameen li... ani ohev et habat shelcha ve lo ya'aseh doom lif goah bah.

После последней фразы Эйви на обоих концах линии повисло молчание, и я почувствовала сквозившее напряжение между двумя самыми главными мужчинами моей жизни.

— Beseder, — сказал Эйви.

— Beseder, — повторил он.

— Beseder, — вновь повторил он.

Неизвестность убивает меня.

— Что значит beseder?

Вместо ответа он завершил вызов и бросил телефон на заднее сиденье.

— Это значит "хорошо" или "отлично".

— Он и правда угрожал тебе?

— Особенно после того, как я сказала, что люблю тебя.

Мое сердцебиение участилось.

. — Ты сказал ему, что любишь меня?

Он кивнул.

Наклонив голову, я с улыбкой сказала:

— Ты должен признаться в любви девушке, а потом уже ее отцу. Если бы мы жили в старые времена, тебе бы пришлось отдать отцу овец, подарки и золото, чтобы получить разрешение на брак.

— Моя семья владеет половиной овец в общине, — сказал он, подняв брови. — Как смотришь на то, если я предложу нашу половину твоему отцу?

Я провела в общине все лето. Мой дядя владеет другой половиной овец.

— Это очень много овец. Откуда тебе знать, что я стою этого?

Эйви посмотрел мне в глаза.

— Ты стоишь этого, Эми, — сказал он, обнимая меня. — Поверь мне, жизнь с тобой будет похожа на приключение, — прошептал он.

Когда я собралась притянуть его ближе к себе, он начал застегивать мою рубашку.

— Что ты делаешь?

— Застегиваю твою рубашку, — ответил он, ловко управляясь с моими пуговицами.

— Зачем?

— Я не хочу рассказывать нашим детям, что признался тебе в любви на заднем сиденье машины.

— Мы на переднем сиденье.

— Да, точно... и как бы сильно я не думал, что смогу убедить твоего отца и дать ему много денег, я бы предпочел не переходить ему дорогу.

Эйви надел рубашку, скрыв свои потрясающие мышцы и рельефную загорелую грудь, которые как я когда-то себя убеждала, меня ни капельки не впечатляют. Совсем-совсем.

— Давай прогуляемся по пляжу.

Я посмотрела на улицу, где бродил холодный ночной воздух штата Иллинойс.

— Там холодно.

— Будь рядом со мной, и я согрею тебя.

Мы вышли из машины, и Эйви обнял меня. Пока мы прогуливались по темному песчаному пляжу я поняла, что он прав: его объятия согревают меня даже холодной ночью. Спустя несколько минут Эйви остановился, повернулся ко мне и взял мои руки в свои.

— Эми, — начал он с полной серьезностью в голосе.

В моих глазах плещутся все эмоции. Он собирается сказать это. Я знаю, для него это очень трудно. Его брат умер во время бомбардировки, и Эйви до сих пор боится выказывать свои эмоции.

Он закрыл глаза, словно пытался подобрать нужные слова.

— Подожди здесь, — он взял ключи и побежал к машине. Вернувшись, он протянул мне телефон.

— Прослушай почту.

— Зачем?

— Просто прослушай.

Я вошла в почту. Первое сообщение было отправлено в пять часов... до того, как я похитила его.

— *Привет, Эми, это Эйви. Я... я очень много думал об этой неделе и вся правда в том, что я... я скучаю по тебе. Очень сильно. Меня убивает, что ты не рядом со мной. Я пойму, если ты не захочешь мне перезвонить или вновь со мной увидеться. Я сбежал как раненное животное, но... если вдруг в твоём сердце... или мыслях... есть хоть малейший шанс простить меня за мое огромное самолюбие, размером с высоту Сирс-Тауэр, что я посетил вчера, то я прошу... я прошу перезвонить на этот номер... это телефон Тарика.*

Я нажала на телефоне девять и повернулась к нему.

— Как это мило, — для меня это много значит, ведь он позвонил мне до того, как я похитила его.

— Не торопись, прослушай дальше.

Еще одно сообщение? Я поднесла телефон к уху, чтобы прослушать еще одно сообщение.

— *Это снова Эйви. Говорил ли я тебе, что твои глаза — настоящее витражное зеркало? Эми, в твоём взгляде отражается душа. Твои глаза темнеют, когда ты пытаешься быть сексуальной, а когда ты улыбаешься, они сияют.*

Когда ты думаешь, что попала в беду, ты моргаешь в два раза быстрее, чем обычно. Когда тебе грустно, ты хмуришься. Я скучаю по твоим глазам. Я не хочу, чтобы твои грустные глаза стали моим последним воспоминанием о тебе.

Сохранив два сообщения, я посмотрела на Эйви.

— Есть еще одно сообщение, да?

Он кивнул.

Я нажала кнопку, чтобы прослушать еще одно сообщение.

— *Это Эйви. Я хочу тебе кое-что сказать. Но не потому, что я жду взаимности, — он глубоко вздохнул. — Я... я люблю тебя. Но не той ветряной любовью, а настоящей, что на всю жизнь. Даже если ты мне не перезвонишь. Даже если тебе нравится этот Нейтан или кто-то другой. Мы можем остаться друзьями. Или кем-то больше. Просто... перезвони мне.*

Я нажала на кнопку.

Кажется, он вот-вот начнет грызть ногти, настолько он был смущен.

— *Говорил ли я тебе, что впервые встретившись с тобой, я испугался своих чувств? Я испугался. И мне до сих пор страшно, потому что сейчас я хочу провести с тобой всю свою жизнь. Эми, как долго длится "навсегда"?*

Я закрыла телефон.

— Ты не хочешь прослушать остальные сообщения?

Я положила телефон в задний карман, а в моих глазах застыли слезы.

— Нет.

Я прослушаю их позже, когда останусь наедине в своей комнате. Я хочу услышать его голос перед сном.

Сейчас я лишь хочу остаться с моим парнем наедине и насладиться вместе с ним тем небольшим количеством времени, что у нас осталось.

— Эйви?

— Да.

— Теперь мы должны сказать нашим детям, что ты признался мне в любви по телефону. Он лучезарно улыбнулся, а потом засмеялся.

— Тогда как насчет этого... — он с легкостью поднял меня на руки и аккуратно положил на песок.

Должна признаться, меньше всего меня беспокоит песок в волосах и дизайнерской одежде, нежели слова Эйви.

Наклонившись ко мне, он взял мои руки в свои и переплел наши пальцы.

— Я люблю тебя, Эми Нельсон-Барак. С тех самых пор, как я увидел тебя, я не могу отвести от тебя глаз.

С тех пор, как мы впервые поговорили с тобой, я не мог перестать спорить с тобой. С тех самых пор, как мы впервые с тобой поцеловались, я не могу перестать целовать тебя. И с того самого момента, как мы разделили наши надежды, страхи и неуверенность, я не могу разлюбить тебя.

О Боже, это прекрасно.

Неужели скоро уже вторник?

Король Соломон не попросил у Бога богатства или долгих лет жизни. Он попросил мудрости и знаний.

Честно признаюсь... я намного эгоистичней царя Соломона. На следующей неделе в Abercrombie & Fitch начнется распродажа, так что...

□□□

Когда мы вернулись домой, на часах уже было полночь. Нам нужно было забрать вещи Эйви из спальни Тарика в общежитии Северо-Западного университета перед возвращением домой, где нас ждал мой хмурой отец, словно он был могучим львом, ожидающим возвращения своего драгоценного львенка с первой охоты.

Мой папа сидел на кухонном стуле перед входной дверью и поэтому его хмурое лицо было первым, что мы увидели, когда вошли. Его волосы были взъерошены, словно он уже тысячу раз успел провести по ним руками.

— Привет, Аба, — сказала я, поцеловав его в щеку, надеясь развеять напряженную атмосферу. Радостный Мутт прыгал вокруг меня, энергично виляя хвостом. Я его погладила, а потом вновь взглянула на моего хмурого отца.

Его взгляд метнулся к Эйви, который стоял в дверях с рюкзаком в руках. Настало времечко.

Я положила сумку на стол, спрашивая себя, как долго эти двое будут неотрывно смотреть друг на друга.

— Эйви, почему бы тебе не зайти, пока я расстелю тебе кровать?

Эйви смотрел отцу в глаза, ища разрешение. Ох, нет. Кажется, в этот момент он действительно готов ударить его.

Интересно, кто-нибудь собирается сказать хоть слово? Или мои мужчины так и будут смотреть друг другу в глаза, пока один из них не отведет взгляд? Они как собаки, мечущие территорию.

— Если бы ты любил мою дочь, ты бы привез ее домой в пристойное время.

Эйви открыл рот, будто хотел что-то ответить, но потом закрыл. Кажется, мой папа доволен молчаливым ответом Эйви, как-будто он не ждал ответа.

Я направился к шкафу в коридоре, чтобы взять простыни. Мне слишком стыдно наблюдать за сценой, как мой отец пристыжает моего парня, а я не могу ничего исправить.

Когда я вернулась в гостиную, все изменилось. Эйви сидел на диване, а отец перенес стул из кухни в гостиную. Он сидел напротив Эйви и сурово смотрел на него.

Пока мы с Эйви стелили кровать, выражение лица моего отца ни на секунду не изменилось, он даже не вздрогнул. Когда мы клали подушки, наши руки слегка соприкоснулись. Я бы не удивилась, если бы папа сказал, что от нашего касания в воздухе засверкали искры.

— Время спать, — рявкнул отец, как только мы расстелили кровать.

Переодевшись в пижаму в своей комнате, я прошла мимо Эйви, когда направилась в ванную комнату, чтобы почистить зубы и умыться.

Взглянув в зеркало, я увидела счастливую девушку, которая была довольна своей жизнью. Она еще не идеальна, но я стараюсь исправить ее.

Выйдя из ванной, я заметила, что папа перенес стул в коридор, поставив его между

дверью моей спальни и гостиной, где спал Эйви.

— Аба, как долго ты собираешь здесь просидеть?

— Всю ночь.

Я не могу злиться на него. Он волнуется за меня и пытается быть образцовым отцом.

И ко всему прочему, мы живем вместе только несколько месяцев, и он все еще пытается привыкнуть к дочери-подростку. Наверное, он гадает, что же сказать моей маме, если вдруг она решит расспросить его обо мне.

Если учесть, что в прошлом году я даже не хотела с ним разговаривать, я понимаю, почему он уселся посреди коридора, но и то, что он так просто не отступится.

Пройдя мимо него, я сказала:

— Я хочу пожелать Эйви спокойной ночи. Нужно ли мне твое одобрение?

— Зависит от того, как долго вы будете желать друг другу спокойной ночи, — он встал со своего поста, чтобы проследовать за мной.

Что ж, в моей пьесе три героя. Не так то и легко пожелать парню твоей мечты спокойной ночи, когда за твоей спиной стоит отец.

— Спокойной ночи, Эйви, — робко сказала я, когда вошла в комнату. Как бы мне хотелось, чтобы мы вновь очутились на пляже... без надзирателя за нашими спинами.

Эйви сидел на диване в коротких свободных шортах и... более на нем ничего не было.

Как бы сильно я ненавидела, когда люди палятся на мою грудь, мне было тяжело смотреть ему в глаза. Зуб даю, он специально разделся, чтобы соблазнить меня.

Но в эту игру могут играть двое.

Сейчас я не могу ничего сделать, но завтра я подразню его короткой кофточкой с декольте. Посмотрим, как он на это отреагирует.

На его лице сияет огромная улыбка. Он даже не догадывается, что я задумала.

— Lyla tov, Эми, — сказал Эйви, пожелав мне "доброй ночи" на своем родном языке.

Я бы многое ему хотела сказать, но только не при моем надзирателе, поэтому я просто развернулась и направилась в свою комнату. Мимолетный взгляд в сторону Эйви подсказал мне, что нам не нужны слов, он и без слов прекрасно понимает мои чувства.

— Аба, неужели ты не понимаешь, что ставишь меня в нелегкое положение?

— Эми, неужели ты не понимаешь, что мне наплевать?

Я закатила глаза. Когда я легла в кровать, меня мучил вопрос, как долго папа просидит посреди коридора. Надеюсь, он заснет на стуле и растянет шейные мышцы.

Я свернулась под одеялом, в надежде обнять Эйви, а не моего плюшевого медвежонка.

Осталось две ночи до отъезда Эйви. Как мое сердце может не разбиться на миллион маленьких осколков? Как я смогу сегодня заснуть, когда я так сильно взволнована?

Я мысленно прокрутила события сегодняшнего вечера, сосредоточившись на словах "я люблю тебя", и перепрыгнув безумно неловкую ситуацию в общежитии Северо-Западного университета.

Эти моменты могут как пушинка вылететь из моей головы.

Интересно... все ли хорошо у Джесс, Нейтана и Миранды?! Говоря начистоту, сегодня я их киданула.

Сарра родила на свет Исаака когда ей было девяносто, а ее мужу, Аврааму, сто лет (Бытие, 17:17).

Надеюсь, у моих родителей не будет детей в столь пожилом возрасте.

□□□

Люблю выходные. Особенно, когда нет никаких домашних заданий, а мой парень рядом со мной.

Утром я надела очень маленький черный топик с большим декольте. Мы с Джесс купили такие топики прошлой зимой, когда они были последним пискom моды, но мы слишком стеснительные, чтобы одевать их на улицу.

Во время завтрака я устроила целый спектакль: я наклонилась, чтобы залить хлопья Эйви молоком, но он не отреагировал, упорно упершись взглядом в тарелку с едой. А я продолжала подавать ему различные вкусняшки: хлеб, хумус, апельсиновый сок. Он смотрел мне в глаза, но никак не на мое декольте. И что с ним делать?

Когда папа вошел в кухню, он посмотрел на меня и тут же прикрыл глаза рукой.

— Эми, где продолжение твоей кофты?

— Это все.

— Эм... нет. Нет. Нет. Нет. Она не прикрывает... твоего тела, — он указал не Эйви. — Закрой глаза, — прикрывая глаза, папа указал на меня. — Вернись в комнату и одень что-то БОЛЕЕ консервативное. Что-то, что прикроет женские изгибы.

Плечи Эйви задрожали. Кажется, поперхнулся хлопьями, пытаюсь сдержать смех.

Расстроенная из-за краха своей затеи, я посмотрела на моего парня.

— Разве ты не заметил, что моя грудь едва ли не вываливается?

Эйви растерянно посмотрел на меня, а потом на отца.

— Эм... мы не должна разговаривать об этом при твоём Аба!

Мой папа вскинул руки, остановив разговор.

— Этого разговора вообще не должно было быть. Эми, я звоню твоей матери. Иди переоденься. Это в моей юрисдикции.

Когда я переоделась, мне пришлось выслушивать, как мама и папа разговаривали обо мне целых пятнадцать минут.

— Эми, я заметил, — сказал Эйви, когда я плюхнулась на край кухонного стола.

— Ты даже не посмотрел на них, — укорительно сказала я.

— Я не знал, что ты хочешь от меня.

С этими словами он покинул меня. Обычно я ненавижу, когда люди пялятся на мою пышную грудь, которой меня "благословил" Бог (слова моей матери, не мои). Эйви знает это. Я знаю, что я смешна и во всем этом нет абсолютно никакого смысла.

— Если это поднимет тебе настроение, то когда ты отвернулась, я не мог оторвать от них глаз.

И несмотря на то, что этот разговор был очень смешон, я продолжила:

— Спасибо, Эйви.

Он улыбнулся своей фирменной полуулыбкой.

— Это все sababa.

— Да, точно.

После того, как моя мама провела со мной "воспитательную" беседу по телефону, объяснив, что некоторые части тела стоит скрывать, я отвела Эйви в Музей Науки и Промышленности. В мой любимый музей, где больше всего я люблю экспозицию мертвых детей. На самом деле она называется выставка новорожденных, где наглядно демонстрируются эмбрионы и плоды в формальдегиде. Меня всегда восхищала эта выставка: там можно увидеть, как жизнь зарождается из маленького пятнышка и заканчивается реальным человеком. Одним словом чудо.

Там ты можешь вновь поверить в Бога.

Я думала, Эйви будет скучно смотреть на мертвых детей, но когда я взглянула на него, я увидела, что он не может отвести взгляд от экспозиций. Я знаю, он чувствует тоже, что и я. Всякий раз, когда я изучаю этапы развития жизни, мое сердце разрывается по детям, которые никогда не вырастут. Они потеряли жизнь раньше, чем она началась. Они сделали многое для жизни людей, больше, чем многие люди за свою жизнь и безусловно больше, чем сделала я за свои шестнадцать лет. Они сделали людей более образованными; они показали, как развивается жизнь в утробе матери и даже немного приблизили людей к Богу.

Эйви взял меня за руку, и мы, держась за руки, изучали каждый этап развития жизни и плоды в формальдегиде. Все экспонаты помечены как "мужчина" и женщина" (и даже близнецы помечены) и сколько им недель.

Эйви прислонил руку к стеклу прямо напротив зародыша, который кажется полностью развитым, за исключением того, что он очень маленький.

— Я никогда не видел ничего подобного.

Я знаю, у большинства это не самая любимая выставка и, по правде говоря, от нее волосы дыбом встают. Но я счастлива, что поделилась этим с Эйви, и он так же сильно впечатлен, как и я. Может, однажды...

Я посмотрела на Эйви. Он улыбался. Могу с уверенностью вас заверить, он думает о том же самом.

Во второй половине дня я захватила Мутта, и мы вместе поехали к моей маме. Я не могу отпустить Эйви обратно в Израиль, но познакомив его с остальными членами моей взрывной семейкой, хотя я не совсем уверена, как мама и Марк отреагируют на его общество. И сейчас, когда мы посетили выставку новорожденных в Музее Науки и Промышленности, я надеюсь, что он не испугается моей беременной мамы.

Как только моя мама увидела Мутта, она сказала:

— Тебе обязательно нужно было брать с собой *животное*?

— Мам, у тебя есть дворик, где он может погулять. Он любит твой сад.

С тех пор, как я начала выгуливать Мутта на поводке в собачьем парке, чтобы он не натворил дел с другой собакой, мамин дворик стал для него самым настоящим Городом Свободы.

— Эми, в последний раз ты не убрала за ним все отходы, и Марк после тебя нашел маленький подарок.

Мутт, негодник!

— Прости, мам, — я попыталась искренне извиниться, хотя в глубине души думаю, что это Божья кара. V'shert, верно?

— Ты не передо мной должна извиняться, а перед Марком.

После того, как я выпустила Мутта свободно побегать по дворику, мама сказала:

— Полагаю, ты Эйви.

Эйви обворожительно улыбнулся, очаровывая мою маму, и протянул ей руку. Мое сердце трепетно екнуло в груди, потому что я знаю, он старается для меня, ему важно понравиться моей маме. И, быть может, потому что вчера вечером он подорвал доверие моего отца и теперь перед отъездом он хочет завоевать симпатию моей мамы. Умный парень.

— Итак, сколько же тебе лет? — спросила мама, поправив свои модно подстриженные короткие светлые волосы. Если бы я ее не знала, я бы подумала, что она пытается закодрить Эйви.

Эми, не препирайся с ней. Она не будет специально смущать тебя. Подожди, не вмешивайся, пока она не достала твои детские фотографии голышом.

— Восемнадцать, — ответил Эйви.

— И ты на службе в Израильской армии?

— Да.

Мама села за кухонный стол и спросила:

— Тогда... что ты здесь делаешь?

— Мам, он обучается на командоса, — вмешалась я. — Он не может рассказать тебе, что делает каждый день.

— Стреляешь ли ты из оружия?

Эйви посмотрел на меня, на маму, а потом вновь на меня.

— Когда это необходимо.

Мне нужна Соса-Сола. Это трудней, чем я думала. Я открыла холодильник, но там не оказалось колы... ни лайт, ни вишневый, ни ванильной. Даже колы без сахара.

— Эм... Мам, где Соса-Сола?

— Ее нет. Она вредна для здоровья ребенка, — сказала она, поглаживая живот.

Наблюдая, как мама поглаживает живот, я вспомнила о выставке новорожденных, которую мы сегодня посетили. Впервые я представила, как сейчас выглядит мой братик или сестренка. Размером с мой кулак... или даже меньше.

Когда Марк заглянул на кухню, я познакомила его с Эйви, и они пожали друг другу руки.

— Ты играешь в гольф? — спросил Марк, чихнув в платок, который держал в руке.

— Нет. Футбол — вот мой спорт, — сказал Эйви, посмотрев на меня. Я смущенно пожала плечами. Марк хочет забить несколько клюшек в саду, чтобы проверить свое мастерство? Или он отчаянно пытается завести мужской разговор на спортивную тему, или, что еще ужасней — устроить соревнование?

— Мальчики, почему бы вам не пойти посмотреть футбол по телевизору, пока Эми помогает мне накрыть на стол?

— Я могу помочь, — возразил Эйви.

— Шагом марш, — сказала я, мягко выталкивая его из кухни. Мне нужно немного времени наедине с мамой, чтобы посплетничать о нем.

Пока Марк с Эйви размещались в гостиной, мы с мамой поставили стол. Мама смотрела на меня и загадочно улыбалась, как-будто я только что обручилась или еще что похуже.

— Он очаровашка. Могу вообразить, как ты зациклена на нем.

Зациклена на нем? Я более, чем зациклена на нем. Я безвозвратно влюблена в него. И несмотря на то, что он сидит в другой комнате, я уже тоскую по нему. Не хочу думать о завтрашнем дне, когда мне придется отвести его в аэропорт и наблюдать, как самолет

уносит его прочь от меня.

глядя на свежий букет на столе, я спросила:

— Мам, сколько раз ты влюблялась?

— Сколько раз я думала, что влюблена или сколько раз действительно влюблялась?

— Как понять разницу?

— Пока тебя переполняют чувства, ты не поймешь. В старшей школе я была влюблена в Денни Петерсона; на последнем курсе мы были вместе.

— Что случилось с Денни?

— Я застучала его, когда он целовался с Шайлой Мидделтон под трибуной во время физкультуры. Думаю, он не любил меня так, как я его. А потом я встретила твоего отца.

В пронзительно голубых глазах мамы я увидела печаль.

— Мам, почему ты не вышла за него? Я знаю, он предлагал тебе руку и сердце, а ты отказалась.

Она оперлась руками о стол.

— Мои родители... твои бабушка и дедушка... не верили, что твой отец достоин меня. Он был иностранцем, мог бросить меня и вернуться в Израиль или уехать куда-то в другое место. Или жениться на мне только из-за гражданства, а потом бросить.

— Ты бы хотела, чтобы все было иначе?

Если бы мама вышла за папу во время беременности, мне бы не пришлось иметь дело с чихающим отчимом, и они бы не жили друг от друга в сотнях миль. Мы бы были единой семьей, а не ее подобием.

Когда она заговорила, ее голос был тих:

— Если быть честной... то нет. Между мной и твоим отцом никогда бы ничего не получилось. Он женат на своей работе, а мне нужен человек, который бы обращал на меня внимание. Марк подстраивает свой график под меня, а не наоборот.

Вместе с ее словами в моей груди погас маленький огонек надежды. Каждый раз, когда я задувала свечи на день рождения, бросала монетку в фонтан или сдувала ресничку с пальца я загадывала одно и то же желание — я хотела, чтобы мои родители были вместе. Сейчас я поняла, что всем моим надеждам и молитвам не суждено сбыться. В жизни есть вещи, которые нельзя изменить, и это один из таких случаев.

— Ты бы хотела, чтобы меня никогда не было? — в моем горле образовался ком.

Ее глаза широко распахнулись.

— Нет! Эми, я бы ни за что в жизни не променяла тебя.

— Мам, я твоя ошибка. Давай же признаем, ты не планировала забеременеть в колледже.

— Я просто не ждала тебя. Я никогда не смогла бы отказаться от тебя. Эми, когда я держала тебя новорожденной в руках, я сильно плакала... от счастья. Я не понимала, как сильно нуждаюсь в тебе, пока впервые не взяла тебя на руки. С того самого момента ты в моем сердце. Знаю, я не самая лучшая мать. Воспитывая тебя, я сама росла, совершая множество ошибок.

— Все мы совершаем ошибки, — и я тоже. Но я пытаюсь исправить их.

Поставит ли отец когда-нибудь женщину превыше своих должностных обязанностей? Да, возможно, когда ему будет сто лет и он будет вынужден сбавить обороты. Мне нужно выяснить, почему работа так важна для него и почему он поставил личное счастье на второе место.

— Эми, прости меня, — сказала мама, смотря на меня щенячьим взглядом, которым даже Мутт гордился бы. — Я бы хотела дать тебе семью, о которой ты всегда мечтала.

Я тепло улыбнулась и положила руки на ее.

— Мама, все хорошо. Впервые в жизни я понимаю.

Ужин с моей мамой и Марком был очень приятным. Так как маме из-за беременности нельзя суши, мы заказали тайские блюда. Марк всеми силами пытался поддержать разговор с Эйви, но Марк не самый лучший собеседник. Он как одержимый мог тараторить об одной и той же теме, в которой лучше всего разбирался. Например, о недвижимости. Он часами напролет мог говорить об элитной недвижимости Чикаго. Как жаль, что никто его не слушал.

После ужина мы с Эйви сели в машину и отправились обратно в город.

— Мы едем на пляж? — спросил Эйви. — Думаю, если мы вернемся так же поздно, как и вчера, твой отец и впрямь достанет Узи.

— Что такое Узи?

— Израильский пистолет-пулемет. Он был очень популярен во времена службы твоего отца.

Да, могу себе представить, как папа ждет меня у двери в своем любимом кресле с израильским пулеметом на плече, а не просто сердитым взглядом.

— Не-а. Мы едем в клуб. Летом ты познакомил меня с израильскими клубами, а сейчас настало время показать тебе наши клубы.

— Я думал, в Америке пускают в клубы только после двадцати одного.

— Да, но все более снисходительно. Да и при том при всем, я знакома с парнем, который играет в группе.

Авраам так сильно верил и боялся Бога, что чуть было не принес в жертву своего сына Исаака, потому что Бог повелел ему (Бытие, 22:22).

Авраам знал, что в конце по велению Божьему все случится как надо. Я тоже верю, что в конце концов Бог укажет мне верную дорогу.

□□□

Мы стояли в очереди, чтобы попасть в Dirty Nevin's, пока вдруг не появилась Джессика. Она вытащила нас из очереди и подвела ко входу. Джесс пролепетала что-то насчет того, что ее дядя ответственен за безопасность и заведует вышибалами. Мы подошли к полному вышибале, он вскользь посмотрел на Джесс, а после пропустил нас.

Я крепко держала Эйви за руку, пока мы пробирались сквозь толпу.

Миранда уже ждала нас за одним из столиков. Ее волосы были уложены в высокий хвост, а на лице был красивый макияж.

— Вау, Миранда, выглядишь потрясно!

Девушка улыбнулась так, словно выиграла в лотерею миллион долларов.

— Спасибо стараниям Джесс.

Я показала Джесс палец вверх, а потом села за столик.

Когда мы сели, я взяла Эйви за руку. Его рука уже искала мою. Посмотрев ему в глаза, я сглотнула, когда он мне подмигнул.

— Я рада, что у вас все хорошо, но если вы начнете ППП, клянусь, я выгоню вас из нашего столика, — сказала Джесс, указывая на наши сплетенные руки.

— Что такое ППП? — прошептал Эйви мне на ухо. Джесс закатила глаза, думая, что он нашептывает мне о том, как сильно меня любит и что не может жить без меня.

Наклонившись к нему, я положила руку ему на грудь и прошептала:

— Проявление Привязанности на Публике. Поцелуи, обнимашки и все такое.

Джесс оттянула меня от Эйви.

— Эми, мне нужно с тобой поговорить. Это важно. Конечно же, если ты можешь хоть на секунду оторваться от своего парня.

Виновато посмотрев на Эйви, я встала и позволила Джессике провести меня к уборным. Музыка громко грохотала, отдаваясь звоном в ушах, но мне нравится эта музыка. Сейчас мне все нравится, ведь я на седьмом небе от счастья.

Повернувшись ко мне, Джесс покраснела. По ее скованным движениям и позиции могу с точностью сказать, нам предстоит серьезный разговор.

— Эми, я влюбилась. Знаю, это странно, да и я не хочу пялиться на мир влюбленными глазами, как вы с Эйви, но мне кажется, что он — мой единственный. Мои родители будут порхать от счастья, когда познакомятся с ним, ведь он именно тот человек, которого они всегда желали для меня. Он еврей, израильтянин, замечательный и умный, он слаще булочки с корицей... он — настоящая мечта всех родителей.

Я подняла руку, молча спрашивая, что происходит. Слаще булочки с корицей? Израильтянин? Воплощение мечты?

— Джесс, единственные израильтянины, с которыми ты общалась — это Эйви и мой папа. Эйви занят, а мой отец... — я сконфуженно поморщилась.

— Эми, я не влюблена в твоего отца, — возразила Джесс, уперев руки в бока.

— Фуф! — я облегченно вздохнула. Я только что спасла себя от долгого психиатрического лечения.

— Я влюбилась в Тарика. В друга Эйви из Северо-Западного университета. После нашего неудавшегося похищения он отвез Миранду и Нейтана домой, а потом мы целый час болтали перед нашим домом, — я не могу остановить мою подругу, я даже не могу вставить хоть слово. Она как скоростной поезд без тормозов. Даже более того, она словно несущийся на всех парах поезд в обрыв. Мне нужно выслушать ее до конца, прежде чем сообщить ей плохие новости. — Эми, он очень умный. Не могу поверить, что ты познакомилась с ним летом и знала, что он приедет учиться в Северо-Западный университет, но так и не познакомила меня с ним. Я бы сомневалась в твоей преданности, если бы не была так безумно влюблена. Могла ли ты когда-нибудь поверить, что я влюблюсь с первого взгляда? Клянусь тебе, прошлой ночью я не могла заснуть, все думала о нем, а сегодня утром мне нестерпимо хотелось сделать ему сюрприз, придя к нему в общежитие. Эми, я испытываю к Тарику такие же сильные чувства, как и ты к Эйви.

— Джесс, у меня нет слов.

Джессика захихикала а-ля "я по уши влюбилась и не могу смеяться как нормальный человек". Боже, надеюсь я не веду себя так глупо перед Эйви. Тресните меня, если я опущусь до такого же. — О чем вы говорили целый час?

— Обо всем. О жизни, друзьях, семье.

— Джесс, не хочу тебя разочаровывать, но...

Как же мне ей сказать, что во-первых любовь с первого взгляда чушь собачья, а во-вторых он....

— Постой. Прежде чем ты мне скажешь, что я сошла с ума и посоветуешь мне спуститься с небес на землю, я хочу узнать его фамилию. Боже, я не знаю фамилию моего будущего мужа.

— Мусульманин.

Джесс непонимающе склонила голову на бок.

— Тарик Мусульманин? Это не еврейская фамилия, это религия. Эми, прекращай издеваться и скажи мне его настоящую фамилию, пока я не разозлилась на тебя.

— Джесс, он мусульманин, — медленно и серьезно проговорила я. Мне жаль, ведь я опарашила ее. В булочке с корицей есть изюм, а она надеялась, что все так просто.

— Эми, ты же говорила, он израильтянин.

— Нет. Я сказала, что он друг Эйви из Израиля. Мне очень жаль, но как бы сильно он тебе не нравился, твои родители сойдут с ума. В особенности папа. Разве он не возглавляет мужской клуб в синагоге? Согласна, Тарик привлекательный парень. Но, Джесс, твои родители хотели, чтобы ты познакомилась с милым евреем, и я уверена, его родители хотят, чтобы он познакомился с милой мусульманкой.

Мне не стоило так резко говорить. За считанные секунды моя подруга превратилась из счастливой девушки в печальную. Бросить вызов моей подруге — это страшно.

— Он пригласил меня погулять в субботу вечером, — как ни в чем не бывало сказала она.

О Боже.

— И?

— И конечно же я согласилась. Черт, — в ее глазах застыли слезы. Развернувшись, она вбежала в женский туалет, оставив меня одну на перепутье: мне, как хорошей подруге,

нужно пойти за ней или же вернуться к своему парню, который, должно быть, думает, что я кинула его.

Я заглянула за угол, чтобы посмотреть, что делает Эйви. Он вышел из-за столика и сейчас разговаривает с парнями у бара.

Я решила повести себя как настоящая хорошая подруга в надежде, что Эйви сможет себя развлечь еще пять минут.

Когда я вошла в туалет, я увидела Джесс, окруженную девчонками из школы. Они наперебой спрашивали, что случилось. Митч безжалостно бросил ее, а парень ее мечты навсегда под запретом для нее. Джессика два раза в неделю ходит в еврейскую школу выходного дня, а летом уезжает в Висконсин, чтобы провести месяц в еврейском лагере.

Излишне говорить, что это укоренилось в ее голове, ведь с самого детства Джессике внушали, что она должна выйти за еврея. Ее дети должны быть евреями, а ее обязанность — это поддерживать еврейские традиции и обычаи.

Но я никогда не теряю надежду. Должна же быть какая-то лазейка; лазейка, благодаря которой Джесс и Тарик смогут быть вместе, а ее бабушка Перл не попадет в дом престарелых раньше времени.

Джессика отошла от девочек.

— Я в порядке, спасибо.

Она попыталась убедить их, что все в порядке, но ничего не получилось. Хотя бы потому, что ее тушь потекла, словно темные ручейки пепла.

Я растолкала всех со своего пути и, подойдя к Джесс и нежно взяв ее за подбородок, спокойно сказала:

— Джесс, не плачь. Я уверена, если ты все объяснишь родителям, никаких проблем не возникнет. Вот увидишь.

Отведя меня в сторону подальше от всех, она сказала:

— Нет. Ничего не получится. Эми, всю семью моей матери убили в Холокосте. У моего прадеда вся рука покрыта татуировками с момента, когда он попал в Концентрационный лагерь. Память, которую ничем не выжечь. Стоит мне лишь упомянуть в его присутствии имя не еврейского мальчика, как я чувствую себя виноватой.

Я до сих пор верю, что Бог присмотрит за Джессикой и позаботится о ее судьбе. Я всей душой верю. И я верю, что всегда в жертву можно преподнести что-то другое.

Джесс вытерла глаза, стараясь успокоиться. Взяв бумажное полотенце, она подошла к зеркалу и увидела в отражение ужасные черные ручейки туши.

— Эми, взгляни на меня. Я не могу выйти в таком состоянии.

— Но мы должны выйти. Нейтан ждет нас.

По ее лицу потекли слезы, и она вновь повернулась ко мне.

— Эми, Тарик сказал, что был бы счастлив пойти со мной на бал в честь дня Святого Валентина. Он заслуживает этого. Когда я рассказала ему, как давно не ходила на свидания, он тут же пригласил меня. Прямо перед моим домом. Мы разделили этот момент. Я знаю, это настоящее сумасшествие и безумство, но мы сделали это.

Момент? Она шутит? Это был момент похоти, а не любви.

О Боже. Я знаю, как сильно она хочет пойти на бал. Не из-за танцев. И не из-за любви. Она хочет почувствовать себя нужной и желанной.

Я должна остановить ее, прежде чем она вновь взглянула бы в зеркало, но у меня ничего не получилось. Она вытерла еще одну струйку туши, и я увидела в ее глазах поражение.

— Я иду домой. Скажи Нейтану и Миранде, что мы увидимся завтра в школе.

Она прошла мимо меня к выходу. Я не попыталась остановить ее. Я ее лучшая подруга, и кому как не мне знать, что ее не переубедить. Да и к тому же, что я могу ей сказать? Я не могу сказать, что Тарик плохой парень, ведь это ложь.

Кстати говоря о хороших парнях, я надолго забросила своего парня. Выйдя из туалета, я осмотрела помещение и заметила Эйви вместе с Мирандой за столиком. Их окружила группа людей, и они все вместе смеялись и разговаривали. Две девушки, которых я никогда не видела, сидели рядом с Эйви и активно флиртовали с ним: одна постоянно перекидывала волосы через плечо, а другая облизывала губы. Мой защитный радар включился — ладно, моя ревность включилась, — и я, высоко подняв грудь, быстро начала пробиваться сквозь толпу. Меня тянуло к моему парню как магнитом.

Девушка, постоянно перекидывающая волосы через плечо, рассказывала Эйви о своем путешествии в Израиль два года назад и о том, как она до смерти хочет вернуться обратно. Мне было трудно расслышать все детали истории, так как музыка играла слишком громко, а я встала позади Миранды, потому что рядом с моим парнем нет свободного места.

Девушка, облизывающая губы, засмеялась, вновь облизав свои губы. Думаю, она не раз тренировалась делать это перед зеркалом. У нее пугающе хорошо это получается. Эйви так заинтригован историей, что даже не заметил меня.

Миранда посмотрела на меня.

— Майя рассказывала нам о своем путешествии в Израиль. Она провела целую неделю в Гадне. Это военно-тренировочный лагерь.

Ох, великолепно. Облапавательница волос Майя может болтать об оружии с моим парнем командосом. Я не очень хорошо себя чувствую. Возможно, мне стоит последовать примеру Джессики и отправиться домой.

— Я тоже была в Израиле, — выпалила я.

Я не знаю, что более сказать. Я не была в военно-тренировочном лагере в Израиле и у меня нет шикарных волос, которые я бы могла перекинуть через плечо, и они бы блестели, словно я только что посетила салон красоты.

Эйви, обратив на меня внимание, слегка улыбнулся. Девушка, вечно облизывающая губы усмехнулась, посмотрев на меня, а девушка их салона красоты спросила:

— Ты была в Таглите или Шорапиме?

— Ни там, ни там. Я ездила с отцом... он израильтянин.

— Ох, — вздохнула она, а потом ее подруга пустилась в рассказ о своем путешествии в Ирландию к своим корням.

Пока все рассказывали о своих путешествиях, Эйви вытянул руку, обнял меня за талию и притянул меня к себе.

— Здесь нет свободного места, — заявила я.

Он подвел меня к своим коленям и сказал:

— Здесь есть для тебя местечко, — он дотронулся до плеча Облапавательницы волос, и я уже было задалась вопросом, не собирается ли он поболтать об оружии, как он сказал: — Это моя девушка, Эми.

Мое сердце трепетно екнуло, когда Эйви представил меня девушке, которая явно имела на него свои виды. Она кивнула мне, а после повернулась к нам спиной и начала разговаривать с другим парнем.

— Почему всякий раз, стоит мне отвернуться, как я вижу тебя, разговаривающим с

другой девушкой?

— Эми, я со всеми разговариваю. Не будь таким параноиком. Этот парень, Дейл, с Юга, а тот парень, Кайл, местный, вы вместе ходите в школу. Он подумал, что я познакомился с тобой на сайте он-лайн знакомств.

— И что ты ему ответил?

— Я сказал, что ему стоит жить своей жизнью Где Джессика?

— Она ушла. Это длинная история.

Я не должна ревновать Эйви к каждой встречной. Я знаю, что он испытывает ко мне. Но крошечная часть меня не уверена, и всякий раз она высовывает свою уродливую голову на поверхность, даже когда знает всю правду. Он вернется в Израиль, а я останусь здесь. Менее, чем через двадцать четыре часа Эйви сядет на самолет и улетит далеко-далеко от меня. И кто знает, что потом случится. Я знаю, что хочу быть вместе с ним, но возможно ли это?

— Не будь столь серьезна, Эми, — сказал Эйви, повернув меня к себе лицом.

Мы с Эйви застряли в нашем маленьком мирку, неотрывно смотря друг другу в глаза, словно для нас не существовало целого мира.

Громкое "Кхем-кхем" оторвало нас друг от друга.

Подняв взгляд, я застыла в шоке перед стоящим надо мной человеком. Я знала, что этой ночью Нейтан выступает. Но я не могла представить, что он перевоплотится в настоящую рок-звезду. Его волосы были растрепаны, глаза подведены черной подводкой; он одел рваные серые штаны и однотонную старую майку, а на шею повесил черное кожаное ожерелье. Стоит добавить, что на нем не было очков.

— Нейтан? — спросила я, не в силах поверить: то ли передо мной фантом Нейтана, то ли настоящий Нейтан.

Наклонившись, Нейтан сказал:

— Парни из группы зовут меня Нейт. И... да, это я. Ты просила меня быть самим собой, верно?

Вот это да. Мы говорили о образе ботаника и... не могу поверить.

— Да уж.

Когда Нейтан выпрямился, я почувствовала, что Эйви крепче обнял меня. Я посмотрела на своего парня. Его глаза потемнели, и в них горел огонь, словно он готов ввязаться в бой за меня.

— Эйви?

— Что? — спросил Эйви, все еще прожигая Нейтана взглядом.

— Посмотри на меня, — Эйви взглянул на меня. — Нейтан мой друг, он мне как брат. Перестань смотреть на него так, словно он твой враг.

— Я не могу ничего с собой поделать. Да и к тому же, мне больше по душе, когда твой друг ходит в очках и коротких брюках.

— Дружище, не будь таким грубым, — вмешался Нейтан. — Девчонка влюблена в тебя. Или у тебя в самом деле кроме мышц ничего нет?

Я почувствовала, как Эйви напрягся, но прежде чем он успел наломать дров, я обняла его за шею. К счастью на сцене объявили группу, и Нейтан счастливо ускакал, благодаря чему избежал стычки с Эйви. Я заметила, что после вчерашнего столкновения с Эйви, у Нейтана появился синяк.

— Нейтан безумно сексуален, вы так не думаете? — спросила Миранда, когда Нейтан — временный солист группы Lickity Split — взял в руки микрофон. Хорошо, что он может

заменить солиста Lickity Split. Это лишь временно, но тоже очень здорово.

Эйви еще ближе прижал меня к себе.

— Эми, я не хочу, чтобы ты смотрела на него так же, как на меня.

Нейтан, он же Нейт Грейсон, поднес микрофон ко рту и указал на меня.

— Эми, это только для тебя.

Что?

Он посвятил мне песню?

Мои руки все еще покоились вокруг шеи Эйви, и он крепко обнимал меня, когда Lickity Split начали играть. Нейтан начал петь песню, которую я раньше никогда не слышала.

Она окрылит тебя, она сведет тебя с ума,

Она поцелует тебя, а после оставит умирать.

На слове "умирать" я перестала слушать песню. Нас с Нейтаном предстоит долгий и серьезный разговор. Это слишком грустно. Злитесь ли Нейтан? Я уверена, прошлое переполняет его злобой, но я могу помочь ему. Разве не поэтому нужны друзья? И если говорить начистоту, я поцеловала его дважды, а не один раз. И я не бросила его умирать. Я знала, что несмотря на то, что прошлой ночью Эйви надрал ему задницу, с ним все будет хорошо... и он в хороших руках.

Встряхнув головой, я дослушала песню. Хочу заметить, что людям понравились стихи и быстрая музыка. Нейтан написал настоящий хит. В песне рассказывается о парне, который влюбился в девушку. Он думает, что она только играет с ним, но в конце он просто становится самим собой. Он понимает, что дружба — это навечно, а влечение только на миг.

Большинство людей в баре сумасшедше двигались, размахивая руками и головой в такт музыки. А некоторые замороженно вслушивались в слова и музыку. Нейтан — а-ля Нейт — прыгал на сцене вместе с остальными, полностью растворившись в песне.

— Потанцуем? — громко прокричал Эйви, чтобы я смогла услышать его сквозь нещадно орущие динамики рядом с нашим столиком.

Потанцевать? Прыгать и трясти головой? Да, я могу побыть немного сумасшедшей в свой комнате, где меня никто не видит, но здесь, перед ребятами из моей школы, я не готова выйти за рамки разумного.

— Ты иди, — я поднялась, чтобы Эйви мог подняться и слиться с толпой. — Я не тот человек, который любит попотеть в толпе.

Я бы хотела, чтобы он остался со мной, но я не буду вести себя как назойливая девушка, указывая, что моему парню делать, а что нет.

Поднявшись, Эйви потянул меня к танцполу, который походил больше на огромное столпотворение вспотевших людей, дрыгающихся в такт музыке. Тем временем Нейтан начал петь новую песню. Он поет про трудные времена и еще более тяжелое будущее. На мой взгляд, песня очень удручающая... а я пессимист.

Эйви начал двигаться в такт музыке. Музыка настолько громкая, что мне кажется, вот-вот у меня лопнут ушные перепонки, и на утро я оглохну. Я не могу отвести глаз от Эйви. Он мужественно и бесподобно выглядит, махая руками в воздухе под шум басов.

— Ну же, Эми, давай вместе оторвемся на полную катушку.

Оторваться на полную катушку? Мне? Это не в моем стиле. Да и к тому же, если я начну прыгать, моя грудь будет подсакивать как буй во время цунами. Я покачала головой, не намереваясь выставлять себя на посмешище.

Посмотрев на окружающих, я поняла, что смешна, ведь только я не прыгаю вместе со

всеми. Даже Миранда кружится как сумасшедшая, вскинув руки вверх, как будто она собирается взлететь. А у нее между прочим грудь намного больше моей.

Я начала немного приседать. Когда я посмотрела на Эйви, он неустанно кайфовал под музыку, даже немного вспотев. Он вдохновил меня. Я немного подпрыгнула, чтобы убедиться, что моя грудь не выскакивает из нового лифчика. К счастью, он хорошо поддерживал мою грудь. Я еще раз подпрыгнула. Моя грудь немного колыхнулась, но это ничего. Когда я подняла взгляд, я увидела, что Эйви, нахмурившись, смотрит на меня. Я прикусила губу.

— Все будут смотреть на меня, — прокричала я, пытаюсь объясниться сквозь грохочущую музыку.

Эйви разочарованно покачал головой.

— Давай же, Эми. Я хочу увидеть, как ты отрываешься. Не заморачивайся. Если люди и будут на тебя смотреть, то только потому, что они не так классно проводят время, как ты.

Я посмотрела на свою грудь.

Он приподнял брови.

— Просто попробуй.

Это совсем не легко для меня, и он прекрасно это знает. Я глубоко вздохнула и, набравшись решимости, о которой даже не подозревала, начала прыгать в такт музыке и трясти головой как Мутт, когда он окунулся в озеро Мичиган. Удивительные чувства переполняют тебя, когда ты теряешь контроль.

Текст песни подхватил меня.

Борись за то, что стоит борьбы,

Борись до последнего вдоха.

Борись за то, что стоит борьбы,

И не сдавайся несмотря ни на что.

Когда смысл слов дошел до моего сердца, я искренне удивилась, как много сил потратила на переживания, которые даже не стоят моего внимания. Нейтан полностью отдался музыке. Пока он пел, его выражение лица было хмурым. Он все еще пытался узнать, как же вписаться в этот мир, и почему родители бросили его.

Открыв глаза, Нейтан поймал мой взгляд и подмигнул мне, а потом наклонился к девушке в первом ряду и начал петь ей.

Вскоре песня закончилась, и группа ушла на перерыв. Пока мои уши привыкали к спокойствию и затишью музыки, я оглянулась на наш столик, а потом плюхнулась на свободный стул.

— Тебе следует чаще отрываться на полную катушку, — сказал Эйви позади меня.

— Я была похожа на идиотку, — заключила я. Да, признаюсь, мне было весело. Я размахивала руками, моя грудь подпрыгивала, а я совсем не заботилась о том, что подумают другие. Но в конце концов, я вела себя как идиотка, а меня все еще волнует мнение окружающих.

Эйви наклонился и поцеловал меня в шею.

— Эми, ты была безумна сексуальна.

— Эй вы, сладкая парочка, вы когда-нибудь остановитесь? — спросил Нейтан, подсев за наш столик.

Я шутливо толкнула Нейтана, но он не обратил на это внимание. Что-то или кто-то привлек его внимание. Я проследила за его взглядом.

— Бики, — шокировано прошептал Нейтан.

Эта девушка прекрасна, и я уже ее ненавижу. У нее короткие распущенные светлые волосы, а ее рубашка открывает удивительно плоский живот и пирсинг в пупке. Готова поклясться, ее джинсы нарисованы, уж слишком сильно они облегают ее ноги. Когда я одеваю джинсы, мне приходится ложиться на кровать, чтобы застегнуть молнию. Видимо, Бики купается в масле, чтобы натянуть такие джинсы.

Она продефилировала к Нейтану и обняла его за шею.

— Представишь меня своим друзьям? — спросила она высоким певучим голосом.

Нейтан все еще пребывал в шоке. Его руки медленно обвились вокруг ее талии, но он как-то странно смотрел на нее.

— Что ты здесь делаешь? Ты сбежала из центра?

— Конечно! — спотыкаясь, она оперлась о Нейтана. — Я слышала о твоём выступлении. К тому же, я хотела посмотреть, с кем ты целовался и кому посвятил песню, — она посмотрела на меня сверху вниз. — Так это ты?

О боги, я влипла.

Прежде чем я успела что-то ответить, вмешался Нейтан:

— Бики, ты зря тратишь время.

— В этом вся я, малыш, — промурлыкала она, смотря на него. — Тебе нравилось висеть со мной, пока ты не влип в компанию этих ботаников, — она смерила его взглядом. — Рада видеть, что ты вернулся к прежней жизни.

Он схватил ее за руки и с силой снял с себя.

— Бик, то, что мы вытворяли — ненормально. Это было слишком рискованно и глупо.

Эти слова разозлили Бики. Ее щеки покраснели и покрылись пятнами, а глаза превратились в маленькие узкие щели. Сейчас она больше походит на крошечного озлобленного эльфа.

— Нейт, ты вел себя как сумасшедший глупец. Ты до сих пор пытаешься притворяться, Нейтан? Я не могу уследить за всеми твоими масками. Интересно, а она может? — Бики указала на меня.

Все взоры обратились ко мне, пытаюсь разобраться, в каких же я отношениях с Нейтаном. Совсем не хорошо, ведь я только-только помирилась с Эйви.

— Мы просто друзья, — выпалила я, зацепив пальцем ремень Эйви, чтобы все увидели, что мы пара. Я задержала дыхание, ожидая реакцию Эйви.

Он взял мои руки в свои.

— Эми, ты не должна защищаться передо мной. Я буду в баре, а вы пока разбирайтесь.

Он серьезно? У него нет сомнений или неуверенности в моей дружбе с Нейтаном?

— Ты уверен?

— Да, — он обнадеживающе улыбнулся и кивнул.

Я смотрела ему в след, пока он не растворился в толпе.

К нам подошел Уэс, парень из молодежной еврейской группы, который помог Нейтану вступить в группу.

— Нейт классный, Эми. Спасибо, что порекомендовала его. Мы думаем предложить ему стать нашим постоянным солистом.

— Круто, — сказала я, не обращая внимания на Уэса и Бики. И Миранду, которая увлеченно болтала с парнем из молодежной группы.

— Нейтан... — начала я. По правде говоря, я хотела извиниться за поцелуй и за то, что

теперь ему приходится разбираться со своей разъяренной подружкой на первом же выступлении группы.

— Эми, все отлично.

— Если ты хочешь, я могу остаться и тебе помочь.

— Сучка, ты и так уже достаточно ему помогла, не находишь? — оскорбленно отрезала Бики.

Мне все сильнее кажется, что на хочет втянуть меня в драку. Интересно, кто же победит: она или я? Не удивлюсь, если в своем центре она изучала Таэквон-до. За всю свою жизнь я участвовала только в прошлогоднем бою с овцами в Машав. Еще подралась на дискотеке в Израиле, но это произошло только из-за уху-лизателя. Длинная история одним словом.

Ее руки просто огромные.

— Ты что-то хочешь?

— Вообще-то нет.

Она шутит?

Очевидно нет.

Мой ответ еще больше взбесил ее, потому как Нейтан схватил ее за руки и оттащил от меня. Господи, я живу в Сумрачной Зоне. Девчонка серьезно хотела меня избить.

Не зная, что делать, я сжала руки в кулаки и стала в стойку. Нас постепенно начала окружать толпа, желая в полной мере насладиться шоу. Кажется все выкрикивают "Жаркая драка девчонок" и свистят. Но чтобы они не делали, это лишь подпитывает мою храбрость. Вжившись в роль, я начала прыгать как боксер на ринге. Может, я смогу уложить Бики в нокаут в первом же раунде? Я принимаю желательное за действительно, да?

Клянусь, если я сломаю ноготь, девчонка поплатится за мой новый маникюр.

— Хочешь попытать удачу? Так пойди и получи! — воскликнула я, полностью вжившись в роль, морально подготавливая себя. Если я сосредоточусь, сконцентрируюсь и заведу, я надру ей задницу. Трепещите, перед вами новая чемпионка в женских боях нашего времени — Эми Нельсон-Барак!

Неожиданно меня схватила сильную руку и потащила назад.

— Какого..?

Я начала пинаться и драться с тем, кто меня поволок, пытаюсь отцепить руки, сцепившиеся вокруг меня как стальные тиски. Кем бы он ни был, ему удалось вытащить меня на улицу. Он опустил меня. Я должна была догадаться, что это мой парень, ведь никто так не силен, как он. Эйви говорит, что не желает драм, но всегда оказывается в эпицентре событий.

— Как. Ты. Думаешь. Что. Ты. Делаешь? — Эйви медленно и по слогам выговаривал каждое слово, будто я ненормальная. Его тело напряглось, а руки тряслись. Я никогда не видела его таким рассерженным, и это меня пугает.

— Прости.

Он развел руки.

— Я оставил тебя на две минуты, а ты уже ведешь себя как обезумевшая. Эми, как я могу оставить тебя одну на три года? Я не смогу защитить тебя, пока буду в Израиле.

Я показала на клуб.

— Бики начала первая.

— А ты повелась?

Ну, да.

— А что я должна была сделать? Сдаться и уйти?

— Да, — не задумываясь ответил он.

— Но тогда это была бы не я. Скажи мне, ты хоть раз в жизни сдавался или отступал? — я невероятно взбесилась. Адреналин бурлил мою кровь, но я была испугана, потому что руки Эйви до сих пор тряслись.

Он промолчал.

Эйви, с ужасом посмотрев на свои руки, выругался и спрятал их в карман джинс. Отвернувшись от меня, он сглотнул.

— Пошли.

Я осталась стоять прямо перед Dirty Nevin's. Я наконец-то поняла, почему Эйви так трясется.

Его эмоции вышли из-под контроля, и он не может сосредоточиться.

Эйви тот человек, который всегда контролирует свое тело, разум и эмоции. Даже когда я похитила его, он не потерял контроль над ситуацией. Он справляется с адреналином, но не может справиться с эмоциями.

— Ты боишься, что мне будет больно. Вот почему твои руки трясутся, — выпалила я.

Он остановился. И повернулся.

— Они не трясутся.

— Тогда покажи мне их.

— Нет.

— Эйви, это нормально быть эмоциональным.

— Для тебя может. Но не для меня.

Я положила руку на его плечо, понимая, что он еще не отправился от потери своего брата Михи.

Его напряженность не имеет никакого отношения ко мне или к драке. Эйви не может справиться с болью от потери Михи, но вся беда в том, что он отказывается горевать по нему.

— Тебе только восемнадцать. Мне больно это говорить, но ты просто человек..

— Я не могу потерять тебя, Эми, — в его голосе слышались нотки напряжения, хоть он и пытался взять эмоции под контроль. — Я приехал в Америку, чтобы доказать себе, что для меня ты не так уж и важна. Я был неправ.

— Ты пролетел двенадцать часов, просто для того, чтобы порвать со мной? — запутавшись спросила я. Его заявление оскорбило меня. Как же это глупо, проделать столь долгий путь только для того, чтобы доказать, что я не важна ему. — Если это не самое смешное и глупое заявление, что довелось мне слышать, то точно самое дурацкое, — заявила я, расхаживая по тротуару. Мне нужно свободное пространство.

— Машина едет.

Я оглянулась, чтобы убедиться. За углом завернула

Хонда Пилот и направилась прямо на меня.

— Ты не хотел сохранить наши отношения? — выкрикнула я.

— Да.

Он быстро направился ко мне, и когда он уже подошел, я сказала:

— Если ты сделаешь еще хоть шаг, все будет кончено. Я серьезно.

— Эта машина может сбить тебя, — взволнованно сказал он, а его глаза заблестели. Но,

тем не менее, он как вкопанный остановился на обочине.

— Он видит меня, — заверила я.

Эйви в замешательстве склонил голову набок и вытащил руки из карманов. Он пытается притвориться расслабленным, но я то точно знаю, в любую секунду он готов прыгнуть, чтобы спасти меня.

— Он остановится, — упорно твердила я, доказывая свою правоту. Со мной все будет в порядке и не важно, рядом Эйви или нет. Он не всегда будет рядом, чтобы защитить меня как Супермен. Его не было рядом, когда террорист решил убить невинных израильтян. Эйви — обычный человек и однажды ему придется отступить и смириться с этой правдой.

Эйви смотрел то на меня, то на стремительно приближающуюся машину. Я чувствую, как внутри него происходит нелегкая борьба.

— Может быть, им все равно, — в его голосе сквозило отчаяние. — Может быть, водитель не видит тебя в темноте. Может, он пьян.

— Может быть, со мной все будет в порядке, Эйви.

— А что если нет? Что если ты умрешь?

Я взмахнула руками перед машиной. Подъезжая, она остановилась около меня.

— Эй, принцесса, ты уйдешь с дороги? — выкрикнул парень через окно.

— Все мы умрем.

— Эми, ты винишь меня за желание защитить тебя? А сейчас, пожалуйста, уйди с дороги.

Водитель очень громко начал гудеть. Кажется, вот-вот и мои барабанные перепонки лопнут.

— Я пытаюсь преподать моему парню урок, — крикнула я водителю. — Ты не возражаешь?

— Да, — выкрикнул он в ответ. — Иди, преподай ему урок на Уэкер Драйв. Там бродят такие же чудачки.

— Знаешь, а за нарушения правил дорожного движения выписывают штрафы, — парировала я, закатив глаза.

— Эми... если ты через десять секунд не уйдешь с дороги, я сам тебя оттащу.

— Тебя оштрафуют за нарушение дорожного порядка, — выкрикнул парень, снова нажав на свою гуделку. На самом деле, я получаю удовольствие от того, что он не может проехать.

— У тебя есть ровно пять секунд, чтобы притащить свою ta'chat на тротуар.

— Эйви, ты любишь меня?

— Да. Четыре секунды.

— Ты доверяешь мне?

— Да. Две секунды.

— Чувак, если ты не убережешь свою сумасшедшую подружку с пути, я сам убереу ее.

— Эми, — моргнув, сказал Эйви. Две секунды прошли как вода сквозь пальцы. В умоляющем взгляде Эйви застыли не пролитые слезы. — В'vakasha. Пожалуйста.

Я отошла от проезжей части. Я доказала Эйви свою правоту, и он убедился, что мне можно доверять. Я подошла к нему, не сводя с него глаз. А тем временем машина рванула с места.

— Вот видишь, я выжила.

Он обнял меня, притянув ближе к себе.

— Не пугай меня так больше.

— Я слишком зол на тебя, чтобы бояться.

— Зол? Эйви, ты должен забыть о своем бзике супер героя. В жизни всякое случается.

Но тут ничего не попишешь. Завтра ты уедешь, и кто знает, что может случиться. Запрись ли я в комнате, чтобы избежать опасностей, подстерегающих меня на каждом пути? Нет. Засядешь ли ты в своей казарме, жалуясь командиру, что не можешь защитить Израиль, потому что твоя сумасшедшая девушка в любую секунду может умереть? Нет.

— Прекрати болтать, чтобы я смог поцеловать тебя.

— Ты не можешь заткнуть меня поцелуем, знаешь ли.

— Хочешь поспорить? — спросил он, улыбнувшись прекрасной белоснежной улыбкой.

Его удивительные руки обнимали меня, а прекрасные губы приближались к моим, доказывая, что он прав.

— Давай вернемся домой, — сказал он, когда отстранился, чтобы вздохнуть.

Я оперлась о его сильную руку, потому что его поцелуи всегда опьяняли меня.

— Здесь мой отец. Если ты еще раз поцелуешь меня, он сначала убьет тебя, а потом до смерти замучает меня вопросами.

Когда мы вернулись в квартиру, отца нигде не было видно. Я проверила автоответчик. В одном из сообщений говорилось, что ему пришлось остаться на экстренном заседании. После этого он потребовал, чтобы я передала трубку Эйви, ибо оставшиеся часть сообщения была на иврите.

Я закатила глаза.

— Он профи грязных разговорчиков?

— О, да. Первоклассный.

Не дослушав, я нажала отбой, и Эйви подарил мне озорной взгляд.

— О чем ты думаешь?

— О том, в каких комнатах твой отец установил скрытые камеры.

Я засмеялась.

— Это смешно. Мой отец не устанавливал скрытое наблюдение.

— Его слова были убедительны, но у меня есть идея.

Мы приготовились ко сну, словно женатая парочка, за исключением того, что мы всего лишь два доверчивых подростка по уши влюбленные друг в друга. Эйви по-прежнему спит на диване в гостиной, но только на этот раз я прижималась к нему под одеялом, потому что моего чрезмерно заботливого отца не было дома и он не следил за каждым нашим шагом.

— Так приятно. Так какая у тебя была идея?

Эйви с головой укрыл нас одеялом, и мы погрузились в крошечную тьму.

Я коснулась его щетины кончиками пальцев.

— И это твоя грандиозная идея?

— Ну, либо под одеялом, либо в шкафу прихожей.

— Это все sababa.

— Да. Именно так, — засмеявшись, сказал Эйви.

Как оказалось, одеяло послужило отличным укрытием и ОЧЕНЬ sababa. Я на сто процентов уверена, что отец не установил никаких камер слежения, потому что часом позже я убежала в свою комнату и притворилась, что крепко сплю. Камеры бы поймали нас с Эйви в очень интригующей позе, даже несмотря на наши попытки удержать одеяло.

Ох, не стоит ни о чем беспокоиться... мне уже семнадцать. И... я очень хорошо осведомлена в некоторых штучках (которые, к слову, сейчас меня интересуют гораздо больше, чем когда-то).

Утром приехал Тарик, чтобы отвести нас всех в аэропорт. Я все время плакала, хоть и изо всех сил старалась сдержаться. В нашем прощальном поцелуе было больше обещаний, чем в прошлом, хоть мы прекрасно понимали, что должны идти дальше и жить своей жизнью. Не спрашивая ни о чем и ничего не говоря.

Однажды нас жизнь вновь сведет, тогда и посмотрим, как сложится наша судьба. Надеюсь, это лето в Израиле будет таким же незабываемым, как и прошлая ночь... за исключением драки, разумеется.

Я намеренно не разговаривала о Джессике с Тариком, несмотря на то, что сейчас мы с ним сидели в Perk Me Up! и Джесс может войти в любую минуту.

Мария принесла мне горячий шоколад со взбитыми сливками. Мои грустные глаза все ей рассказали. Вы думаете, мои покрасневшие глаза от пролитых слез хоть немного утолили мою печаль? Мария тепло обняла меня, как сделала бы мама, если бы была здесь.

В моей голове вспыхнула замечательная идея. Поверить только, как я не додумалась до этого раньше.

— Мария, а что ты думаешь о моем отце? Вот если бы он побольше улыбался и сменил прическу...

Засмеявшись, Мария направилась к барной стойке. Кажется, я увидела, как ее щеки вспыхнули румянцем. Моему папе нравится ее кофе, и он больше нигде его не пьет. На самом деле я подозреваю, что мой папа не случайно устроил меня сюда. Это отличный повод, чтобы чаще заходить в Perk Me Up! Хм... интересно.

Над дверью зазвенел колокольчик, и угадайте, кто зашел... Джесс. Вместе с Мирандой и очень печальным Нейтаном. Бедный Нейтан. Бедная Джесс.

Настало время перестать думать только о себе, пора подумать об окружающих. Я могу сделать это. Нет ничего невозможного для Девочки-Стихийная-Катастрофа. Я могу жить безупречной жизнью и помогать другим сделать свою жизнь лучше. Больше нет никаких проблем у Эми Нельсон-Барак.

Зазвонил мобильный. Папа.

— Привет, Аба, что случилось?

— Что случилось? Объясни-ка мне лучше, что в моей машине забыли пластмассовые наручники?

Упс. Все не sababa.

Конец второй части

Больше книг на сайте — Knigolub.net

ОБ — одинокая блондинка. В английском языке используют аббревиатуру SWF — Single White Female

ОБ — одинокого блондина. В английском языке используют аббревиатуру SWM — Single White Male

ДО — длительные отношения. В английском языке используют аббревиатуру LTR — Long Term Relationship

Born free — свободнорождённый

День Всепрощения

Рош Ха-Шана (ивр. ראש השנה, букв. «голова года») — еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяцатишрей (тишри) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). С этого дня начинается отсчёт дней нового еврейского года.

Ха́нука (ивр. חַנּוּכָּה, Ханукка́ или Ха́нука) — освящение, обновление; арам. חַנּוּכָּה; др. — греч. τὰ ἐγκαίνια) — еврейский праздник, начинающийся 25 кислева и продолжающийся восемь дней до 2 или 3 тевета

Пéсах (ивр. פֶּסַח, в ашкеназском произношении — Пéйсах / Пéйсох / Пáйсох; араб. فِطْح, Пíсха; по-гречески и по-русски — Пасха) — центральный иудейский праздник в память об Исходе из Египта. Начинается на четырнадцатый день весеннего месяца нисан и празднуется в течение 7 дней в Израиле и 8 — вне Израиля.

Пасхальная Агада́ (старинное произношение Хаггада) (ивр. הַגְּדָה שֶׁל פֶּסַח, haггада шель Пэсах) — сборник молитв, благословений, комментариев к Торе и песен, прямо или косвенно связанных с темой Исхода из Египта и ритуалом праздника Песах. Чтение Пасхальной Агады в ночь праздника Песах (с 14 на 15 нисана) — обязательная часть седера.

Суккот (ивр. סוכות), Праздник кущей — один из основных праздников еврейского народа, начинается 15 числа месяца тишрей (осенью) и продолжается семь дней. В это время по традиции следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, куще), вспоминая о блуждании евреев по Синайской пустыне (книга Исход). Кульминацией праздника является восьмой день, который называется Шмини Ацерет («задержитесь на восьмой»).

Сукка́ — крытое зелеными ветвями временное жилище, в котором, согласно библейскому предписанию, евреи обязаны провести праздник Суккот. В Торе указано, когда, из чего и как строить сукку.

Йом-Киппур (ивр. יום כּפּוּר, «День искупления», «Судный день») — в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов. Отмечается в десятый день месяца тишрей, завершая Десять дней покаяния. Согласно Талмуду, в этот день Бог выносит свой вердикт, оценивая деятельность человека за весь прошедший год

Ермóлка, кíпа или кипá (иврит: כִּיפָה кíпа, мн.ч. кипот, идиш: יאַרמולקע ярмолке) — традиционный еврейский мужской головной убор

Леотард — обтягивающая одежда, закрывающая туловище, без застёжки в области паха

Маса́да — древняя крепость у юго-западного побережья Мёртвого моря, в Израиле. Недалеко от города Арад, у шоссе Эй́н-Ге́ди — Эй́н-Бокек.

Тана́х (ивр. תנ"ך) — Священное писание иудаизма. В науке принято название "Еврейская Библия"

Гипервентиляция — это явление, которое происходит при частом поверхностном дыхании, когда вдох производится в верхней части грудной клетки, что приводит к тому, что уровень углекислого газа в крови снижается.

ЧА — Чикагская Академия

NASCAR — Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей